

Д.М. Исхаков

ТЮРКО-ТАТАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА XV-XVI вв.

Научно-методическое пособие

УДК 94(100)“05/...”

ББК 63.3(2)44

И 85

Научный редактор: доктор исторических наук *М.А. Усманов*

Ответственный секретарь: *Г.Ф. Шавалиева*

Рецензент: кандидат исторических наук *И.Л. Измайлов*

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. – 132 с.

Данное исследование является первым опытом комплексного изучения позднезолотоордынских тюрко-татарских государств XV-XVI вв. В работе рассматриваются проблемы формирования этих государств, их этнического, политического, экономического и социального строя. Международное положение и политическая судьба тюрко-татарских этнополитических образований, возникших на постзолотоордынском пространстве, также обсуждаются в настоящем труде. Еще одним важным сюжетом в нем являются вопросы государственной культуры, религиозной ситуации и летописания в указанных государствах. Имеющее научно-методический характер исследование предназначено для аспирантов, преподавателей и широкого круга читателей.

© Д.М. Исхаков

Институт истории АН РТ, 2004

Содержание

Введение	
Глава 1. Формирование самостоятельных тюрко-татарских политических образований.....	
Глава 2. Территория и население. Становление татарских этнических общностей.....	
Глава 3. Экономика. Политический строй.....	
Глава 4. Некоторые аспекты культурной жизни.....	
Глава 5. Политическая судьба.....	
Заключение	

Введение

К возникшим после распада Улуса Джучи (Золотой Орды) в первой половине XV в., иногда и несколько позже, тюрко-татарским государствам относятся Казанское, Крымское, Шибанидское (Узбекское), Астраханское, Касимовское и Тюменское (Сибирское) ханства, Большая и Ногайская Орды. Образование их не было единовременным событием, а между государствами – наследниками Золотой Орды, сохранялись разнообразные и довольно тесные связи, иногда даже затрудняющие определение степени их суверенности. Следует заметить, что среди борющихся за доминирование на территории джучидской империи государств равноправной стороной выступало и постепенно усиливавшееся Московское великое княжество, активное участие которого в процессе взаимодействия поздnezолотоордынских тюрко-татарских юртов объяснялось не только тем, что это княжество являлось одним из наследников Улуса Джучи, но и интегрированностью в его состав одного из татарских юртов – так называемого Касимовского ханства.

В последние годы изучение тюрко-татарских государств XV-XVI вв. активизировалось. Были опубликованы исследования: Р.Г.Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака» (Новосибирск, 1986), Д.И. Копылова «Ермак» (Иркутск, 1989), М. Абдирова «Хан Кучум: известный и неизвестный» (М., 1996), Ф.Т. Валиева и Н.А.Томилова «Татары Западной Сибири. История и культура» (Новосибирск, 1996), Д.М. Исхакова «Сеиды в поздnezолотоордынских татарских государствах» (Казань, 1997) и «От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.» (Казань, 1998), крупное исследование В.В. Трепавлова «История Ногайской Орды» (М., 2001), Г.Л. Файзрахманова «История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века)» (Казань, 2002), Б.Л.Хами-дуллина «Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование» (Казань, 2002), И.А. Зайцева «Астраханское ханство» (М., 2004). Недавно Б.Р. Рахимзяновым защищена кандидатская диссертация «Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445-1552)» (Казань, 2001), сейчас готовящаяся к печати под названием «Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Очерки истории». Большой раздел по истории тюрко-татарских государств XV-XVI вв. имеется в объемном исследовании «Татары» (М., 2001).

Резко возрос интерес к внешнеполитическим аспектам истории этих государств, нашедшем отражение в таких трудах, как «Свержение Ордынского ига на Руси» (М., 1983) В.Д. Назарова, «Как в посольских обычаях ведется...» (М., 1988) Л.А. Юзефовича, «Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв.» (Алма-Ата, 1988) Б.-А.Б. Кочекаева, «Освобождение Руси от иноземного ига» (Л., 1989) Ю.Г. Алексеева, «Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в.» (М., 1990) А.М. Некарасова, «Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв.» (Казань, 1995) С.Х. Алишева, «XV-XVI вв. в истории Марийского края» (Йошкар-Ола, 1998) А.Г. Бахтина, «Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв.» (М., 2001) и «Россия в системе международных отношений XVI в.» (М., 2003) А.Л. Хорошкевич и др.

Число статей, посвященных разным сторонам истории татарских этнополитических объединений XV-XVI вв., насчитывается многими десятками, поэтому тут невозможно даже их простое перечисление.

На очереди подготовка крупного обобщающего труда по истории поздnezолотоордынских тюрко-татарских государств. По всей видимости, такая работа будет выполнена в рамках подготовки семитомной «Истории татар», четвертый том которой как раз посвящен истории XV-XVI вв. Однако, прежде чем приступить к такому исследованию, необходимо обсудить многие концептуальные аспекты его написания. Настоящее исследование было задумано как шаг в данном направлении.

К общим подходам, имеющим концептуальный характер, который тут необходимо обозначить, относятся следующие моменты.

Отношения между тюрко-татарскими государствами XV-XVI вв. строились на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых являлись: правление в большинстве из них представителей дома Чингисидов; общность ведущих феодальных кланов и сохранение за ними права перемещения со своими дружинами из одного татарского юрта в другой в границах бывшего золотоордынского политического пространства; существование родственных связей между разными ветвями высших мусульманских должностных лиц, возглавлявших духовенство отдельных государств; сохраняющаяся этнокультурная близость между локальными тюрко-татарами сообществами, в том числе и благодаря единству их правящей страты.

Наиболее интенсивные контакты в XV–XVI вв. были характерны для трех западных ханств – Крымского, Касимовского и Казанского. Это объясняется не только близкородственными отношениями их правителей¹, но и идентичностью правящих феодальных кланов – в них везде основные княжеские «дома» представляли Ширины, Барыны, Аргыны и Кыпчаки. В эту систему княжеств – юртов, получивших в научной литературе определение «системы карача-беев»², была вписана и соседствовавшая с ними с конца XV в. Ногайская Орда, ранее, возможно, и Большая Орда. Что касается первой из них, то ее интеграция в общую систему политического взаимодействия наследников Улуса Джучи осуществлялась через мангытские юрты, существовавшие практически во всех позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах, а также через собственные кланы, в определенной мере совпадавшие с перечнем феодальных домов ряда ханств: в Ногайской Орде, например, фиксируются племена кыпчак, барын, возможно и аргын. Перемещения феодальных групп между тюрко-татарскими государствами в рамках отмеченной выше системы карача-беев прекрасно описаны в кыпчакоязычном эпосе «Чора батыр»³. Следует заметить, что правом перехода из одного позднезолотоордынского этнополитического объединения в другое обладали только представители феодальных верхов –

¹ Основатель династии Гиреев в Крымском ханстве Хаджи-Гирей и давший начало династии самостоятельных казанских ханов Улу-Мухаммет являлись двоюродными братьями (См.: Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М.: Вост. Лит., 2002, – с. 36-74). В Касимовском ханстве правили как Гирей, так и потомки Улу-Мухаммета. К тому же эти две династии породнились после выхода замуж за крымского хана Менгли-Гирея вдовы казанского хана Ибрагима (умер в 1479 г.) Нур-Солтана. Поэтому Гирей после пресечения династии Улу-Мухаммета сидели на законных основаниях и на казанском престоле. Шибаниды, правившие в Тюменском ханстве, некоторое время в конце XV в. занимали казанский престол, имея на него определенные права благодаря более ранним политическим событиям (Об этом подробнее см.: Исхаков Д.М. О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары. – Казань, 2002. – с. 13-14; Его же. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары. – с. 24-58; Татары. – М.: Наука, 2001. – с. 132-135). Да и Аштарханиды – представители династии ханов из Астраханского ханства – находились как на престоле Касимовского, так и Казанского ханств. О матримониальных основах политических контактов между позднезолотоордынскими ханствами очень хорошо говорит пример с казанским ханом из династии Гиреев Сафа-Гиреем (ок. 1510-1549): старшая из его жен была дочерью беклярибека Крымского ханства из рода Ширинов, четвертая – дочерью русского князя, пятая – ногайской княжной (Сююмбике). Кстати, последовательно правившие во второй половине XV – начале XVI вв. казанские ханы Халиль, Ибрагим и Мухаммет-Амин также были женаты на ногайских княжнах (Татары. – с. 125).

² Schamiloglu U. The Qaraçi Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae Medii Aevi 4 (1984), pp. 283-297.

³ Исхаков Д.М. Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. – Казань, 2002. – с. 329-366.

собственно «татарь», тогда как крестьянское население – чернь, не могло покинуть территорию своего проживания. Поэтому, именно потомки золотоордынских татар с клановым делением во главе с представителями домов карача-беев и обеспечивали в XV–XVI вв. взаимные связи тюрко-татарских государств. Судя по отрывочным сведениям, аналогичные переходы между тюрко-татарскими сообществами были характерны и для возводивших свои генеалогии к пророку Мухаммету представителей высших мусульманских иерархов – сеидов⁴.

Несмотря на существование между татарскими обществами XV–XVI вв. определенных региональных различий по составу ведущих феодальных кланов, не исключено, что связанных с былым делением Улуса Джучи на Ак Орду и Кок Орду, правящая страта в них, безусловно, восходила к военно-феодальному «татарскому» сословию времен Золотой Орды. Скажем, в сочинении «Чингиз-наме» историка XVI в. Утемиша-хаджи содержится сообщение о том, что «Ширин, Барин, Аргун (и) Кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш – оглана»⁵, т.е. хана Тохтамыша (правление в 1375-78, 1379-1397, год смерти 1406). Заслуживает внимания и то, что у этого общего для государств – наследников Золотой Орды собственно татарского этнополитического слоя до начала XVI в. продолжало существовать материнское ядро в лице Большой Орды. После ее распада около 1504 г. функцию общетатарского центра пытались выполнять попеременно Крымское ханство и Ногайская Орда.

Исламский характер тюрко-татарских сообществ XV–XVI вв. не вызывает сомнений⁶. Тем более, что многие институциональные аспекты функционирования в их рамках ислама как государственной религии к настоящему времени были достаточно полно раскрыты в отдельных исследованиях⁷. Чего не скажешь однако о таком непростом вопросе, как установление уровня реальной исламизированности тех или иных тюрко-татарских обществ⁸. Явно недостаточно изученной остается и в целом культурная жизнь тюрко-татарских обществ XV–XVI вв.⁹ Поэтому,

⁴ Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. – Казань: Изд-во «Иман», 1997.

⁵ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме /Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – с. 115.

⁶ Принадлежность тюрко-татарских обществ к исламскому миру в XV–XVI вв. отчетливо осознавалась их правителями. Так, в «Зафер-наме-и вилаяти Казан» (1550г.), автором которого скорее всего был последний верховный сеид Казанского ханства Кул-Шериф, есть строки о том, что Казань «с давних времен являлась мусульманским городом», расположенным «далеко от мусульманских областей, на границе с областью кяфиров» (Хажитархани Ш. Зафәр-намәи вилаяте Казан // Кол Шәриф. И күңел, бу дөнъядыр... – Казан, 1997. – с. 77.). Далее, в послании правителя Тюменского ханства Ибрагима (Саид-Ибрагима) московскому великому князю Ивану Василевичу от 1489г., сказано: «Яз (т.е. хан Ибрагим – Д.И.) – бесерменский государь, а ты – христианский государь» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. – Махачкала, 1995. – с. 19). О том же в 1551 г. писал правитель Ногайской Орды князь Юсуф в своем послании, адресованном Ивану IV: «... мы мусульманы, а ты христианин» (ПДРВ. – ч.VIII. – Спб., 1793. – с. 302).

⁷ Исхаков Д.М. Сеиды...

⁸ Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2002. – с. 70-75; Исхаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрков Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2002 г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск, 2002. – с.173-181; Его же. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Научное издание. – Казань, 1998. – с. 117-174.

⁹ О некоторых аспектах этой проблемы см.: Сибгатуллина Э. Суфичылык серләре (төркитатар шигъриятендә дини-суфичыл символлар, образлар, атамалар). – Казан, 1998; Яхин Ф. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. – Казан, 2000.

в некоторых исследованиях последнего времени обозначился крен в сторону преуменьшения роли ислама в отдельных позднезолотоордынских татарских государствах (см., например: А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск, 2004). Для преодоления обозначившегося противоречия (с одной стороны – мусульманские сообщества, а с другой – явные следы язычества) необходимы новые концептуальные подходы. Полагаем, что к этому феномену необходимо подойти с точки зрения установления специфики функционирования ислама в средневековых тюрко-татарских обществах: они не могли не сохранять ряд черт своей национальной культуры будучи в целом исламскими обществами. И в таком понимании мы не одиноки (см. в примечаниях работу американского историка А. Франка).

Глава 1. Формирование самостоятельных тюрко-татарских политических образований

Анализируя предпосылки образования на месте Золотой Орды самостоятельных государств, один из отечественных историков писал: «Между отдельными районами, тяготевшими к... местным центрам, с ослаблением и прекращением караванной торговли, утратились общеэкономические связи, это в свою очередь привело к росту сепаратистских движений среди местных феодалов. Местная... аристократия, более не надеясь на ханов, начинает искать себе опору на местах, поддерживая того или иного представителя рода Джучидов¹⁰. Отмеченное тут обособление отдельных частей некогда единой империи базировалось на прежних административно – территориальных делениях государства и заняло достаточно длительный период. Из-за скудости источников этот процесс до сих пор остается раскрытым весьма поверхностно, поэтому в его трактовке среди исследователей имеются разногласия.

Казанское ханство. Несомненно, Казанское ханство возникло на месте Булгарского вилайята Золотой Орды, хотя сама внутренняя структура этой административной единицы, как и ее точные границы накануне образования тут самостоятельного государства, остаются до сих пор не выясненными. Для конца XIV в. русские летописи применительно к «земле», тянувшей с «граду Болгару», т.е. к центру Булгарского вилайята, кроме самого г. Булгара относили города Жукотин, Казань и Кирменчук, с добавлением, что имелись и «иные много градов». Эти же летописи сообщают, что около 1410 г. на этой территории правили «князья болгарские», «жукотинские», обобщенно называемые ими «князьями казанскими». Последнее, по-видимому, связано с перемещением политического центра вилайята ближе к концу XIV в. из Булгара в Казань (точно не известно, в Старую Казань или в Новую). Однако, титул «князь Болгарский», по всей видимости, сохранял свое значение и позже, хотя в русских летописях он был замещен термином «князь Казанский»¹¹. Вообще надо иметь в виду, что понятие «Булгарский вилайят» было даже в XVI в. параллельным названием Казанского ханства, о чем свидетельствует сочинение «Зафер наме-и вилайяти Казан» Ш. Хаджи-тархани (1550 г.), в котором есть выражения «Болгар вилятенен пайтэхете булган Казан» («Казань, являющаяся престольным для Булгарского вилайята») и «Болгар өлкәсенен хакиме» («правитель Булгарской области»)¹².

Наряду с князьями на территории Булгарского вилайята между серединой 1390-х годов и 1420-ми годами отмечаются и царевици (султаны): это Ентяк (1396/96 или 1398/99 гг.), Талыч (1410/11 гг.) и, возможно, еще один царевиц (1429 г.), насчет имени которого имеются сомнения¹³. Когда в последних двух случаях в источниках наряду с термином «царевиц» используются и понятия «князь», неясным остается главный вопрос: относятся ли эти титулы к одному и тому же человеку или к разным людям? Но ясно одно – в Булгарском вилайяте до образования самостоятельного государства ханы не отмечаются¹⁴, что говорит о подчинении этой области центральному правительству. Последнее, кстати, в условиях распада Золотой Орды могло находиться не только в районе Нижнего Поволжья. В частности, есть сведения о подчинении в конце 1420-х гг. «города Болгара с окрестностями» вначале основателю

¹⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – с. 201.

¹¹ Подробнее об этом см.: Исхаков Д.М. О титулах «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Этнос и культуры на стыке Азии и Европы. Сб. ст. к 50-ю научной деятельности члена-корр. РАН Р.Г. Кузеева. – Уфа: Изд-во «Гилем», 2000. – с. 155.

¹² Кол Шәриф. И күнел, бу дөнъядыр... – с. 77, 81. См. Также: Яхин Ф. Татар... – с. 202-203.

¹³ Исхаков Д.М. О титулах...

¹⁴ Единственным исключением является татарское историческое сочинение XVII в. «Дефтер-и Чингиз – наме», в котором применительно ко времени похода Тимура на г. Булгар упоминается «хан Габдулла» (См.: «Дәфтәре Чыңгыз – намә». – Казан, 2000. – с. 28).

Тюменского ханства Шибаниду Хаджи-Мухаммету, а затем (в 1429/30 гг.) победившему его правителю государства Шибанидов хану Абулхайру¹⁵.

Но в целом накануне образования Казанского ханства в Булгарском вилайяте реальным правителем надо считать «Казанского князя Либяя», названного в русских летописях в 1445 г. «вотчичем», т. е. наследственным правителем. Судя по тому, что в связи с нападением казанских татар в 1429 г. на русские земли под именем «Али-Баба» скорее всего, упоминается именно этот князь¹⁶, его имя звучало как Али/Гали, а «бей» – это титул. В таком случае, в лице данного князя мы имеем дело с Алим (Али)/Гали беком, согласно татарским историческим преданиям являвшемся сыном убитого Тимуром правителя г. Булгара «хана» Габдуллы. К настоящему времени однозначной позиции о происхождении этого казанского «вотчича» выработать не удалось¹⁷, но именно с ним в 1445 г. в ходе завоевания территории Булгарского вилайята столкнулась группа во главе с ханом Улу-Мухамметом.

Как известно, изгнанный со своего престола золотоордынский хан Улу-Мухаммет в 1437 г. оказался в Среднем Поволжье и по одной версии захватил центр Булгарского вилайята г. Казань в 1438 г., а по другой это сделал его сын Махмутек, овладевший городом убив названного выше «вотчича» Али-бека – князя Казанского¹⁸. Несмотря на то, что из-за состояния источников нахождение хана Улу-Мухаммета в политическом центре Булгарского вилайята – г. Казани, доказать трудно, следует все же отметить, что татарская историческая традиция, сохранившаяся в преданиях и так называемых летописях, в число правителей этого «юрта» включает и данного хана¹⁹. Если учесть, что в сообщениях русских летописей о взятии Махмутеком г. Казани в 1445 г. есть фразы «сам в Казани сел царствовать» (Воскресенская летопись) и «оттоле нача царство быти Казанское» (Никоновская летопись), то не удивительно определение хана Махмутека в некоторых из них в 1448 г. как «царя Казанского»²⁰. Если даже время основания Казанского ханства рассматривать в несколько расширенных хронологических рамках – между 1438-1445 гг., для соседей образование в Среднем Поволжье нового независимого государства было вполне очевидным – об этом свидетельствуют не только приведенные выше формулы русских летописей, но и некоторые другие документы. В частности, в послании московского митрополита Иовы казанскому князю Шайтяку (1455 г.) есть фраза «в державу волного царя Мамотяка»²¹. Выражение «вольный царь», примененное по отношению к хану Махмутеку, говорит о суверенности государства, на престоле которого он тогда находился уже довольно длительное время.

Хотя в литературе представлена точка зрения о том, что приход группы во главе с золотоордынским ханом Улу-Мухамметом на территорию Булгарского вилайята надо трактовать всего лишь как смену тут правящей династии²², на самом деле закрепление

¹⁵ Исхаков Д.М. О методологических аспектах... – с. 13; Его же. Введение в этнополитическую историю сибирских татар // «Сулеймановские чтения – 2004». Материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2004. – с. 26, 27.

¹⁶ Исхаков Д.М. О титулах... – с. 151. См. также: Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2000. – с. 142.

¹⁷ Исхаков Д.М. Еще раз о казанских князьях рубежа XIV – XV вв. (в печати).

¹⁸ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1990. – с. 24-25, 29-31; Сафаргалиев М.Г. Распад... – г. 244-249; Хамидуллин Б. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань, 2002. – с. 128-130.

¹⁹ См.: Дәфтәре Чыңгыз – намә... с. 38; Сафаргалиев М.Г. Распад... – с.247.

²⁰ ПСРЛ. – т. 11-12. Патриаршая или Никоновская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 73.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – т.1. – Спб., 1841. – с. 497.

²² См., например: Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. – Казань, 1995. – с. 12-19.

Чингисидов на казанском престоле являлось для местного общества подлинным политическим переворотом – административно-территориальное владение стало самостоятельным государством, получившем новое внутреннее административное оформление. Дело в том, что группа хана Улу-Мухаммета, насчитывавшая накануне завоевания г. Казани 3-3,5 тыс. воинов (с членами семей это до 10 тыс. чел.), была определенным образом организована – недаром она в русских летописях именуется «Ордой». Наиболее вероятным представляется структурирование «Орды» хана Улу-Мухаммета на 4 клана – Аргынов, Барынов, Ширинов и Кыпчаков. Именно эти кланы (позже к ним прибавились еще Мангыты) легли в основу деления ханства на княжества («даруги»). В то же время приходится признать, что внутригосударственные деления периода Казанского ханства могли наложиться на какие-то более ранние территориально-политические образования, существовавшие еще в пределах Булгарского вилайята (вплоть до частичного совпадения их клановых основ). В целом несомненно, что политическое ядро ханства образовали татары, организованные по клановому принципу²³.

Касимовское ханство. О формировании Касимовского «царства» и его политическом статусе до сих пор идут дискуссии²⁴. Что касается его образования, на сегодня наиболее обоснованной представляется точка зрения тех историков, которые увязывают это событие с победой войск хана Улу-Мухаммета над Московским великим княжеством в 1445 г., в результате которой один из его сыновей – царевич Касим, получил «Мещерские места»²⁵, где между 1445-1452 гг. и был образован «Мещерский юрт», получивший в литературе название «Касимовского ханства». Это ханство возникло на месте более раннего Мещерского княжества, возможно, бывшего наследником Наровчатовского улуса Золотой Орды, возглавлявшегося князьями из клана Ширинов²⁶. Наиболее раннее упоминание о «Мещерских князьях» в источниках относится к 1434 г. – они тогда были в подчинении у московского великого князя²⁷. Однако в первой половине XV в. эти князья еще сохраняли какую-то свободу действия по отношению к своему сюзерену, что вытекает из договорных грамот 1434 и 1447 гг.²⁸. Приход в это княжество царевича Касима со своими людьми – их могло быть около 500 человек, привел к усложнению социальной структуры местного общества.

Уже к началу XV в. Мещерское княжество имело внутреннюю административную структуру, о чем может свидетельствовать фраза из договора 1401 г. «Мещера с волостями и что к ней потягло»²⁹. После закрепления в княжестве султана Касима и его князей тут явно сложилось новое административно-территориальное деление, основанное на клановом принципе. Во всяком случае, к 1483 г. относится известие о «княжеских казначеях и дарагах» у сына Касима султана Данияра³⁰. Следовательно, в этом «юрте» существовали княжества. Одним из них было владение Ширинов. Кроме того, в сочинении Кадыр-Али бека «Сборник летописей» (Джами ат-таварих) (1602 г.) сохранились данные о существовании в Касимовском ханстве института карача-беев из четырех кланов – Кыпчаков, Аргынов, Ширинов и Барынов³¹. К 1600 г. к этому перечню добавляются кланы Мангыт и Джалаир. Но последний был, скорее всего, представлен лишь поздними

²³ Детальнее об этом см.: Исхаков Д.М. От средневековых татар...

²⁴ Там же. – с. 175-176.

²⁵ Худяков М. Очерки... – с. 26-29, 36; Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 255-257.

²⁶ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 183, 189-190; Его же. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). – Казань, 1993. – с. 96-98.

²⁷ Духовные и говорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – с. 86; Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 189.

²⁸ Духовные и договорные... – с. 86, 144.

²⁹ Там же. – с. 44.

³⁰ Там же. – с. 82.

³¹ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 195.

выходцами из района Сибирского ханства³². Затем, «большим князем» (беклярибеком) в Мещерском юрте были представители клана Ширинов, что говорит о включении в ходе образования Касимовского ханства владетельных «Мещерских князей» в его структуру.

Первоначально столичным центром Мещерского княжества был укрепленный – каменный «Андреев городок» (наиболее раннее упоминание в источниках – в 1508 г.), расположенный поблизости от города Кадома³³. Приход султана Касима привел к возникновению нового столичного центра – «Мещерского городка», отчетливо отмечаемого в письменных источниках в 1472 г. Но он возник явно раньше – на карте венецианского монаха Фра Маура 1459 г. на левом берегу р. Оки отмечен населенный пункт «Macharini» (Machrmi), т.е. «Мещерский городок». Кроме того, в ханстве до 1536 г. существовал еще один городской центр – город Темников (Старое Городище). Около 1474 г. на р. Оке был построен «Новгородок» или Елатьма. В 1553 г. на южных рубежах ханства был построен город Шацк³⁴.

Учитывая зависимость Мещерского юрта практически с самого начала образования от Московской Руси, наиболее точным определением его статуса была бы его квалификация как вассального ханства. Но со стороны соседних тюрко-татарских государств Касимовское ханство довольно долго воспринималось как равное другим ханствам этнополитическое образование³⁵. Встречаются и случаи, когда отдельные русские летописи применительно к этому юрту используют понятие «Орда»³⁶, также обозначающее государственное владение. В общий ряд с другими наследниками Золотой Орды ставит Касимовское ханство и получение его правителями «выхода» с территории русских княжеств³⁷. Правда, после завоевания Русским государством Казанского и Астраханского ханств статус этого этнополитического формирования изменился – он стал больше походить на удельное княжество. Тем не менее, Касимовское ханство достаточно уверенно можно поставить в один ряд с другими позднезолотоордынскими тюрко-татарскими государствами.

Крымское ханство. Традиционной является точка зрения о возникновении Крымского ханства в начале 1440-х годов при хане Хаджи-Гирее³⁸. Но начало обособления Крымского вилайята надо отнести к более раннему времени, может быть, к 1410-м годам³⁹. Правда, пока существовал золотоордынский престол, зачастую Чингисиды, правившие в этом вилайяте, использовали его как своеобразный трамплин для восхождения на трон в «Тахт иле» – т.е. в центральном домене в Нижнем Поволжье. Поэтому, для реального обособления Крыма этот исторический центр должен был потерять свое бывшее значение и привлекательность, что случилось лишь при хане Хаджи-Гирее⁴⁰.

Хаджи-Гирей, по праву «отчины» претендовавший на Крым⁴¹ – вначале, видимо, как на часть Золотой Орды, затем – как на самостоятельное владение, пытался закрепиться в этом вилайяте еще в 1433-34 гг., но был тогда вытеснен оттуда другим претендентом на местный престол – ханом Сеид-Ахматом и оказался в Литве (по некоторым данным, он даже родился там близ г. Троки). Однако, около 1443 г. он был повторно приглашен

³² Там же.

³³ Сборник Русского исторического общества. – т. 95. – Спб., 1895. – с. 15.

³⁴ Подробнее см.: Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 184-185.

³⁵ Там же. – с. 194.

³⁶ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 435.

³⁷ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 208-209 (сноска 150).

³⁸ Fisher Alan. The Crimean Tatars. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1987. – p. 1.

³⁹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. – Спб., 1887. – с. 172.

⁴⁰ См., например, у В.Д. Смирнова по этому поводу: Указ. раб. с. – 239.

⁴¹ Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 238. См. также: Некрасов А.М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV – XVI веках // Отечественная история, 1999, № 2. – с. 49.

ведущими крымскими кланами на крымский престол. Согласно польско-литовским хроникам, «татары перекопские, барыньские и ширинские у которых царь умер без потомства, прислали к Казимиру, великому князю литовскому, с просьбой дать им на царство Хаджи-Герая, который, бежав из Орды, в то время проживал в Литве... Казмир... возвел с литовскими панами того Хаджи-Герая на царство татарское и послал его в Перекопскую Орду с маршалком Радзивилом, который... посадил его там на трон отцовский» (хроника Стрыйковского)⁴². Но лишь с разгромом войсками Хаджи-Гирея в 1452 г. кочевавшего в Подолье во главе своей Орды хана Сеид-Ахмата, претендовавшего на Крым, Крымское ханство стало полностью независимым⁴³.

Уже приведенное выше сообщение о роли кланов Ширин и Барын в интронизации в Крыму Хаджи-Гирея в 1443 г. свидетельствует о клановых основах организации так называемой «Перекопской Орды». Указанные два клана также имели прямое отношение к Крыму. Например, названный в русских летописях «князем великим Ордынским» Ширин Тегиня в 1432 г. ушел зимовать в Крым, а весной оттуда прибыл в Орду хана Махметя⁴⁴. Не подлежит сомнению, что летописный великий князь Тегиня и легендарный предок крымских Ширинов Дангы бей⁴⁵, это одно и то же лицо. Барыны, как и Ширины, считались «изначальными слугами» крымских ханов, имевшими более высокий статус⁴⁶.

Основных кланов в Крымском ханстве было 4: Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки. В начале XVI в. к ним добавились Мангыты (или Мансуры – по имени сына Идегея Мансура), быстро усилившиеся⁴⁷. Главы этих кланов и являлись карача-беями⁴⁸. Скорее всего, каждый из указанных «правлящих» племен образовывал в Крымском ханстве самостоятельное княжество⁴⁹ со своими укрепленными центрами: г. Старый Крым, например, был центром владения Ширинов, крепость Кырк-ёр принадлежала клану Кыпчак⁵⁰. Ширины являлись беклярибеками (баш карачы) в этой своеобразной клановой конфедерации⁵¹.

⁴² Цитируется по: Смирнов В.Д. Крымское... – с. 228.

⁴³ Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 263.

⁴⁴ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 15.

⁴⁵ Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // Известия Таврической УАК. – № 23, 1895. – с. 124; Manz Beatrice Forbes. The Clans of the Crimean Khanate, 1466 – 1532 // Harvard Ukrainian studies, vol. 2 – 3, 1987. – pp. 282 – 309.

⁴⁶ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Учен. Зап. МГУ, Вып. 61. История. – т. 2, 1940. – с. 29.

⁴⁷ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 3-71; Manz Beatrice Forbes. The Clans...; Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian studies, vol. III – IV, part I, 1979 – 80. – pp. 445-446; Schamiloglu U. The Umdet ül-ahbar and the Turkic narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // Central Asian Monuments, ed. by H.B. Paksoy. – Istanbul, 1992. – pp. 81-93.

⁴⁸ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай...; Inalcik H. The Khan...

⁴⁹ В жалованных грамотах крымских ханов второй половины XVI в. по отношению к владению бека клана Аргын употреблены понятия «страна и слуги», «Аргынское карачийство», «Аргынское бейство» и «что относилось до Аргына с давних пор» (См.: Лашков Ф.Ф. Исторический очерк... – с.126-127).

⁵⁰ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с.30; Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды IV Археологического съезда в Одессе в 1884 г. – т. IV. – Одесса, 1889. – с.106. В тексте речь идет о беях Яшлавских, которые, по нашим данным, происходили из клана Кыпчак. См. также: Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Панорама – Форум, 1995, № 3. – с. 100 (сноска 201).

⁵¹ Inalcik H. The Khan... – p. 75.

Судя по ханским ярлыкам 1420 г. (Улу-Мухаммета) и 1453 г. (Хаджи-Гирея), первоначальным названием Крымского «юрта» был «Крымский тумен» (Кырым төмөне)⁵². По отношению к этому государству применялось и наименование «Великий Улус» (Олуг Улус)⁵³ и «Великая Орда» (Олуг Урда)⁵⁴ – последнее было связано с разгромом ханом Менгли-Гиреем в 1502 г. Большой Орды и присоединением основной части ее улусов к Крымскому ханству. Название «Крымский тумен» восходит к наименованию первой столицы ханства – г. Старый Крым (Кырым, Солхат). В русскоязычных документах это государство обозначалось как «Орда Крымская», «земля Крымская» или просто «Крым», а также как «Перекопская Орда»⁵⁵.

Большая Орда и Астраханское ханство. История этих двух позднезолотоордынских татарских государств теснейшим образом связана, более того, формирование самостоятельного Астраханского ханства стало возможным лишь с упадом Большой Орды.

Большая Орда. Являющееся прямым наследником Золотой Орды и получившее в русских летописях название «Большой Орды» этнополитическое образование на исторической арене появилось в результате деконсолидации Улуса Джучи, в первую очередь, его западной части – Ак Орды. Из-за состояния источников процесс сложения этого позднезолотоордынского государства, как впрочем, и его внутренняя история, изучены весьма поверхностно. Но в целом можно заключить, что к вычленению в середине XV в. центральной зоны ордынских владений – так называемого «Тахт иле» – привело образование на территории Ак Орды Казанского и Крымского ханств, а также зависимого от Московской Руси Касимовского ханства. В русских летописях новое государство, названное «Большой Ордой», впервые упоминается в 1460 г. По мнению отдельных исследователей, это наименование является калькой с тюркского «Олуг Урда»⁵⁶, обозначавшего после распада единого государства ставку того хана, который среди правителей – Джучидов считался главным⁵⁷, по – видимому из-за нахождения в домениальном владении («Тахт иле»). Особое значение этого юрта подчеркивают даже русские источники XVI в. – в «Казанском летописце» (Казанской истории) он назван «отцом искони», давшим начало всей татарской феодальной верхушке⁵⁸. В тюркских источниках встречается ещё одно название Большой Орды – «Намаганов (Номоганов) юрт», восходящее, надо думать, к имени Нумугана, отца Тимур – Кутлуга⁵⁹ – от последнего происходили правившие в Большой Орде ханы.

Можно полагать, что именно начало использования в русских летописях взамен применявшегося для обозначения Улуса Джучи понятия «Орда» нового термина – «Большая Орда» и указывает на примерное время сложения этого позднезолотоордынского юрта. Хотя точная дата его образования и неизвестна, да и учитывая реалии того времени, связанные с противоборством татарских юртов за доминирование на территории бывшего

⁵² Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV – XVI вв. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. – с. 208.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Усманов М.А. Жалованные... – с. 62.

⁵⁵ Сборник РИО. – т. 41. – Спб., 1884. – с. 63; ПСРЛ. – т.13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. – с. 35, 66, 84, 102, 128; ПДРВ. – ч. VIII. – с. 246.

⁵⁶ В форме «Великая Урда» (Олуг Урда) термин присутствует в письме хана Большой Орды Махмуда к турецкому султану Мехмеду Фатиху (1466г.) (См.: Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – с. 241).

⁵⁷ Горский А.А. Москва и Орда. – с. 151 (сноска 57).

⁵⁸ Казанская история. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – с.56.

⁵⁹ Зайцев И. В. Образование Астраханского ханства // Тюркологический сборник: 2001. Золотая Орда и её наследие. – с. 46-47; Его же Астраханское ханство. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004. – с. 49-50; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001 – с. 108-109.

Улуса Джучи установить её вряд ли будет возможно, окончательное время формирования Большой Орды целесообразно датировать периодом между 1452 г. (завершение отделения Крымского ханства) и 1460 г. (начало упоминания в русских летописях).

Большая Орда базировалась на той же системе карача-беев, что и другие позднесолотоордынские государства, о чем свидетельствует письмо крымского хана Менгли-Гирея казанскому хану Мухаммет-Амину (1490 г.), содержащее сообщение о нападении Большой Орды на Крым с такой общей формулой: «Сеид-Ахмет, Ших-Ахмет цари, Мангит Азика князь в головах, от всех карачеев...»⁶⁰. Но конкретные сведения о правящих кланах этого юрта крайне скудны, поэтому заслуживает внимания наблюдение Ю. Шамильоглу, который, опираясь на источники крымского происхождения, высказал мнение, что основными кланами в Большой Орде были Кийаты, Мангыты, Сиджиуты (Салджигуты) и Конграты (Коураты)⁶¹. Беклярибеками в этой конфедерации являлись, как было показано выше, Мангыты⁶² (см.: «Мангыт Азика князь в головах»), но возможно не с самого начала образования данного юрта⁶³.

Столицей Большой Орды первоначально являлся г. Сарай («Большие Сарай»). Но временами эта функция переходила и к г. Хаджи-Тархану, особенно после поражения Большой Орды в 1481 г.⁶⁴.

Астраханское ханство. Относительно времени образования Астраханского ханства в литературе ранее высказывались самые разные мнения, хотя в основном речь идет о 1450-1460-х годах (особенно о 1459 и 1466 годах)⁶⁵. Однако, недавно в специальной работе, посвященной истории этого государства, И.В. Зайцев обратился к детальному обоснованию уже имевшейся в исследованиях точки зрения о формировании данного юрта лишь в начале XVI в.⁶⁶ Похоже, что это случилось лишь после разгрома в 1502 г. крымскими войсками Большой Орды, которая перестала существовать в старом качестве, а её остатки трансформировались в Астраханское ханство – именно после этой даты Москва начинает рассматривать данный юрт как самостоятельное владение⁶⁷. Правда, при принятии этого заключения некоторые сложности источникового характера, тем не менее, сохраняются: иногда очень трудно избавиться от впечатления, что Астраханский юрт и его владельцы имели особый статус и в более ранний период. Не исключено, однако, что это связано с постоянным правлением в Большой Орде нескольких ханов (двух, по меньшей мере), ряд из которых фиксируется в г. Астрахани.

Несомненно, Астраханское ханство образовалось на месте отдельного вилайята Улуса Джучи. В некоторых русских летописях ещё в 1375 г. упоминается «князь Астраханский Салчей»⁶⁸, который, по нашему мнению, был из клана Конграт⁶⁹. Правление тут особого

⁶⁰ Сборник РИО. – Т. 41. – с. 108.

⁶¹ Schamiloglu U. Golden Horde: Society and Civilization in Western Eurasia, 13th – 14th Centuries. – Madison, Wisconsin, 1998. – p. 129. Рукопись книги, являющаяся переработкой его докторской диссертации (См.: Трепавлов В.В. История... – с. 120). Трудность заключатся в том, что эта информация дошла до нас уже через крымские реалии, что отчетливо видно при анализе тех источников, которые были использованы американским историком. (По этому поводу см. также: Сборник РИО. – т. 95. – с. 20; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 39).

⁶² Детальнее о роли Мангытов в Большой Орде, см.: Трепавлов В.В. История... – с. 119-126.

⁶³ В.В. Трепавлов ссылается при этом на мнение Ю. Шамильоглу (Трепавлов В.В. История... – с. 120. Сноска 27).

⁶⁴ Зайцев И.В. Образование... – с. 39-40, 52-53.

⁶⁵ Обзор литературы по этому вопросу см.: Там же. – с. 32-36.

⁶⁶ Там же. – с. 55.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 24.

князя, аналогичного «князю Болгарскому, Казанскому» или «князю Мещерскому», явно указывает на существование в районе г. Астрахани (Хаджи-Тархана) особой административно – территориальной единицы Улуса Джучи. Скажем, Утемиш-хаджи в своем труде «Чингиз-наме» применительно ко времени хана Абд-Керима (правил между 1489/90-1504 гг.) упоминает «вилайят Хаджи-Тархан»⁷⁰, хотя и имея в виду, скорее, Большую Орду⁷¹. Около 1469 г. это же владение также было названо «вилайятом»⁷² в связи с г. Хаджи-Тарханом.

Астраханское ханство основывалось на уже отмеченной системе карача-беев. По материалам XVI в. известно, что «астраханских князей», в которых надо видеть карача-беев, было то ли четыре-пять, то ли несколько больше. Удалось идентифицировать князей из кланов Конграт (см. выше также о князе Салчее), Алчын, Мангыт⁷³. Заслуживает внимания и информация Утемиша-хаджи о том, что у хана Абд-Керима, практически постоянно находившегося в г. Астрахани, беклярибеком («старшим беком – «улу беком» и «наибом») был Али-Баба бей из клана Китай ~ Катай (Хытай)⁷⁴. Скорее всего, с начала XVI в. в ханстве усилилось влияние Мангытов⁷⁵, однако, являлись ли они в этом государстве беклярибеками, неизвестно.

Столицей Астраханского ханства был г. Хаджи-Тархан, который, как уже отмечалось, столичный статус приобрел ещё во время доминирования в районе локализации вилайята Хаджи-Тархан Большой Орды.

Государство Шибанидов (Узбекское ханство), Тюменское (Сибирское) ханство и Ногайская Орда.

Политическая история левого крыла Улуса Джучи (Кок Орды; в русских источниках – «Синяя Орда», позже – «Заяицкая Орда») весьма сложна и тут она затрагивается лишь в связи с формированием в XV в. на его территории трех позднезолотоордынских государств: Узбекского ханства, Тюменского (Сибирского) ханства и Ногайской Орды. Два последних этнополитических образования фактически выделились из состава более раннего государства Шибанидов (Узбекского ханства). Но они в его рамках уже существовали в виде самостоятельного вилайята (вилайят Чимги-Тура) или племенного иля (Мангытский иль).

Государство Шибанидов (Узбекское ханство). После смерти Идегея (1420 г.) в восточной части Улуса Джучи началась борьба за власть между несколькими ханами, среди которых видная роль принадлежала потомкам Шибана - Шибанидам и Мангытскому илю⁷⁶. В итоге противостояния разных политических групп⁷⁷ в 1428/29 г. предводителями многих племен, в числе которых выделялся внук Мангыта Идегея-Ваккас, на ханский престол был

⁶⁹ Исхаков Д.М. Юго-восток Татарстана: Проблема изучения этнической истории региона XIV – XVII вв. // Элмэт. Альметьевск. – Казань, 2003. – с. 72.

⁷⁰ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме... – с. 96.

⁷¹ Зайцев И.В. Образование... – с. 51.

⁷² Там же. – с. 42.

⁷³ Татары... – с. 115. О пребывании конгратов в низовьях Волги, см.: Bregel Y. Tribal tradition and dinastic history: The early rulers of qongrats according to Munis // Asian and African Studies, 16, 1982. – p.p. 367-368. О конгратах в Астраханском ханстве см. также: Зайцев И.В. Астраханское... – с. 130, 159. Этот автор высказывает гипотезу о том, что в ханстве беклярибеками были представители клана Конграт.

⁷⁴ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме... – с. 114. На это сообщение обратил внимание и В.В. Бартольд (см.: Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В.В. Сочинения. – т. V. – М., 1973. – с. 166). См. также: Зайцев И.В. Астраханское... – с. 67.

⁷⁵ Трепавлов В.В. История... – с. 120, 134, 169, 261.

⁷⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 202 – 204. Известно, что сын Идегея Мансур был беклярибеком при Шибаниде Хаджи-Мухаммеде (Трепавлов В.В. История... – с. 93).

⁷⁷ Об этом детальнее см.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – с. 32-46.

посажен Шибанид Абулхаир, положивший начало Шибанидскому государству. Столицей нового государства стал г. Тура (Тара), в котором исследовали видят административно-политический центр «вилаята Чимги-Тура» – г. Чимги-Туру, известный также как г. Тюмень⁷⁸. В этом качестве он оставался до 1446 г. Но постепенно сфера интересов Шибанидского государства из юго-западной Сибири начала сдвигаться в бассейн Сыр-Дарьи, где в 1446 г. ханом Абулхаиром были захвачены ряд городов⁷⁹. Столица государства тогда переместилась в г. Сыгнак.

По-видимому, в пределах Шибанидского государства оставались полусамостоятельные владения во главе с отдельными ветвями дома Шибанидов (некоторые исследователи полагают, что они вообще были независимы от хана Абулхаира)⁸⁰. Поэтому, между ними постоянно шла борьба за верховенство. В итоге этого противоборства и из-за отделения около 1447 г. Мангытского иля (см. далее), а также под воздействием внешних факторов (война с калмыками), вскоре после смерти хана Абулхаира (1468/69 г.) государство Шибанидов распалось, но его этнополитическое ядро ещё продолжало сохраняться. Параллельным наименованием этого государства было название «Узбекский улус», «вилаят-и узбек», восходящее к имени хана Узбека⁸¹.

Государство Шибанидов (Узбекское ханство) было построено по принципу других позднезолотоордынских этнополитических образований. Беклярибеком при хане Абулхаире являлся Ваккас би из клана Мангыт⁸². Но сама структура системы карача-беев в этом ханстве остается не раскрытой. Хотя в «Шейбани-наме» сохранился список знати, назначенной ханом Абулхаиром на территорию вилайята Чимги Тура «даругами» – речь идет о кланах Конграт, Дурман, Уйгур и Кушчи⁸³. А.-З. Валиди – Тоган эти племена относил к числу «правящих» (хаким), называя их «карачинскими»⁸⁴. Правда, если учесть весь набор кланов, включая и Мангытов, число их оказывается больше, чем в традиционной системе карача-беев. На самом деле первоначальное их число, скорее всего, равнялось четырем – не случайно в «Фирдавс ал-икбал» (XIX в.), где говорится об административной реформе Абу-л-Гази хана в Хивинском ханстве – одном из наследников Государства Шибанидов – речь идет о разделении им племен на 4 группы (тупе, т.е. туба): 1-я – уйгуры и найманы, 2-я – конгураты и кийяты, 3-я нукузы и мангыты, 4-я – канглы и кыпчаки⁸⁵. Эти группы (с инкорпорацией в их состав других кланов), надо думать, являются отражением былого деления на систему карача-беев (с «удвоением» из-за существования подразделения на левое и правое крылья). Действительно, согласно «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (XVI в.) кланы дурман, конграт, кошчи, курлеут входили в левое крыло, а уйгур, найман и мангыт – в правое⁸⁶. Как бы то ни было, в XVI в. в Бухарском ханстве найманы, дурманы и кушчи относились к самым известным кланам⁸⁷. Если учесть, что ещё в XVIII в. в этом ханстве мангыты участвовали в церемонии поднятия на белом войлоке хана на престол⁸⁸, их тоже

⁷⁸ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 48; Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 207.

⁷⁹ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 57-58.

⁸⁰ Там же. – с. 60-65.

⁸¹ Там же. – с. 11-17.

⁸² Трепавлов В.В. История... – с. 98.

⁸³ Татары... – с. 121.

⁸⁴ Валиди Туган Э. – З. Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. – Офё, 1994. – 34 б.

⁸⁵ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI – XVIII вв. (письменные памятники). – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1985. – с. 125.

⁸⁶ Там же. – с. 39.

⁸⁷ Там же. – с. 60.

⁸⁸ Сведения «Тухват ал-хани» (XVIII в.) – см. там же. – с. 114.

надо относить к правящим кланам. Тем не менее, следует признать, что политическая основа Государства Шибанидов (Узбекского ханства) требует дальнейшего изучения⁸⁹.

Ногайская Орда. Как известно, район проживания Мангытского иля, ставшего ядром Ногайской Орды, входил в левое крыло Улуса Джучи – в Кок Орду⁹⁰. В эпоху Идегея (1376-1420 гг.), когда в сарайском дворе резко усилилось влияние клана Мангыт, Мангытский иль во главе с беклярибеком Идегеем закрепился в бассейнах рек Яика и Эмбы⁹¹. Но, несмотря на значимость Мангытского иля, в период могущества Государства Шибанидов Мангытский юрт входил в это ханство, являясь составной частью его правого крыла⁹².

После смерти бия Ваккаса, последовавшего около 1447 г., Мангытский иль отделился от Узбекского ханства, о чем пишет М.Меховский: «... сыновья (Ваккаса – Д.И.) ...отделились от главной заволжской Орды и поселились около замка Сарай»⁹³ (т.е. Сарайчика). Видимо, между ханом Абулхаиром и его беклярибеком существовали противоречия – ещё до смерти Ваккаса он пытался в 1446 г. встать на сторону другого Шибанида – Мустафы хана⁹⁴. Однако и в дальнейшем политика правителей Мангытского иля строилась на коалиции с разными претендентами на престол в Кок-Орде, следовательно, до определенного периода нельзя говорить о полном обособлении этого юрта⁹⁵. В конечном итоге, Мангытский иль вошел (около 1473 г.) в союз с Шибанидом Саид-Ибрагимом (Ибаком), чьим юртом был «вилаят Чимги-Тура» с центром в г. Тюмени. Не исключено, что ханом его поставили именно мангыты. Эта коалиция в 1481 г. разгромила Большую Орду, убив при этом его правителя хана Ахмата. Именно в результате этой успешной акции владения Мангытского иля расширились на западе до Волги, о чем сообщает «Казанская летопись»: «...И вселишася в Большой Орде нагаи и мангыты, из-за Яика пришедши»⁹⁶. Хотя в этом источнике содержится некоторая переоценка сдвига Ногайской Орды на запад, в целом общее направление ногайской миграции оценено правильно.

В последней четверти XV в. правители Мангытского юрта продолжали свои политические связи с разными группами Шибанидов, в основном сотрудничая с той их ветвью⁹⁷, которая занимала трон в Тюменском ханстве – известно, что представители клана Мангыт являлись беклярибеками тюменского хана (он же «Нагайский царь» русских источников) Саида-Ибрагима (ум. около 1495 г.) и, возможно, его преемника – хана Мамука. К началу XVI в., когда произошли политические изменения в Тюменском ханстве (см. ниже), скончался глава Ногайской Орды бей Муса (ум. около 1502 г.). Ногайская Орда стала тогда практически независимой. Но окончательное обретение ею суверенитета надо связывать с уходом большой массы кочевников Узбекского ханства между 1500-1511 гг. в глубь Средней Азии в результате завоевания ими

⁸⁹ На эту мысль наталкивает информация «Тухват ал-хани» об участии в церемонии посажения на ханский престол в Бухарском ханстве кроме Мангытов ещё представителей кланов Утарчи, Бахрин (Барын) и Сарай (Там же. – с. 118). Кроме того, в Хивинском ханстве в XVIII в. отмечаются ополчения не только найманов, конгратов и мангытов, но и кийятов (Там же. – с. 112). Обычно племенные ополчения были связаны с карача-беями. Правда, тут речь идет о поздних реалиях, которые могли претерпеть существенную трансформацию.

⁹⁰ Трепавлов В.В. История... – с. 79, 81.

⁹¹ Там же. – с. 71.

⁹² Там же. – с. 99.

⁹³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Введ., пер. и коммен. С.А. Аннинского. – М.-Л., 1936. – с. 93.

⁹⁴ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 63-64.

⁹⁵ Трепавлов В.В. История... – с. 106-108, 110-112.

⁹⁶ Казанская история... – с. 49.

⁹⁷ Были и некоторые исключения (См., например: Трепавлов В.В. История... – с. 116).

территории государства Тимуридов⁹⁸. Именно к началу XVI в. сложилась довольно прочная связь между Мангытским илем и другими присоединенными к нему племенами (то, что «нагаи» и «мангыты» были разными этнополитическими формированиями, прекрасно понимали и в Московской Руси – см. выше цитату из «Казанского летописца»). Тогда и закрепился политоним «ногаи» («Нагаи» русских источников)⁹⁹.

По данным В.В. Трепавлова, в восточных источниках Ногайская Орда была известна как «омак (т.е. аймак – Д.И.) мангытов» и «эль и улус Мангытов»¹⁰⁰. Сама мангытская знать свое владение считала отдельным «юртом». Западные авторы это владение называли «Ногайской Ордой». Этот термин употребляли и русские источники XV-XVI вв., больше используя понятие «ногаи» («Нагаи»), изредка – «Мангыты»¹⁰¹. Иногда в источниках русского происхождения проводили, как было уже отмечено, тонкое различие между «Нагаями» и «Мангытами».

В связи с политическим статусом Ногайской Орды – она, несмотря на превращение в XVI в. в самостоятельный юрт, не являлась ханством – её внутренняя административно-политическая структура отличалась от строения других позднезолотоордынских государств. Но показательно, что институт карача-беев существовал и в Ногайской Орде¹⁰². Однако, роль этого института в данном юрте не совсем ясна, как и механизмы её функционирования¹⁰³. Показательно, тем не менее, что в Ногайской Орде существовало деление воинов на 40 «санов» или «туменей» (т.е. по 10000 воинов)¹⁰⁴, которое из-за своей кратности к четырем, возможно, имело отношение к четырехчастному делению по системе карача-беев.

Столицей Ногайской Орды являлся г. Сарайчик (Сарайчук), расположенный в районе р. Яика¹⁰⁵.

Тюменское (Сибирское) ханство. Вряд ли можно сомневаться в том, что Тюменское ханство сформировалось на месте так называемого «вилайята Чимги (Чинги) – Тура» (г. Тюмень и есть г. Тура или Чимги-Тура восточных источников). Но о времени образования этого ханства до сих пор идут дискуссии, хотя в основном называют годы правления Шибанида хана Хаджи-Мухаммета (1420/21 – 1430 гг.) или его сына хана Махмутека (Махмуда)¹⁰⁶, правившего предположительно до середины XV в¹⁰⁷.

⁹⁸ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – Спб., 2000. – с. 241-243.

⁹⁹ Трепавлов В.В. История... – с. 112.

¹⁰⁰ Там же. – с. 112.

¹⁰¹ См.: Меховский М. Трактат... – с. 60; Виженер де Блез. Извлечение из сочинения «Описание польского королевства и порубежных с ним стран» (1573) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. – Вып. 1 (XVI ст.). – Киев, 1890. – с. 83; Сборник РИО. – т. 41. – с. 81; ПСРЛ. – т. 13. – с. 256, 370; ПДРВ. – ч. VIII. – с. 162, 210, 274; ч. IX. – Спб., 1793. – с. 268.

¹⁰² Его отмечает и В.В. Трепавлов (См.: История... – с. 74). См.: ПДРВ. – ч. VII. – Спб., 1791. – с. 239, 242, 278, 287; ч. VIII. – с. 33, 100; ч. IX. – с. 4, 240, 248, 260; ч. X. – Спб, 1795. – с. 41; ч. XI. – Спб., 1801. – с. 134, 228, 238.

¹⁰³ Этих карачи ногайский князь приравнивал к таковым в Крымском ханстве (ПДРВ. – ч. VII. – с. 242). Они участвовали в советах знати (См. формулу: «Сеид-Ахмет князь, да Ших-Мамай мирза, и все карачеи (и) князь подумав» – ПДРВ. – с. VII. – с. 33). Несомненно, карачи обладали титулом «князь» (ПДРВ. – ч. VIII. – с. 33, 100; ч. IX. – с. 240, 248, 134). Возможно, их было 12, так как есть сообщение о том, что «12 князем в Орде всегда ...с посла... по шубе, да по однорядке» давалось (ПДРВ. – ч. IX. – с. 260). Скорее всего они являлись племенными вождями, возможно, наиболее крупных племен (См.: «а что есть у князя (Ногайской Орды – Д.И.). Карачев сильных улусов» – ПДРВ. – ч. VII. – с. 287).

¹⁰⁴ Трепавлов В.В. История... – с. 495.

¹⁰⁵ Там же. – с. 75.

¹⁰⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 208-209, 222-224.

Таким образом, формирование Тюменского ханства традиционно относится к периоду между 1420-1450 гг. Но сомнительно, чтобы это было так. Имея в виду господство тогда в Кок-Орде Шибанида Абулхаира, чья столица до 1446 г. вообще находилась в центре вилайята Чимги-Тура – г. Чимги-Тура (Тюмени), где пребывали и назначенные ханом Абулхаиром «даруги», трудно допустить, чтобы этот вилайят существовал как самостоятельное этнополитическое образование. В то же время нельзя полностью исключать нахождения в этой части Государства кочевых узбеков самостоятельной ветви дома Шибанидов – потомков хана Хаджи-Мухаммета¹⁰⁸, но скорее как зависимых от хана Абулхаира правителей. Хотя допустимо, что кто-то из них ещё при жизни Абулхаира был провозглашен ханом, например, при поддержке отколовшегося около 1447 г. от Государства Шибанидов Мангытского иля. Во всяком случае, когда тюменский хан Саид-Ибрагим, приходившийся внуком Шибаниду Хаджи-Мухаммету, появился в Поволжье около 1471 г.¹⁰⁹, он был связан именно с этим илем¹¹⁰. Нахождение этого хана в Тюменском ханстве надежно документировано: после взятия в 1481 г. в союзе с ногайцами ставки Большой Орды, он «Ордобазар с собою поведе в Тюмень»¹¹¹. Пребывание этого хана и в 1491/92 гг. «в Тюмени» видно и из других русских источников¹¹². Следует, однако, иметь в виду, что Шибанид Саид-Ибрагим хан был вовлечен в борьбу за «Саинский стул», т.е. фактически за господство в Кок-Орде¹¹³, поэтому его юрт вряд ли можно считать суверенным в полном смысле (хотя известны даже несколько его монет)¹¹⁴. Тем более, учитывая «симбиотическое» состояние его домена с Мангытским илем, позволяющее даже определять в русских летописях хана Саид-Ибрагима «царем Нагайским»¹¹⁵.

В литературе высказывалась точка зрения о том, что лишь после убийства около конца 1494 – начала 1495 г. хана Саид-Ибрагима своим родственником князем Махмутом (Маметом) Тайбугидом, возникло независимое Сибирское (Искерское) княжество или ханство¹¹⁶. Такая схема развития этого этнополитического образования основана на сообщении «Сибирских летописей», где сказано: «Адеров сын Мааметь Казанского царя Упака (т.е. Ибака – Д.И.) уби и град свой Чингиден (Чимги-Туру – Д.И.) разруши, и отиде оттуду внутрь Сибирские земли, а поставил себе град... и назвал его град Сибирь». Но имеющиеся данные не позволяют так однозначно трактовать это событие. Во-первых, брат хана Саида-Ибрагима Мамук в 1496 г. назван «Шибанским царем»¹¹⁷, т.е. он, скорее всего, правил сразу после убийства брата все в том же Тюменском ханстве. Во-вторых, нахождение Шибанидов в г.Тюмени и в более позднее время подтверждают некоторые русские летописи: в них под 1505 г. (или 1506 г.) сказано о приходе рати «ис Тюмени,

¹⁰⁷ Нестеров А.Г. Монеты сибирских Шейбанидов // Восток-запад: диалог культур Евразии. Вып. 2. Проблемы истории и археологии. – Казань, 2001. – с. 276.

¹⁰⁸ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 61.

¹⁰⁹ Нестеров А.Г. Монеты... – с. 276.

¹¹⁰ Ахмедов Б. А. Государство... – с. 67-68.

¹¹¹ ПСРЛ. – т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI – XVII вв. – Л., 1982. – с. 95.

¹¹² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489 – 1549 гг. – с. 18-19, 21; Сборник РИО. – т. 41. – с.94.

¹¹³ Нестеров А.Г. Монеты... – с. 276. Как он сам сообщает, в 1493 он даже «Саинский стул взял», оказавшись в «отцовском юрте», который он поместил около Волги (См.: Посольские книги... – с. 46). Отсюда, кстати, вытекает, что его отец – Махмутек хан, был также вовлечен в общую борьбу Шибанидов.

¹¹⁴ Нестеров А.Г. Монеты... Место чаканки монет обозначено как «Орду Базар».

¹¹⁵ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 203.

¹¹⁶ Нестеров А.Г. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – с. 235-237; Его же. Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Сибирские татары. – Казань, 2002. – с. 17-23.

¹¹⁷ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 242-243.

Кулук салтана Ивака царева сына с братьею и з детьми»¹¹⁸. Несмотря на то, что братья хана Мамука – Агалак и Кулук в русских летописях выступают только как «царевичи» (султаны)¹¹⁹, в отдельных восточных источниках Агалак назван ханом¹²⁰, правда, без уточнения, где он правил. Во всяком случае, приведенная выше информация свидетельствует, что Сибирское (Тайбугидское) княжество относительную независимость приобрело лишь после 1505-1506 гг., скорее всего это произошло вслед за второй волной ухода Шибанидов в Среднюю Азию в 1511 г. Но даже после этого данное княжество, похоже, продолжало зависеть в какой-то мере от своих верховных сюзеренов, находившихся уже в Бухаре¹²¹.

То, что Сибирское княжество Тайбугидов являлось прямым политическим наследником Тюменского ханства или вилайята Чимги-Тура, подтверждает и русская традиция смешения правителей Тюменского ханства и Сибирского (Искерского) княжества: в свое время М.Г. Сафаргалиев полагал¹²², что среди предков Тайбугидов трое – Хаджа, Мар, и Ебалак, соответствуют последовательно Хаджи-Мухаммету, Махмутеку и Иваку (Саид-Ибрагиму). Но у этой точки зрения есть свои сложности¹²³. Зато имеются прямые высказывания некоторых русских источников о тождестве для правителей Московской Руси Тюменского ханства и Сибирского (Искерского) княжества. Так, в грамоте царя Федора Ивановича (1597 г.) хану Кучуму сказано: «...после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Таибугина роду Магмет к(нязь), (по)сле его Казьи князь, а после Казьи Едигерь князь»¹²⁴.

Таким образом, окончательное обособление собственно Сибирского княжества, ставшего затем ханством, относится к первому десятилетию XVI в.

Политическая основа Сибирского (Искерского) юрта состояла из традиционной для позднезолотоордынских государств системы карача-беев, причем она была четырехчастной, о чем говорит одно историческое предание сибирских татар, рассказывающее о делении войск хана Кучума на четыре «отряда» (Кордак, Туралы, Аялы и Бараба). Пятую группу образовывали пришедшие с Кучумом из Средней Азии «сарты»¹²⁵. Специальное изучение вопроса о карача-беех в Сибирском ханстве показало¹²⁶, что одним из «улусов», т.е. княжеств в этом юрте было владение клана Джалаир во главе с собственным князем,

¹¹⁸ ПСРЛ. – т. 37. – с. 99; Документы по истории Коми. Вычегодско-Вымская (Михайло-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – с. 264. В последнем сообщении обращает на себя внимание противоречивое выражение «сибирский царь Кулук Салтан».

¹¹⁹ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 250; т. 37. – с. 99.

¹²⁰ Речь идет о «Бах ал-Асрар фи манакиб ал-ахйар» (См.: Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) – Алма-Ата, 1969. – с. 347-350).

¹²¹ См.: Исхаков Д.М. Сеиды – с. 53-64; Его же. Сеиды в Сибирском ханстве // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (14 – 18 декабря 1998 г., Тобольск). Тобольск, 1998. – с. 136.

¹²² Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 221.

¹²³ Дело в том, что по «Сибирским летописям» князь Мар был женат на сестре «царя» Упака и если исходить из гипотезы М.Г. Сафаргалиева, то получается, что хан Махмутек (т.е. Мар) был женат на собственной дочери, что маловероятно. Правда, точные родственные отношения хана Саид-Ибрагима и хана Махмутека до сих пор не выяснены (обычно Махмутек считается отцом первого).

¹²⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – ч. 2. – М., 1819. – с. 132.

¹²⁵ Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Вып. 5. – Тобольск, 1896. – с. 1-13.

¹²⁶ Татары... – с. 120-124.

именовавшемся «карача». Другим таким княжеством было владение Тайбугидов, являвшихся «сибирскими князьями», в которых надо видеть беклярибеков. Тайбугин «юрт», по одной версии, являлся княжеством клана Мангыт¹²⁷, по другой – клана Салджигут¹²⁸. Что касается Тюменского ханства, уже говорилось о том, что беклярибеками там были представители клана Мангыт. А в самом г. Тура (Чимги-Тура) в момент его завоевания ханом Абулхаиром «хакимими» были представители клана Буркут, связанного с конгратами. Как указывалось, в составе вилайята Чимги-Тура к началу 1430-х гг. находились «даруги» из кланов Конграт, Дурман, Найман, Кошчи. Не исключено, что они потом оказались в составе собственно Тюменского ханства и Искерского (Сибирского) юрта (во всяком случае, некоторые из них). Но пока невозможно проследить в полной мере преемственность клановых основ этих двух этнополитических образований, хотя в некоторых случаях и можно высказывать по этому поводу гипотезы¹²⁹.

Столицей Тюменского ханства являлся г. Чимги-Тура или Тюмень (последнее название употреблялось в основном в русских источниках)¹³⁰. Затем центр этого этнополитического образования в конце XV в. или в начале XVI в. переместился в г. Сибирь (по татарски – «Искер» – «Иске + ор», т.е. «Старая крепость»)¹³¹. Согласно русской традиции, возможно, опирающейся на татарские предания, название «Сибири» было присвоено новому политическому центру князем Махмутом Тайбугидом (см. выше).

¹²⁷ Frank A. Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers on Inner Asia. Bloomington (Ind.) – № 27, 1994 – p.p. 1-27.

¹²⁸ Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск – Омск, 2000. – с. 51-53.

¹²⁹ Об этом см.: Татары... – с. 120-124; Исхаков Д.М. К вопросу...

¹³⁰ Наиболее раннее упоминание сохранилось в Устюжских летописях и относится к 1406 г.: «в Сибирской земле близ Тюмени» (ПСРЛ. – т. 37. – с. 82). Затем в 1475 г. этот город появляется и в Патриаршей (Никоновской) летописи (ПСРЛ. – т. 11-12. – с.158). В последний раз он в русских летописях упоминается в 1505 (1506) г. (ПСРЛ. – т. 37. – с. 99; Документы по истории коми... – с. 264). М.Г. Сафаргалиев полагал, что под «пределами Тулина», где умер Тохтамыш, «Аноним Искендера» (1414 г.) также имеет в виду этот город (Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 219).

¹³¹ Еще одним тюркским названием этого города было наименование «Кашлык».

Глава 2. Территория и население. Становление татарских этнических общностей

В силу уже рассмотренных причин территории ряда позднезолотоордынских тюрко-татарских государств окончательно определились довольно поздно. Но даже на западе бывшего Улуса Джучи – в Ак Орде, где важную роль играло оседлое население, существовала развитая городская жизнь, из-за борьбы между образовавшимися тут государствами за политическое доминирование, кристаллизация государственных границ оказалась растянутой во времени: быстрее других этнополитических образований обособились Казанское и Касимовское ханства, а Крымское ханство вплоть до начала XVI в. вело борьбу с Большой Ордой, что было связано и с массовыми перемещениями населения. В Кок Орде, где кочевое население явно преобладало, весь XV век сохранялась ситуация неопределенности в территориальном размежевании между формирующимися государствами, что, однако, не означает отсутствия в этом районе сложившихся ещё в более ранний период определенных, ставших традиционными, зон кочевков, привязки населения к существовавшим тут издавна городским центрам.

* * *

Казанское ханство. На западе границы ханства проходили по рекам Суре, Ветлуге и Мокше, а пограничная полоса начиналась восточнее земель, тянувших к г. Мурому¹³². На севере Казанское ханство контролировало территорию вплоть до р. Чепцы, недалеко от устья которой имелся татарский укрепленный пункт¹³³. Восточная граница государства проходила где-то в районе бассейна рек Сылвы и Ирени¹³⁴, низовье р. Белой вплоть до г. Туратау (совр. г. Уфа) также находилось под юрисдикцией ханства¹³⁵. Южные границы ханства остаются более неопределенными – скорее всего, на юго-востоке они ограничивались районом рек Сока, Кинели и Кинельчика¹³⁶, юго-западнее доходя до Саратова¹³⁷, но в последнем случае это трудно утверждать. Хотя в литературе представлена точка зрения о том, что приобретение Казанским ханством указанных территориальных очертаний было связано с завоевательными походами, на самом деле такими могли быть границы уже Булгарского вилайята. Другое дело, что в связи с военными действиями Русского государства и Ногайской Орды некоторые изменения границ Казанского ханства имели место.

Население ханства было многонациональным, на что отчетливо указал А. Курбский, кроме татарского «языка» (т.е. народа), перечисливший в составе государства ещё пять других «языков»: мордовский, чувашский, черемисский (марийский), вотяцкий (арский, т.е. удмуртский) и башкирский¹³⁸. Русские летописи подтверждают это сообщение¹³⁹. Политически доминирующей силой в государстве были татары, являвшиеся государствообразующим ядром ханства. Если общая численность населения Казанского ханства доходила до 0, 5 млн. человек, татар насчитывалось около 200 тыс.¹⁴⁰

¹³² Худяков М. Очерки... – с. 18; Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 258.

¹³³ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 31-42; Худяков М. Очерки... – с. 18.

¹³⁴ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 131-132.

¹³⁵ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. – с. 320; Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 150.

¹³⁶ Исхаков Д.М. Юго-восток Татарстана... – с. 67-68.

¹³⁷ Худяков М. Очерки... – с. 18; Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 258.

¹³⁸ Сочинения князя Курбского. – т.1. // Русская историческая библиотека. – т. 31. – Спб., 1914. – с. 47

¹³⁹ . Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 61-62.

¹⁴⁰ Исхаков Д.М. Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – с. 141-148.

Для внешних наблюдателей складывание в этом государстве самостоятельной этнической общности было заметно уже в XV в. – в русских летописях постоянно упоминаются «Татаровя Казанские» или «Казанцы» (последний термин известен и в крымских материалах). А в первой половине XVI в. применительно к политически господствующему этносу Казанского ханства наименование «казанские татары» или «казанцы» использовалось весьма широко как в русских, так и в европейских источниках. Но, применительно к тюркскому населению центральной части государства в русских источниках sporadически использовались и этноним «булгары» и производные от него термины («Болгарские области», «страны Болгарския»). Хотя обе этнонимические системы к середине XVI в. использовались для номинации одного и того же этноса, само их существование свидетельствует о сохранении сословного деления в татарском обществе, когда его «верхи» состояли из «татар» с клановым делением, а «низы» – чернь, восходили к сильно трансформированному болгарскому населению. Показательно, однако, что и те, и другие маркировались как «мусульмане». В целом можно полагать, что в рамках Казанского ханства происходило становление народности казанских татар, вполне завершённое к середине XVI в. Наблюдавшаяся тогда этносословная стратифицированность этноса на «благородных» (аксёяк) и «чернь» (кара халык) фактически не выходила за рамки присущего феодальным обществам деления на «верхи» и «низы», хотя и была связана с более ранними этническими реалиями, восходящими, с одной стороны, к золотоордынским «татарам», а с другой – первоначальному населению Волжской Булгарии.

Касимовское ханство. В XV в. Касимовское ханство – Мещерский юрт, имело устойчивые границы, что вытекает из источников, в которых есть такие выражения, как «порубежье Мещерским землям», «земли к Мещере по давнему», «Мещерские места». Из многих, достаточно разнохарактерных источников XVI в., Мещерский юрт (Мещера) также предстает как географически определенный ареал¹⁴¹. Но эти границы все же остаются далеко не ясными. В целом можно заключить, что к середине XVI в. под территорией Касимовского ханства надо понимать земли, которые в завещании Ивана IV (1572 – 1578 гг.) описаны следующим образом: «...город Мещера (т.е. г. Касимов – Д.И.), с волостми и с селы и со всем тем, что к ней исстари потягло, и с Кошковым, и Кадом, и Темников, и Шацкий городок со всем»¹⁴². Правда, для XVI в. было характерно постепенное расширение первоначальной территории Касимовского ханства¹⁴³. Затем, начиная со второй половины XVI в., началась дифференциация этого некогда целостного этнополитического организма на ряд новых административных единиц – уездов, что было уже связано с постепенным усилением процесса ликвидации Мещерского юрта, занявшего довольно длительный период.

Первоначально население Касимовского ханства состояло из тюркских групп разного происхождения, по отношению к которым наиболее употребительными в московских деловых бумагах были понятия «Городецкие татары» (Городок – это Мещерский городок, т.е. г. Касимов) или «мещерские люди», а также из мордвы. С XVI в. в Мещерском юрте начинает увеличиваться удельный вес русских людей, вначале состоявших из служилых, а затем и из крестьян. Однако, до взятия Русским государством Казанского ханства в Мещерском юрте политическая власть находилась в руках татар, хотя по мере становления тут уездной системы власти, когда складывалась параллельная система русской уездной администрации, она становилась все более эфемерной. Численность всего населения

¹⁴¹ Детальнее см.: Исхаков Д.М. От средневековых... – с.183-186; Исхаков Д.М. Демографическая ситуация в... – с. 141-148.

¹⁴² Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С.В. Бахрушина. – М., 1909. – с. 57.

¹⁴³ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 186-189.

Касимовского ханства точно неизвестна. Татарская часть его к середине XVI в. составляла около 70 тыс. чел.¹⁴⁴

Рассмотрение комплекса имеющихся источников¹⁴⁵ позволяет утверждать, что формировавшаяся в границах Мещерского юрта тюркская этническая общность – «Городецкие татары», «Мещерские татары» или «Мещеряне» до рубежа XVI – XVII вв. состояла из двух этнословных страт – «черного» ясачного населения из «можерян» (мещерян), восходившего к домонгольским буртасам и социальных верхов из собственно «татар», т.е. кыпчакско-ногайских групп с клановым делением. Последняя группа до начала XVI в. сохраняла свою самостоятельность. Но к концу XVI – началу XVII вв. для обозначения всех тюркских групп Касимовского ханства, исповедовавших ислам, всё чаще начинает применяться интегральный этноним «татары», что сигнализирует о завершении к тому времени сложения тут мишарско-татарского этноса, сохранившего, правда, внутриэтнические деления.

Крымское ханство. Владения крымских ханов, прежде всего, включали степную часть Крыма с северными склонами Крымских гор. Южное побережье Крымского полуострова не принадлежало Крымскому ханству – оно находилось в руках городов генуэзцев, а с 1475 г. отошло под власть турецкого султана. Граница ханства со стороны Большой Орды (затем – Астраханского ханства и ногайцев) проходила по р. Молочная Вода или Миуса. На севере пограничье приходилось на район р. Конские Воды, с Литвой оно проходило около крепости Ислам – Кермень. Далее, на правом берегу Днепра, у его устья, имелась крепость Очаков (Ак – Чакум), обеспечивавшая защиту степных владений Крымского юрта на правобережье р. Днепра (район рек Белой и Синей Вод). Тут пограничье приходилось на широту впадения Синей Воды в р. Буг. Наконец, под г.Белгородом (Аккерманом) находились кочевья татар, тянувших к Крымскому ханству, хотя сам город подчинился турецкому султану¹⁴⁶. Следует отметить, что эти границы не оставались неизменными – после походов крымских татар в 1510-1515 гг. на черкесов (адыгов), определенная их часть также подчинилась Крымскому ханству. Затем под сюзеренитет ханства на Северном Кавказе перешло и Тюменское княжество¹⁴⁷. Скорее всего, эти успехи крымских ханов были связаны с ликвидацией Большой Орды и переделом её владений.

Крымское ханство было многоэтничным государством – кроме татар в его состав входили черкесы (адыги), а также ряд меньшинств, не исповедовавших ислам (армяне, грузины, греки и караимы-иудаисты)¹⁴⁸. По более поздним данным к этому перечню следует добавить ещё и цыган. Жившие в городах Гозлеу, Карасу-Базар, Акмечеть и Бахчисарай эти этнические группы, не слишком впрочем, многочисленные, практически все говорили на татарском языке.

Общая численность населения Крымского ханства не установлена. О собственно татарской его части, можно сказать, следующее. Крымские войска насчитывали от 15 до 100 тыс. чел.¹⁴⁹, в среднем составляя 50 тыс. чел.¹⁵⁰ Наибольшее число воинов ханства, зафиксированное источниками – 250 тыс. чел.¹⁵¹ Но такое войско Крымское ханство смогло

¹⁴⁴ Исхаков Д.М. Демографическая... – с. 146.

¹⁴⁵ Анализ их см.: Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 210-227.

¹⁴⁶ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 4-8.

¹⁴⁷ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. – М.: Наука, 1990. – с. 85, 88.

¹⁴⁸ Fisher A. The Crimean Tatars...pp. 21-25, 31-34.

¹⁴⁹ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 43.

¹⁵⁰ Оценка А.Фишера (См.:Fisher A. The Crimean Tatars... p. 37.)

¹⁵¹ Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб-Гирея // Панорама-Форум, 1995, № 3. – с. 73-94; Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам //

выставить лишь после победы над Большой Ордой¹⁵², когда улусы последней в значительной мере были присоединены к победившей стороне. Имея в виду, что в больших походах участвовали все мужчины старше 15 лет, численность крымских татар до начала XVI в. можно оценить около 300 тыс. чел. После победы над Большой Ордой эта численность временно могла достичь 500 – 600 тыс. чел. Но следует заметить, что весьма часто в войсках Крымского ханства, особенно с начала XVI в., находились большие группы ногайских войск, бывших в подчинении оказавшихся подданными крымского хана представителей клана Мангытов (Мансуров). Однако, имея в виду, что они стали составной частью складывающегося крымско-татарского этноса, эти группы надо относить к крымским татарам, возможно, с определенного времени, о чем будет сказано далее.

Ядро крымских татар как самостоятельной этнической общности составляли 4 племени – Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак, некогда – в начальный период образования Крымского ханства – составлявшие 1 тумен (10 тыс. воинов), что дает в общей сложности около 40 тыс. чел. общей численности татарского населения. Но с течением времени это число явно выросло – например, в начале XVI в. князь Ширинов Агиш указывал, что представителей клана Ширинов около 20 тыс. чел.¹⁵³ Реально же Ширины составляли около 5 тыс. воинов¹⁵⁴: Если исходить из того, что в 1543 г. Аргыны и Кыпчаки составляли 3 тыс. воинов, а Мангыты – 2 тыс.¹⁵⁵, можно полагать, что представителей первых двух кланов было на самом деле 12 тыс., а последних – 8 тыс. Но надо иметь в виду, что в период победы над Большой Ордой в Крым прибыли ещё кланы Кийат, Салжигут и Конград¹⁵⁶. В некоторых случаях они могли иметь достаточно крупную численность. Скажем, в 1500 г. из Большой Орды в Крымское ханство перешел Ебага улан, который привел с собой 3 тыс. чел. (клановая принадлежность его людей не указана)¹⁵⁷. Вот из этих клановых групп постепенно и формировался этнос крымских татар. Пожалуй, до середины XVI в. перешедшие из Большой Орды клановые образования были ещё не в полной мере интегрированы в этническую общность крымских татар (эти группы, особенно, ногайского происхождения, выделялись и позже как субэтническая часть крымско-татарского этноса). Но то, что в документах русского происхождения присутствуют понятия «люди Крымские», «Крымцы» и «Крымские Татарове»¹⁵⁸, доказывает, что народность крымских татар в период до середины XVI в. уже сформировалась. В отличие от этноса казанских татар и мишарско-татарского этноса, скорее всего у крымских татар деление на «благородных» и «чернь» не имело выраженного этнословного характера, что объясняется сложением их практически полностью за счет золотоордынско-татарского населения.

Большая Орда. Под властью Большой Орды находилась территория между Волгой и Днепром, от Северного Кавказа до границ Русского государства (включая Касимовское ханство), а также Казанского ханства и Ногайской Орды¹⁵⁹. Если быть более детальным, то границы этого государства выглядели так. До захвата турками черноморских берегов в

Источниковедение истории Улуса Джучи... – с. 403; Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // Архив Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 83. – л. 140.

¹⁵² Малиновский А. Историческое.. л. 140.

¹⁵³ Там же. – л. 239 об.

¹⁵⁴ Инальчик Х. Хан... – с. 76.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Малиновский А. Историческое...л. 132 об.

¹⁵⁷ Там же. – л. 89 об.

¹⁵⁸ ПСРЛ. – т. 13. – с. 26, 28, 38, 96, 97, 99, 111, 143; ПДРВ. – ч.VIII. – с. 164.

¹⁵⁹ Детальнее см.: Сафаргалиев М.Г. Распад... – с. 267-268. Недостатком этого исследователя является то, что он исходит из утверждения о достаточно раннем отделении Астраханского ханства от Большой Орды.

районе Белграда (Ак-Кермана), Большой Орде принадлежала и территория к западу от Днепра. Но восточнее р. Днепр татары продолжали кочевать вплоть до распада Большой Орды по рекам Самаре, Овечья Вода, Кобылья Вода. На Северном Кавказе пограничье находилось «под Черкасами» – татары тут кочевали по р. Куме, в районе «Пяти Гор» (Бештау). Затем к территории этого государства относились и земли под Азовом на Дону, по р. Хопру и р. Медведице. На востоке эта граница проходила, скорее всего, за р. Волгой, но где точно – сказать сложно. Возможно, по р. Бузану – именно там проходила позже граница Астраханского ханства с Ногайской Ордой. Однако, не исключено, что до продвижения Ногайской Орды к Волге Большая Орда могла контролировать на востоке более обширные территории. К северу где-то в зоне рек Суры и Мокши проходила граница с Казанским ханством, в верховьях Цны и Дона – с Касимовским ханством и Рязанским княжеством. Отчасти некоторое ядро территории Большой Орды после 1504 г. сохранилось в лице Астраханского ханства, о чем будет сказано далее.

Численность населения Большой Орды была довольно значительной. Как отмечает М.Г. Сафаргалиев¹⁶⁰, во время И.Барбаро (около сер. XV в.) число «улусных людей» хана Кичи – Мухаммета составляла до 300 тыс. чел. Хан Ахмат (убит в 1481 г.) располагал войском в 100 тыс. чел., что дает общую численность татарского населения государства около 200 тыс. чел. Накануне падения Большой Орды её войско насчитывало до 60 тыс. чел., что говорит о достаточной многочисленности улусных людей (более 100 тыс. чел.). На самом деле Большая Орда контролировала и ряд этнических групп Северного Кавказа, поэтому её полиэтничное население было гораздо более многочисленным. Но этот вопрос ещё нуждается в дальнейшем исследовании.

Несмотря на то, что основное население Большой Орды, маркируемое в русских и европейских источниках как «татары», довольно часто именовалось и «Татарами Ордынскими» («Татарове Ордински») ¹⁶¹, оно не успело сложиться в самостоятельную этническую общность – не случайно после ликвидации этого государства клановые группы, находившиеся в его составе, бесследно растворились в других позднезолотоордынских этнополитических объединениях (прежде всего, в Крымском, Астраханском ханствах и Ногайской Орде). Вопрос о клановом составе татарского населения Большой Орды практически не изучен. Более уверенно можно говорить о нахождении в её рамках таких кланов, как Мангыт, Конграт, Кийат, Салджигут, о чем уже речь шла. Но на самом деле состав этих кланов наверняка был гораздо более обширным. В этой связи обращает на себя внимание один список кланов, сохранившийся в таком позднем татарском источнике, как «Дефтер-и Чингиз-наме» (XVII в.) ¹⁶² Он включает такие этнонимы: Кийат, Конграт, Уйшын, Мин (Мең) Тамьян, Кыпчак, Джурматы, Кирейт, Муйтен, Бурзян, Буркыт, Катай, Салджигут. Ещё два клана, скрывающиеся под эпонимами, скорее всего, являются частями конгратов и кыпчаков ¹⁶³. По поводу этого перечня высказывались разные мнения, в том числе о его сходстве с составом Ногайской Орды, о его «башкиризованности» и т.д. ¹⁶⁴ Однако, не один из предложенных подходов к трактовке данного перечня кланов не вполне удовлетворителен. Скажем, в случае ее идентификации с племенами, входившими в Ногайскую Орду, нельзя объяснить отсутствие в именнике клана Мангыт (правда, возможно одно допущение, о чем см. ниже). Что касается сходства с башкирскими племенами, то можно заметить, что прямого упоминания среди них конгратов не зафиксировано. Скорее всего, речь идет о составе другого этнополитического объединения,

¹⁶⁰ Там же. – с. 269.

¹⁶¹ См., например: ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 233, 236-237.

¹⁶² О нем см.: Иванич М. «Дафтар-и Чингиз наме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи... – с. 314-328.

¹⁶³ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 157-158.

¹⁶⁴ См.: так же.: Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань, , 1972. – с. 109.

например, как можно предположить, Большой Орды, какого времени – трудно сказать. Особенно на эту мысль наталкивает присутствие в рассмотренном перечне кланов Кийат, Конграт, и Салджигут. Кроме того, сохраняется еще одна сложность – Мангыты все же играли ключевую роль в Большой Орде, а их в списке нет. Хотя не исключено, что под этнонимом Мең скрывается этноним Мангыт (Манг ~ Мэнг + монгольский формант мн. числа ут ~ ыт). Если принять нашу гипотезу, фактически перечисленные выше 12 или 13 кланов¹⁶⁵ оказываются основным населением Большой Орды.

Астраханское ханство. Границы этого государства недавно были уточнены И.В. Зайцевым¹⁶⁶, согласно мнению которого они выглядели следующим образом. Восточная граница ханства проходила по р. Бузану, а выше по течению – по р. Волге. На севере пограничье находилось в районе Царицына (современного г. Волгограда), возможно, где-то около так называемой «Переволоки» между Доном и Волгой, т.е. выходя тут к южным рубежам Казанского ханства. По некоторым данным, на западе граница проходила по р. Дону. На юге эта линия шла от Каспия и вдоль Кавказа, точнее, где-то по р. Кубани (хотя эта информация может относиться и к периоду господства Большой Орды). Но заметим, что часть черкесов (адыгов) находилась в сфере влияния Астраханского ханства. Далее, как полагал В.Е. Сыроечковский, границей между Астраханским и Крымским ханствами в 1519 г. была р. Молочная Вода (Миус)¹⁶⁷.

В период покорения Астраханского ханства его население, точнее, собственно татарская его часть, составляло, по разным оценкам, от 10 до 25 тыс. семей, т.е. не менее 40 – 100 тыс. чел.¹⁶⁸ Фактически, как мы уже видели, последняя цифра соответствует численности населения Большой Орды накануне ее падения. Имея в виду, что Астраханское ханство являлось прямым наследником этого государства, численность тюркской части его населения в первой половине XVI в. можно оценить в 100 тыс. чел. Эта цифра могла колебаться в связи с перемещениями, прежде всего, ногайских групп, имевшихся в составе Астраханского ханства.

Несомненно, в Астраханском ханстве существовала сословная стратифицированность местного татарского общества на «благородных» и «улусных кочевых татар»¹⁶⁹. Так называемые «черные улусы» или «черные люди» находились за пределами г. Астрахани, тогда как «лучшие люди» – в самом городе. Уже говорилось о клановых основах татар Астраханского ханства (Конграты, Алчыны, Катайцы, Мангыты). Но пока трудно сказать, насколько совпадала этническая и клановая принадлежность знати и рядовых татар ханства. Кроме того, все перечисленные кланы имелись и в Ногайской Орде, что говорит об этнической близости населения двух этнополитических объединений. К тому же представители клана Мангыт не позже конца XV – начала XVI вв. оказались непосредственно в составе населения Астраханского ханства. Затем сюда имелись и переселения крымских татар¹⁷⁰. Все эти группы участвовали в формировании астраханских татар. Последние в XVI в. складывались в отдельную этническую общность, что было связано с существованием Астраханского ханства или «Астраханского улуса». Встречающиеся в русских документах XVI в. весьма часто термины «астраханские люди», «астраханцы», указывающие на образование самостоятельной этнополитической общности, можно рассматривать в качестве политонимов, но иногда они выступают и как этнонимы, обозначая именно тюрко-татарское население государства. В целом можно сказать, что под

¹⁶⁵ По поводу самостоятельности некоторых кланов имеются сомнения (например, относительно группы Джурматы, возможно, входившей в состав клана Конграт).

¹⁶⁶ Зайцев И.В. Астраханское... – с. 243-248.

¹⁶⁷ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 6.

¹⁶⁸ Исхаков Д.М. Астраханские татары: Этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII – начале XX вв. // Астраханские татары. – Казань, 1992. – с. 22-23.

¹⁶⁹ Детальнее об этом см.: Татары... – с. 115-119.

¹⁷⁰ Там же. – с. 119

астраханскими татарами (астраханцами) периода ханства надо видеть местное население, обозначаемое позже как «юртовские татары». Однако данная общность (народность) в XV-XVII вв. оказалась в тесном взаимодействии с ногайскими и др. группами, консолидация с которыми осталась в позднезолотоордынский период не завершённой, скорее всего, в связи с постоянным притоком, прежде всего выходцев из Ногайской Орды.

Шибанидское Государство. В период могущества кочевых узбеков при хана Абулхаире Шибанидское государство на севере простиралось до вилайята Чимги-Тура, на юге – до Аральского моря и низовьев р. Сыр – Дарьи, включая западную часть Хорезма (в 1431/32 гг. его столица – г. Ургенч, был даже временно занят войсками кочевых узбеков). Восточная граница проходила в районе г. Саурана, а на западе – где-то около р. Яик (Урал)¹⁷¹. Кроме того, в некоторые периоды, скорее всего, до отделения Мангытского иля, Шибанидам возможно подчинялось и население Поволжья, в частности, Булгарского вилайята. Не исключено, что вплоть до ухода основной части кочевых узбеков в Среднюю Азию (начало XVI в.), Южное Приуралье также входило в состав Шибанидского Государства¹⁷².

Тюркское население Шибанидского Государства состояло из множества племен. Согласно списку Масуда б. Османа Кухистани, в 1430 – 60-х годах это были следующие кланы: барак, буркут, дурман, ички, йджан, каанбайлы, карлук, кенегес, конграт, кыйат, курлаут, кушчи, мангыт, масит, найман, украш-найман, таймас, табгут (т.е. тангут), тубай, туман, минг (туман-минг), уйгур, уйсун, утарчи, хытай (катай), чат, чинбай¹⁷³. В некоторых источниках к этому перечню добавляются и иные группы: аргун (аргын), ас, башгырд, джуркан, маджар, мангыт, салор, татар, алчын, кыпчак, ойрат и ряд других¹⁷⁴. Особенно показателен клановый состав войск Шейбани-хана (1503 г.), обозначенных в целом как «шибанлиг» (шибаниты): сихиут (скорее всего – «салджигут»), кыйат, конграт, буркут, мангыт, найман, дурмен, ушун (уйшын), кушчи, джалаир, карлык, сулдуз, нукуз, тама, татар, адгу, адлы-оглы, ички, ойрат¹⁷⁵. Так как это войско насчитывало 10 тыс. чел., его следует признать основным ядром племенного войска, где имелись и клановые подразделения карача-беев, поэтому, его состав достаточно точно определяет клановую структуру политически господствовавшей части населения Шибанидского Государства начала XVI в. Как видно из приведенных списков, несмотря на определенные различия, в составе этнополитического объединения во главе с Шибанидами фигурируют в основном одни и те же кланы¹⁷⁶. Но эти группы имели и собирательное наименование «узбек», «узбековцы», являвшееся политонимом – оно обозначало подданных хана Узбека («узбекиан»-узбековцы), жителей государства хана Узбека («мамлекат-и узбек»)¹⁷⁷. Однако это наименование нельзя путать с поздним этнонимом «узбек». Скажем, в сочинении 1509 г. Фазлаллаха ибн Рузбихана «Михман-наме-йи Бухара» (Записки бухарского гостя) есть такие строки: «Три племени относятся к узбекам... одно [из них] –

¹⁷¹ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 71.

¹⁷² Вәлиди Тоган Ә. – 3. Башкортгарзың... – с. 24-26. Об этом свидетельствует и один отрывок из татарской летописи: «Около г. Уфы, на р. Белой, там, где впадает р. Дема, была крепость Кунгурат: жители оттуда перселились в Ургенч. Там соорудили крепость и её назвали тоже Кунгуратом» (История Татарии в документах и материалах. – М., 1937. – с. 123). Несомненно, речь тут идет о времени правления Шибанидов.

¹⁷³ Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV – XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). – М.: Наука, 1982. – с. 8.

¹⁷⁴ Детальнее см. там же.

¹⁷⁵ Там же. – с. 10.

¹⁷⁶ С племенными подразделениями разного уровня их было 90 (См.: Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М., 1977. – с. 165-176).

¹⁷⁷ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 15.

шибаниды... Второе племя – казахи... и третье племя – мангыты»¹⁷⁸. Ясно, что в данном случае термин «узбек» применен в смысле политонима и отражает ситуацию скорее XV в., когда указанные три группы образовывали единое этнополитическое целое. Кроме того, за частью этнических наследников «узбеков» закрепился этноним «татар», например, в Сибирском ханстве. Последний термин функционировал и в Ногайской Орде, о чем речь пойдет далее. Можно полагать, что это наименование бытовало и в Шибанидском Государстве. (см. например, выражение «Тюменские татары» в русских летописях применительно ко второй половине XV в.), будучи окончательно заменено на понятие «узбек» лишь после переселения в первом десятилетии XVI в. крупного массива кочевого населения из «шибанитов» в Среднюю Азию и образования там Хивинского и Бухарского ханств.

Точных данных о численности населения Шибанидского Государства, нет. Тем не менее, в литературе для начала XVI в. приводят цифру 1,2-1,3 млн. чел. Из этого числа около 240-360 тыс. чел. ушли с Шибанидами в Среднюю Азию¹⁷⁹.

Ногайская Орда. Как уже отмечалось, границы собственно Ногайской Орды (Мангытского юрта) окончательно определились лишь к началу XVI в. Тогда на западе они проходили по р. Волге (низовьях её – р. Бузану), на востоке – по р. Иртыш (под определенным сомнением) и среднему течению р. Тобола. На юге Ногайская Орда занимала низовья р. Сыр-Дарья – район Приаральских Каракумов, далее между Аральским и Каспийскими морями – территорию от устья р. Урала (Яика) до северо-восточного берега Каспия, северного и северо-восточного берега Аральского моря и до устья Сыр-Дарья. На севере иногда эту границу проводят сразу южнее р. Камы, что неточно – скорее всего, она проходила около Самарской Луки (низовьев р. Самары), далее – в районе рек Кинелы, Кинельчика и Сакмары, уходя затем в направлении г. Уфы (г. Туратау), затем в сторону верхнего течения рек Уфы и Ая. Но эти границы не были неизменными: после распада Большой Орды ногайцы начали переходить и на правый берег р. Волги, однако в 1520 – 1540-х годах эта территория ещё считалась «Крымской стороной», поэтому окончательное закрепление их тут (на пространстве к югу от р. Медведицы и до р. Кумы включительно) произошло лишь в середине XVI в.¹⁸⁰

Население Ногайской Орды в первой половине XVI в. – в период наивысшего могущества этого государства – достигало, по разным подсчетам, 700-900 тыс. чел. или даже свыше 1 млн.¹⁸¹ Но затем эта численность быстро пошла на убыль (из-за массовой гибели людей во второй половине XVI в. в ходе эпидемий, а также по причине ухода многих кланов в другие государства), но к концу XVI – началу XVII вв. была ещё значительной – до 300 тыс. чел.

Клановый состав ногайцев изучен неплохо, но единого мнения о нем также нет – число племенных илей («улусов» – по русской терминологии), входивших в Ногайскую Орду, у разных исследователей не совпадает. Скажем, для XVI в. Б.-А.Б.Кочекаевым в этом государстве насчитывается 18 кланов: Мангыт, Найман, Конграт, Кыпчак, Кийат, Тангучин, Колгин, Алгин (Алчын), Чублак, Канлык, (Канглы), Кирейт, Байгур, Тайджут, Боргамсы, Турхмен, Аск, Кенегес¹⁸². Для XVI – XVII вв. В.В. Трепавлов таких кланов называет 70, указывая, что вместе с подразделениями илей число их достигало тогда до

¹⁷⁸ Ибн Рузбихан Исфохани Фазлаллах. Михман-наме-йи Бухара (Записи бухарского гостя). Пер., предис. и прим. Р.П. Джалиловой. – М., 1976. – с. 62.

¹⁷⁹ Султанов Т.И. Кочевые... – с. 20-21; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства... – с. 242.

¹⁸⁰ Трепавлов В.В. История... – с. 457-476.

¹⁸¹ Обзор методики подсчетов численности населения Ногайской Орды и общие выводы см. там же. – с. 493-499.

¹⁸² Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV – XVIII вв. – Алма-Ата: Наука, 1988. – с. 26. В скобках приведены наши варианты названий.

140¹⁸³. Но в данных списках основные племенные группы не отделены от их ответвлений, особенно у последнего исследователя. Хотя он сам указывает на постепенное возрастающее «разветвление» племенных илей¹⁸⁴. Тем не менее, отдельные документы второй половины XVI – начала XVII вв. позволяют утверждать¹⁸⁵, что основных кланов было 12-14, но конкретный набор их пока не поддается расшифровке¹⁸⁶.

Как уже указывалось, к началу XVI в. применительно к населению Ногайской Орды стал широко употребляться политоним «ногаи» (Нагаи), который имел и этнический смысл¹⁸⁷. Иногда синонимом понятия «Нагаи» для знати Ногайской Орды выступал термин «Мангыт» («Мангытские люди», «рять Мангытская» – производные от него)¹⁸⁸, также в определенных случаях являвшийся политонимом. Показательно, однако, что по отношению к основной части жителей этого государства русские источники в XVI в. часто употребляли и наименование «Нагайские Татары»¹⁸⁹, имевшее отчетливую этническую окраску, ибо оно вводило население Ногайской Орды в один ряд с остальными «татарами» («казанскими», «крымскими», «астраханскими» и т.д.). Более того, среди знати Ногайской Орды, как видно из отдельных источников, был на ходу и этноним «татары», использовавшийся по отношению к служилым группам, иногда – ко всему политически господствовавшему населению¹⁹⁰. Важно подчеркнуть, что в число этого населения знатными ногайцами не включались некоторые подданные государства, например, так называемые «иштеки» – платившие ногайцам дань северо-западные группы башкир и татар Приуралья¹⁹¹.

Имеющиеся данные позволяют заключить, что к середине XVI в., в результате этнических процессов, в Ногайской Орде произошло становление самостоятельной народности ногайцев или ногайских татар, являвшейся многоплеменным, поэтому не слишком устойчивым этническим образованием. В дальнейшем оно пережило существенный процесс трансформации, что ставит ещё недостаточно разработанную научную проблему различения этнической общности периода единства Ногайской Орды и позднейшего ногайского этноса, потерявшего в ходе своего развития татарскую компоненту своего этнического самосознания.

Тюменское (Сибирское) ханство. Строго говоря, о границах Сибирского ханства, точнее, княжества, можно говорить лишь с начала правления там Тайбугидов, т. е. с конца XV в. или даже после 1505 – 1506 гг. Но на самом деле, как Тюменское ханство, так и Сибирское княжество, скорее всего, повторяли границы вилайята Чимги-Тура – менялись лишь столичные центры. В период Тюменского ханства (до конца XV – начала XVI вв.) его территория на западе доходила до Сылвенско – Иренского междуречья¹⁹², на юге-западе гранича с ногайскими владениями, о которых речь шла выше. Но не исключено, что в зоне максимального сближения граней Ногайской Орды и Тюменского ханства – в районе среднего течения р. Тобола, существовало вассальное последнему княжество с ногайским населением, что вытекает из московской грамоты 1597 г. хану Кучуму, где сказано:

¹⁸³ Трепавлов В.В. История... – с. 499-504.

¹⁸⁴ Там же. – с. 492.

¹⁸⁵ Анализ их см.: Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 156.

¹⁸⁶ Во всяком случае, в их составе были кланы Мангыт, Найман, Конграт, Китай, Кыпчак, Кийят, Турхмен, Борлак. (См. там же).

¹⁸⁷ См. фразу из Никоновской летописи: «...во Азторокани сущии Ногаи» (ПСРЛ. – т. 13. – с. 43).

¹⁸⁸ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 165.

¹⁸⁹ См., например: ПСРЛ. – т. 13. – с. 37, 120, 348, 384.

¹⁹⁰ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 165.

¹⁹¹ Об этом детальнее см. там же. – с. 161-165.

¹⁹² Некоторые данные об этих границах на западе, см: Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981. – с. 17-60.

«...которые ногайские улусы, Тайбугин юрт, которые кочевали с тобою»¹⁹³. Южные границы государства точно не известны, но присутствие в легендарных войсках хана Кучума из четырех «отрядов» группы «Бараба» как самостоятельного «отряда», говорит о вхождении тюркского населения Барабинской степи на юго-востоке в состав ханства. По соседству с ними в бассейне р. Оми в Тюменское ханство, скорее всего, входили и чаты¹⁹⁴. На юго-востоке, таким образом, граница государства доходила почти до левобережья р. Оби. Далее на востоке она проходила по соседству с так называемой Пегой Ордой русских источников (этнополитическое объединение Нарымских селькупов). На севере в период Сибирского ханства его территория простиралась по р. Иртышу далеко за устье Тобола, доходя до низовьев Оби¹⁹⁵. Сибирское ханство являлось полиэтничным государством – наряду с политически доминировавшим татарским населением в него входили ханты (остяки), манси (вогулы) и селькупы. Правда, в некоторых случаях под этнонимом «остяк» русских источников могли скрываться и тюркские группы – «иштеки» (в районе Сылвенско – Иренского междуречья), давшие начало татарско-башкирскому населению Пермского Приуралья¹⁹⁶.

Общее число населения в государстве известно лишь приблизительно. В частности, в 1555 г. у сибирского князя Едигера Тайбугида насчитывалось 30,7 тыс. «черных людей», т. е. ясачников. В грамоте Ивана IV об обложении данью этого ясачного населения, приводится цифра в 40 тыс. чел.¹⁹⁷ Таким образом, в ханстве насчитывалось от 30 до 40 тыс. «черных людей». Сложнее определить численность собственно татар. С одной стороны, часть их платила ясак и входила в состав «черных людей». С другой стороны, феодальная верхушка, составлявшая собственно «татарский» слой общества, не относилась к ясачному сословию. Последний слой был явно не слишком многочисленным. Так, у правителя Тюменского ханства Ибрагима в 1481 г. собственных войск из «казаков» насчитывалось лишь около 1 тыс. чел. А в конце XVI – первой трети XVII вв. в центральных районах бывшего Сибирского ханства имелось чуть больше 2 тыс. чел. служилых татар¹⁹⁸. Если учесть, что С. Герберштейн для первой четверти XVI в. численность «тюменских татар» определял в 10 тыс. чел., то общую численность сибирских татар в середине – второй половине XVI в. можно считать равной 10-12 тыс. чел. (из них около 2-3 тыс. являлись верхушкой общества)¹⁹⁹. Соотношение феодальной верхушки и ясачной части сибирских татар в XVI в. могло быть 1:5. Это говорит о том, что «черное» население из татар сыграло важную роль в этническом развитии этнополитической общности сибирских татар. Оно происходило от более раннего населения, которое могло именоваться «иштяками» и «сыпырами» (возможно от «савиров»). Собственно татарская часть общества, называвшаяся потом служилыми татарами, имело шибанидско-татарское происхождение. Показательно, что в некоторых источниках население Сибирского ханства, в т.ч. и татарское, делится на тех, кто жил по «волостям» (оседлые группы), и на тех, кто был сосредоточен в «улусах» (Сибирские летописи). Последние явно были татарами, ведшими кочевой или полукочевой образ жизни. Возможно, окончательной консолидации сибирско-татарского этноса помешала именно специфика хозяйственной жизни последних.

¹⁹³ Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов...

¹⁹⁴ Томилов Н.А. Тюркоязычное население... – с. 203-217. Показательно, что этноним «чат» присутствует в списке племен, подчинявшихся хану Абулхаиру (См.: Султанов Т.И. Кочевые племена... – с. 16).

¹⁹⁵ Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – с. 148.

¹⁹⁶ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 114-140.

¹⁹⁷ Томилов Н.А. Тюркоязычное население... – с. 42.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ См. также: Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири. История и культура. – М.: Наука, 1996. – с. 17.

Но, несмотря на разноэтничное происхождение ясачного и феодального сословия сибирских татар, этнополитическая общность, образовавшаяся в рамках Тюменского и Сибирского ханств, обладала определенной консолидированностью. Об этом свидетельствуют её устойчивые названия, известные по русским источникам в XVI в. Это такие наименования, как «страна Сибирская», «Сибирская земля» или «вся земля Сибирская» («Сибирские земли»), «Сибирское царство», «царство бесерменское в Сибири». Причем «Сибирские летописи» подчеркивают, что «вся страна» была прозвана «по граду Сибирь» (т.е. по г. Искеру) на р. Иртыше. Так как на татарском языке это «царство» (или «земля») называлось «Искер юрты», а г. Искер и есть тот же самый город, что и «Сибирь», получается, что «царство» или «земля» свое наименование действительно получило по столице. Точно такое же положение мы видели в других синхронных татарских ханствах.

В большинстве случаев государствообразующее, т.е. политически доминировавшее, в данном ханстве этническое формирование, именуется в источниках русского происхождения «татарами» (татаровя) иногда – «Тюменскими татарами» (в XV в.) Оно определяется и как «босурманы», «окаянные басурманы», «поганые» или «нечестивые татары», что характеризует это сообщество в целом как исламское (несмотря на ещё неполное усвоение некоторыми группами ислама в ханский период). Даже такая редкая форма, как выражение «Сибирские люди», являющееся политонимом, обозначало на самом деле татарскую общность.

Таким образом, единообразность использовавшегося по отношению к сибирским татарам этнонима, признание этой общности в целом мусульманским формированием, указывает на то, что в XVI в. сибирско-татарская общность уже существовала. Что касается её особенностей, то они сводятся к двум моментам. Во-первых, как уже указывалось, часть сибирских татар могла вести кочевой или полукочевой образ жизни, во-вторых, клановые деления, имевшиеся в Сибирском ханстве, надо рассматривать скорее как территориальные кланы, или даже феодальные «дома», правда включавшие в рамках отдельных «улусов» или «юртов» – княжеств и рядовых сородичей, представителей правящих кланов. Как видим, этническая общность сибирских татар ханского времени по своей социальной структуре фактически не отличалась от других синхронных татарских общностей, формировавшихся в рамках своих государственных образований. Поэтому, можно говорить о существовании в XVI в. относительно немногочисленной сибирско-татарской народности феодального типа.

Глава 3. Экономика. Политический строй

Экономическая основа тюрко-татарских государств XV – XVI вв. довольно сильно различалась, что было связано как с особенностями географической среды, так и с культурными традициями, а также влиянием соседей. Политическая система имела большую однородность, хотя и тут у каждого государства имелась своя специфика, объясняемая действием различных факторов (соотношение оседлости и кочевничества, степень суверенности, крепость клановых связей, этнический состав населения и т.д.). Краткий обзор экономической жизни и политического строя татарских политических объединений интересующего нас времени покажет это более конкретно.

Казанское ханство. Образование этого государства на территории Булгарского вилайята, чья экономика основывалась на пашенном земледелии и развитии ремесле²⁰⁰, с самого начала формирования позволяет видеть в Казанском ханстве наследника этих традиций. С. Герберштейн, например, о казанских татарах писал: «Они возделывают поля и живут в домах, и занимаются разнообразною торговлею»²⁰¹. А.М. Курбский, своими глазами увидевший в середине XVI в. многие районы Казанского ханства, отметил: «В земле той (Казанской – Д.И.) поля великие, и зело преизобильные и гобзующе (плодородны – Д.И.) на всякие плоды..., села часты; хлеб же всяких там множество...; также и скотов различных стад безчисленные множества...»²⁰² Автор «Казанского летописца», долгие годы живший в столице ханства, указывал, что то «место» (Казанская земля) «красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцыми семены родимо, и овощами преизобильно, и зверисто и рыбно, и всякого много угоды»²⁰³. В центральных районах государства существовала паровая система земледелия, в лесных зонах – подсека и перелог. Сеяли рожь, пшеницу, ячмень, просо и другие культуры. Земля обрабатывалась тяжелым плугом – сабаном с металлическим лемехом, сохой (сука). Скотоводство было подсобным и носило стойловый характер²⁰⁴. Хотя в степных юго-восточных ареалах, где жили ногайские группы, могло существовать и кочевое скотоводство. Разводили лошадей, коров, овец, коз, разного род птиц (гусей, уток, кур). Существовало огородничество, хотя и не слишком развитое. Наличие садоводства доказывается упоминанием в числе чиновников категории «бакчачы» (садовод)²⁰⁵. Занимались бортничеством, рыболовством и охотой (последними промыслами – в основном, возможно, не татары). Особо следует выделить роль торговли – г. Казань находилась на важнейших торговых путях, а недалеко от него ежегодно происходила крупная ярмарка, куда приезжали купцы из многих стран (Московской Руси, Бухарского ханства, Сибирского ханства, Ногайской Орды, Персии, Османского государства и т.д.). Скажем, во время осады Казани в 1552 г. в городе «затворились» 5 тыс. купцов-иностранцев²⁰⁶. В Казанское ханство ввозились соль, лен, западно-европейские шерстяные ткани (из Московской Руси), шелковые и хлопчатобумажные ткани, ювелирные изделия, книги, предметы быта (из Бухарского ханства, Персии), фрукты, вина, сталь (из стран Закавказья). Оттуда вывозились меха, бухарские ткани, кожевенные изделия, в т.ч. и сафьян

²⁰⁰ Смирнов А.П. Волжские болгары. – М., 1951; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984; Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988; Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.

²⁰¹ История Татарии в документах... – с. 99.

²⁰² Там же. – с. 97.

²⁰³ ПСРЛ. – т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). – М., 2000. – с. 10.

²⁰⁴ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. – М.: Наука, 1990. – с. 38.

²⁰⁵ Худяков М. Очерки... – с. 208.

²⁰⁶ Там же. – с. 217.

(«булгари»), рыба. Существовала и торговля рабами, в основном из числа военнопленных²⁰⁷.

Исследователи отмечают существование в государстве многих видов ремесел: кузнечного, ювелирного, гончарного, металлургического, кожевенного, текстильного, кирпичного, каменотесного, деревообрабатывающего, мехового и др.²⁰⁸ В столице ханства – г. Казани, имелись объединения ремесленников, обслуживавшие ханский двор и феодальную знать²⁰⁹. В других городских центрах, например, центрах княжств («даруг»), таких как Арск (Арча), Алат, Чаллы, Зюри (Жәри), также могло существовать местное ремесленное производство, тем более, что некоторые из этих укрепленных пунктов были весьма значительными. Так, в г. Арске во время его осады русскими войсками в 1552 г. находились от 5 до 15 тыс. чел.²¹⁰ Эти сведения, скорее всего, достоверны, ибо в русских летописях сохранились данные о том, что в 1496 г. войска севшего на казанский престол Шибанида хана Мамука, оказавшиеся под «Арским городком», не смогли его взять²¹¹. Косвенным подтверждением развитости в Казанском ханстве отдельных видов ремесленных производств, являются высказывания автора «Казанского летописца» об установлении на Арском поле во время праздника в 1508 г. до 1 тыс. шатров (они далее названы «царевыми шатрами и каторгами вельмож» хана), скорее всего тканых, а также вложение им в уста больного хана Мухаммета – Амина слов о «драгих царских узорочьях», «царских венцах золотых», «и одежде многоценной и постели». Наконец, при рассказе о штурме и взятии Казани русскими в 1552 г., он говорит, что воины «взяша... бесчисленная множества золота, и серебра, и жемчюгу, и камня драгаго, и светлых портищ золотых, и красных поволок драгихъ, и сосудов серебряных и золотых и всяцехъ, им же несть числа»²¹².

В Казанском ханстве существовала сложная система налогообложения и повинностей, которых можно объединить в 4 группы: 1) поземельные и подоходные сборы (ясак; харадж; гошур); 2) различные сборы, поставки натурой; 3) приношение и подношение феодалам; 4) сборы, поголовные и подымные (салыг, тутун саны)²¹³. Обложение было неодинаковым для различных категорий населения, (некоторые касались только мусульман). Основным видом налога был ясак, возможно, бывший десятиной²¹⁴. Однако, многие виды налогов, фигурирующие в сохранившихся ханских ярлыках, не поддаются расшифровке²¹⁵.

Как это ни странно, в ханстве не существовало собственного монетного производства и монетной системы²¹⁶. Хотя иногда утверждается, что до середины XV в. оно имелось²¹⁷, этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Государственное устройство Казанского ханства базировалось на золотоордынских политических традициях. Верховным правителем в государстве был хан из рода Чингисидов – в Казани до её падения правили ханы из нескольких династий: Улу-Мухаммета (до 1518 г. с перерывом в 1496 г., когда на престол сел Шибанид Мамук из рода тюменских ханов); большеордынских ханов из ветви, правившей в Касимовском ханстве; крымских Гиреев; последний казанский хан Ядыгер – Мухаммет происходил их рода большеордынских ханов, правивших в Астраханском ханстве. Очевидно, в интронизации

²⁰⁷ Там же. – с. 222.

²⁰⁸ Алишев С.Х. Исторические... – с. 46; Худяков М. Очерки... – с. 223-224.

²⁰⁹ Там же. – с. 47.

²¹⁰ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 38.

²¹¹ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 243.

²¹² ПСРЛ. – т. 19. – с. 27, 30, 162.

²¹³ Алишев С.Х. Исторические... – с. 44-45.

²¹⁴ Худяков М. Очерки... – с. 210.

²¹⁵ Перечень их см. там же.

²¹⁶ Там же. – с. 222.

²¹⁷ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV вв. – М.: Наука, 1983. – с. 118-134.

ханов в государстве ключевая роль принадлежала карача-бекам во главе с Ширинами (беклярибеками). Во всяком случае, в переговорах, которые велись от имени «всей земли Казанской» для приглашения ханов на престол, неизменно фигурируют карача-беки с такой формулой: «...от сеита, и от уланов, и от князей, и от карачей и от всеа Казанския земли»²¹⁸. Но сведений о самой церемонии посажения на престол хана в Казанском ханстве, не сохранилось. Возможно, она была аналогичной тому, что происходило в Касимовском ханстве (см. далее). Нет данных и о существовании официального наследника престола с особым титулом как в некоторых других позднезолотоордынских государствах. Престол передавался от отца к сыну, хотя с конца XV в., да и раньше, наблюдались и случаи его перехода от брата к брату. При хане действовал нечто вроде совета (диван) из высшей знати (сеид, карачи, уланы)²¹⁹. Высказанное ранее мнение о существовании в государстве института так называемого «курултая» – собрания съезда всех феодалов²²⁰, определяемого в русских источниках как «вся земля Казанская», нуждается ещё в дополнительном изучении²²¹. Государственный аппарат состоял из многих категорий чиновников – в ярлыке хана Сахиб-Гирея кроме эмиров и сеида, отмечены: хаким; кази; мауали заавель-ихтирам; вокиль; макаман; ильчи; бакчачи; кшти-баанан; гузар-баанан; тутнагул; тамгачи²²². Кроме того, известны: «хранитель Казанский царев», т.е. главный казначей; дворецкий хана; конюший; оружничий; аталык; бахши (писцы-секретари)²²³. Целый ряд из этих категорий известен ещё с периода Золотой Орды. Духовные лица также участвовали в государственных делах, особенно в дипломатических миссиях²²⁴. А вообще мусульманское духовенство ханства, во главе которого стоял верховный сеид, было весьма разветвленным и, очевидно, имело свою иерархию (кроме сеидов в ханстве известны: шейхи, шейхзаде, муллы, муллазаде, казии, мавали или данишменды, хаджии, хафизы и дервиши)²²⁵.

В административном отношении ханство делилось на 5 «даруг» – княжеств: Арскую (княжество Кыпчаков) – на северо-востоке; Зюрейскую (возможно, княжество Ширинов) на юго-востоке; Ногайскую (княжество Мангытов) – на юге, Алатскую (на севере), Галицкую (княжество Аргынов) – на северо-западе²²⁶. По-видимому, даруги делились на улусы (волости), возможно, соответствовавшие сотням. Так как известны сотские и десятские князья, очевидно, они и управляли улусами и его более мелкими делениями²²⁷. Следует заметить, что фактически на территории каждой «даруги» имелось нетатарское население, очевидно, имевшее более низкий статус и платившее ясак. Но надо принять во внимание, что существовало и собственно татарское ясачное население из потомков болгар.

Господствовавшая феодальная верхушка состояла из хана, членов его семьи и ещё из четырех ответвлений: мусульманского духовенства (см. выше), уланов, князей и мурз, казаков (ички, дворные и задворные). Не исключено, однако, что «ички» имели более высокий статус и были ближе к князьям²²⁸. Вопреки мнению отдельных исследователей²²⁹, в ханстве помещиками, получавшими земли за службу, были скорее всего, не представители высшей знати – они владели вотчинами – а низшей, т.е. казаки (рядовые,

²¹⁸ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 31-32, 56-57, 68, 81, 167.

²¹⁹ Худяков М. Очерки... – с. 190; Алишев С.Х. Исторические... – с. 51.

²²⁰ Худяков М. Очерки... – с. 208.

²²¹ См.: Алишев С.Х. Исторические... – с. 51.

²²² Худяков М. Очерки... – с. 208.

²²³ Алишев С.Х. Исторические... – с. 51-52.

²²⁴ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 40-41.

²²⁵ Там же. – с.39.

²²⁶ Детальнее см.: Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 14-60.

²²⁷ Алишев С.Х. Исторические... – с. 52.

²²⁸ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 61-80.

²²⁹ Худяков М. Очерки... – с. 201-203.

десятские и сотские). Возможно, им принадлежало до 1/4 земельных угодий государства²³⁰. Этот вывод вытекает из того факта, что в первые десятилетия после русского завоевания так называемые «служилые татары» были переписаны как группы, рассеянные по многим деревням в качестве помещиков²³¹.

Касимовское ханство. Экономическая жизнь этого своеобразного этнополитического организма в начальный период – в XV в., практически остается не известной из-за отсутствия документов, позволяющих её раскрыть. Поэтому, исследователи обычно исходят из предположения, что данные XVI – начала XVII вв. позволяют реконструировать эту сторону истории ханства более раннего времени²³², что не совсем верно. Тем не менее, из отрывочных сведений, относящихся к XV в., можно сделать определенные выводы об экономической основе Касимовского ханства. Первоначально речь надо вести о том, что татарам в Касимовском ханстве Московским государством было предоставлено право взимания податей, прежде всего, ясака, с местного ясачного населения – мордвы и мещеры (мачяр), а также «бесермен» (скорее всего, исповедавшая ислам часть мещеры)²³³. Это население в договорной грамоте 1483 г. прямо названо «ясачными, черными людьми», платившими «оброки» (ясак) и «пошлины» касимовскому правителю и его князьям²³⁴. Но так как верховным собственником земли в Мещерском юрте было Русское государство, даже вотчинные владения татарской знати (в т.ч. и в форме так называемых «мордовских беляков») скорее были кормлениями, т.е. правом взимания с «сидевшего» на определенной территории населения, ясака и других выплат, причем часть их шла в казну Московского государства (возможно, с середины XVI в. или даже раньше)²³⁵. Похоже, что существовали рента продуктами, отработочная рента и денежные оброки. Исследователи осторожно высказываются о том, что основные подати в Мещерском юрте дублировали существовавшие в Казанском ханстве²³⁶. Надо обратить внимание и на то, что Касимов всю первую половину XVI в. неизменно фигурирует в числе татарских «юртов», получавших «выход» (дань) с русских земель²³⁷. Заметим, что в начале XVII в. султан Арслан-Али в г. Касимове имел право на «таможенную пошлину», на кабацкие деньги, на выплаты «за перевоз», за «рыбные ловли» и т.д.²³⁸ Скорее всего, когда в 1563 г. речь идет о «пошлине» с проезжающих торговых людей «на Городке... на большого князя на Ширинского»²³⁹, подразумевается эта же таможенная плата. С течением времени татарская знать смогла закрепить определенное число крестьян, включая и русских; имелись у них и рабы (чура)²⁴⁰. В середине XVI в. в г. Касимове существовала и работорговля²⁴¹. Но эта трансформация была, видимо, связана с постепенным превращением части кормлений (вотчин) в поместья, особенно со второй половины XVI в. До того помещиками, скорее

²³⁰ Там же.

²³¹ См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602 – 1603 годов. Публикация текста. – Казань, 1978.

²³² См.: Рахимзянов Б. Р. Касимовское царство: социально-политическое развитие (1445-1552). – Казань, 2001. – с. 60-83. (Диссертационное исследование).

²³³ Например, московский великий князь Василий Васильевич был обвинен в 1446 г. своими противниками за это: «Чему еси татар привел на Русскую землю, и города дал им еси, и волости подавал еси в кормление» (Там же. – с. 106).

²³⁴ Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под. ред. С.В. Бахрушина. – М., 1909. – с. 127.

²³⁵ Рахимзянов Б.Р. Касимовское царство... – с. 60.

²³⁶ Там же. – с. 65. См. также: Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 190-191.

²³⁷ . Рахимзянов Б.Р. Касимовское царство... – с. 110.

²³⁸ Там же. – с. 68.

²³⁹ ПДРВ. – ч. X. – с. 320.

²⁴⁰ Рахимзянов Б.Р. Касимовское царство... – с. 60.

²⁴¹ Там же. – с. 80.

всего, являлись рядовые татары-казаки, не платившие ясака, но находившиеся под юрисдикцией татарской знати (последние обладали правом «судить и ведать» рядовых татар)²⁴².

В хозяйственной жизни Мещерского юрта существенную роль играли бортничество, охота на пушных зверей, лосей, диких гусей, рыболовство. Касимов являлся достаточно важным транзитным и торговым пунктом – тут проходили ярмарки (торговля хлебом, медом, воском, мехами, кожевенными изделиями, включая юфть, сукном, мылом). В ханстве производилось «вино», добывали соль и, возможно, золото²⁴³. Есть прямые и косвенные сведения о развитости в ханстве ремесел: богатая царская одежда и украшения XVI в. из Касимова до сих пор хранятся в Оружейной палате (г. Москва); не подлежит сомнению существование ханских мастеровых, каменщиков (в Касимове были построены каменные мечети, дворцовые здания, мавзолеи, делались надгробия); традиционной была обработка мехов и кожи²⁴⁴.

В целом можно сказать, что в Касимовском ханстве никаких следов кочевого скотоводства не зафиксировано – оно было только стойловым. Господствовали пашенное земледелие и другие отрасли хозяйства, связанные с ним. Да и природно-географические условия этой зоны не способствовали кочевому скотоводству. Хотя на южных окраинах государства какие – то кочевые группы временно могли существовать (особенно из оказавшихся в ханстве ногайцев).

Политический строй государства, как уже говорилось, копировал другие позднезолотоордынские юрты, но имел и свою специфику – из-за того, что Мещерский юрт был не суверенным, в нем правители могли иметь титул хана только в том случае, если до прихода в ханство где-то уже сидели на престоле. Правда, примерно с 1570 г. Иван IV правителям г. Касимова – султанам, начал присваивать титул «царя» (хана)²⁴⁵. Причем церемония провозглашения в 1600 г. султана Ураз-Мухаммета ханом при участии 4-х князей – из кланов Аргын, Кыпчак, Джалаир и Мангыт в г. Касимове, была описана одним из карача-беков – Кадыр-Алием и сохранилась в его «Сборнике летописей», где есть даже такое примечание: «раньше по правую руку от хана находились кипчаки и аргыны, а по левую – выходцы из племени ширин и барын»²⁴⁶. На церемонии кроме «Керманских беков и мирз» присутствовали и 200 человек из «черного народа», похоже – рядовых казаков. В тексте о церемонии сказано: «...внесли и разостлали золотую кошму... Буляк-сеид начал провозглашать хотбу. За тем четыре человека (карача-беки – Д.И.), взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана... все мусульмане... огласили мечеть радостными кликами. Потом карачии, аталыки и имильдаши осыпали хана деньгами, и все присутствовавшие принесли ему поздравления»²⁴⁷. Правители Мещерского юрта были из Чингисидов: до 1486 г. – из династии Улу-Мухаммета, затем – крымских Гиреев (до 1512 г.). После в ханстве правили потомки астраханских ханов и представители династии Шибанидов. Устойчивой системы передачи престола не отмечено, тем более, что этот вопрос решался в Москве. Кроме хана и его ближайших родственников, господствовавший слой состоял из сеида (сеидов), других духовных лиц, князей (карача-беки), мурз и казаков. Из чиновников и дворцовых служащих известны: сокольничий, конюший, аталыки, имильдаши. Во главе мусульманского духовенства также стоял сеид, кроме которого

²⁴² Там же. – с. 66; Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 194.

²⁴³ Там же. – с. 81-82. Правда, к части данных надо относиться осторожно, так как они извлечены из источников XVI – XVII вв.

²⁴⁴ Там же. – с. 83-84.

²⁴⁵ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 198.

²⁴⁶ Там же. – с. 193, 195.

²⁴⁷ Березин И. Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова //Московитянин, 1851, № 24, кн. 2. – с. 543-554; Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – ч. 2. – Спб., 1864. – с. 402-405.

известны ещё следующие категории духовенства: муллы, хафизы, данишменды²⁴⁸. Интересно, что в Касимовском ханстве сеид возглавлял особое воинское подразделение, известное как «Сеитов полк»²⁴⁹.

К сожалению, внутреннюю административную структуру Мещерского юрта до сих пор реконструировать не удалось²⁵⁰. Надо полагать, что существовавшие там княжества также делились на «волости» (улусы) – в составе Мещерского юрта (Мещеры) они в XV – XVI вв. упоминаются постоянно (в 1401-1402, 1474, 1504, 1572-1578 гг.).

Крымское ханство. Экономические основы Крымского юрта с самого начала не были однородными – ко времени возникновения ханства тут существовали хозяйственные традиции земледельческой культуры и кочевничества²⁵¹. Земледельческое хозяйство преобладало на юге Крыма и в районе Керчи²⁵², в других частях полуострова и за его пределами длительное время сохранялось кочевое скотоводство, на что указывал М. Литвин (1550 г.): «...до сей поры живут татары, следуя за стадами и бродя с ними по степям... землю они не возделывают, ...довольствуясь... травой для пастьбы скота»²⁵³. Разумеется, тут есть некоторое преувеличение – с конца XV в. у крымских татар постоянно упоминаются посевы «жита», находившиеся, скорее всего, в районах традиционных зимников²⁵⁴. Известно, что около середины XVI в. крымский хан Сахиб-Гирей принудил кочевников перейти к оседлому образу жизни (согласно преданиям, он приказал поломать арбы, отвел земли строить дома и деревни)²⁵⁵. Во второй половине XVI в. в Крыму уже преобладали «сидячие люди», о чем сообщает М. Броневский (1570-е гг.): «Та часть полуострова, в которой живет хан со своими татарами, от Перекопа к озеру до Крыма, обработана, ровная, плодородная». Сеяли пшеницу, ячмень, полбу, лён, но кочевые группы ещё продолжали сохраняться, особенно за пределами Перекопа²⁵⁶, даже усилившись после присоединения к Крымскому ханству ногайских и большеордынских групп. Имелось развитое садоводство (виноградарство и т.д.). Существовала также охота. Земля теоретически была государственной собственностью, но реально принадлежала клановым вождям (за исключением собственных владений ханов). Налоги налагались в целом на деревенские общины (на первом месте была десятина, затем шла сауга-оброк с дыма, платилась 1/20 от скота и имелись ряд др. платежей, натуральных повинностей, которые известны по документам, но смысл их не ясен)²⁵⁷. В ханских ярлыках середины XVI в. знати (беям) передается право собирать с крестьян поборы с пашен, садов, мельниц, колодцев, ясак с арыков, сборы с заводов, соляных озер, амбарные пошлины. Работа во владениях беев и мирз была не больше 8-9 дней в году, крестьяне не были лично зависимыми²⁵⁸. Правящим Гиреям принадлежала соляная монополия²⁵⁹. Важным источником финансов ханского двора, да и знати, были выплаты («дань», «казна», «выход»), получаемые Крымским ханством из Московской Руси, Польши, придунайских княжеств²⁶⁰. В государстве существовала работорговля, фактически являвшаяся составной частью экономики²⁶¹. Источником живого

²⁴⁸ Исхаков Д.М. От средневековых...; Его же. Сеиды... – с. 20.

²⁴⁹ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 17-18.

²⁵⁰ Отдельные наблюдения на этот счёт, см.: Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 194-196.

²⁵¹ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 8-9.

²⁵² Там же. – с. 10-11.

²⁵³ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994. – с. 68.

²⁵⁴ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 12.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же. – с. 13-14.

²⁵⁷ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 24; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 15.

²⁵⁸ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 15.

²⁵⁹ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 19.

²⁶⁰ Там же. Более детально об этом см.: Хорошкевич А.Л. Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история, 1999, № 2. – с. 96-79.

²⁶¹ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 27; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 15-16.

товара были военнопленные, захватываемые во время многочисленных походов крымских отрядов на русские, украинские, польские земли и на Кавказ. В этой связи надо иметь в виду, что такие походы основывались на традиционных представлениях татар о своем праве на господство и трибутарные отношения к указанным землям²⁶². Остающиеся в Крыму рабы через 6 лет освобождались, но не могли покинуть страну (С. Герберштейн).

Сведений о ремесле в ханстве недостаточно, но известно о существовании ковроткачества, обработке кожи, камня. Существовавшие городские центры (Гозлеу, Карасу-Базар, Акмечеть, Бахчисарай и др.) были и торговыми поселениями: в г. Карасу-Базар имелся Караван-Сарай, функционировал базар «Таш-Хан», в г. Бахчи-Сарае производилась торговля кожевенными изделиями, зерном²⁶³. Торговали мехами, сафьяном, медью, красками, мукой, досками. Пока была жива традиция кочевой жизни, базары находились при Орде, кочевых улусах. Собирались таможенные сборы (в Перекопе, Очакове, Ислам – Кермени, т.е. пограничных и окраинных пунктах). Эти пошлины брались на хана и на князя клана Ширин. Некоторые пошлины шли частично в ханскую казну, частично – турецкому султану. В ханстве весь период его существования имелась собственная денежная система.

Политическая система ханства была весьма развитой и основывалась в основном на собственных традициях, но имелись и элементы, проникшие из Оттоманского государства. На ханский престол как Чингисиды имели право только Гирейи, которые непрерывно правили в Крыму весь период существования ханства. Хотя устойчивой системы передачи власти хана не имелось (наблюдалось даже столкновение татарской традиции старшинства с оттоманской системой передачи власти от отца к сыну), источники показывают наличие двух официальных наследников престола – калги (первый наследник) и нуреддина; эти должности занимали только Гирейи. Но указанные титулы присваивались самим ханом после его восхождения на трон. Не исключено, что эти институты сформировались под воздействием традиций клана Мангыт (особенно, институт нуреддина) или Большой Орды. Хотя можно допустить, что она восходит к периоду Золотой Орды. Крымский хан имел, во всяком случае, со времен победы над Большой Ордой, титул «Великий хан Великой Орды и Крымского престола и степей Кыпчака (Дешти-Кыпчака)». Хан не был автократическим правителем, так как его фактически из числа Гиреев выдвигали ведущие кланы карача-беев, а затем ещё утверждал турецкий султан (результат установления оттоманского протектората в 1475-1484 гг.). Эти кланы в лице их предводителей – карача-беев, имели право свергнуть неугодного хана – как указывает турецкий историк Х.Инальчик, «хан оказывался совершенно бессильным, когда карача-беки коллективно покидали его в знак протеста, приводя свои войска (племенные подразделения – Д.И.) в священное место по названию Кайялар-Ала, где на скале были отгиснуты тамги или печати крымских кланов»²⁶⁴. Двор хана находился в столице – вначале в г. Крыме (Солхате), затем в XVI в. переместившись в г. Бахчисарай, построенный ханом Сахиб-Гиреем. Резиденции калги и нуреддина, также имевших собственные дворы, находились в г. Акмечети (но возможно, что у нуреддина – вблизи этого города в поселении Качи). Род Гиреев обладал особой тамгой («тарак» тамга), фактически выступавшей в роли родового герба. Согласно преданиям семьи Гиреев, его происхождение возводилось к временам Чингис-хана²⁶⁵.

В целом правящая элита в лице Гиреев и карача-беев образовывала замкнутую корпорацию, своеобразную аристократическую демократию: с одной стороны, карачи-бейи возводили хана на трон (сохранилось сообщение о том, что в 1608 г. карачи – Ширины, Барыны, Сиджеуты и Мансурь, посадили Тохтамыш-Гирея на войлочный ковер и взявшись

²⁶² Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 27.

²⁶³ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 17-18; Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 29.

²⁶⁴ Инальчик Х. Хан... – с. 76.

²⁶⁵ Смирнов В.Д. Крымское ханство.. – с. 332.

за четыре его угла, вознесли на тронный помост)²⁶⁶, в случае необходимости свергая его; с другой стороны, хан утверждал старшего в роду карача-беев в княжеском достоинстве²⁶⁷. Кроме того, Ширины имели право жениться на дочерях хана (и турецкого султана), являясь фактически членами семьи Гиреев. В случае необходимости, при решении важнейших вопросов, созывался съезд знати, приуроченный к поминкам по хану («година») или к «празднику курман»²⁶⁸. Эта «земская дума» состояла из хана, султанов, уланов, представителей духовенства, князей и мурз.

Для управления государством и ханским двором имела разветвленная администрация. Вот как описывается эта группа чиновников в ханском ярлыке 1608 г.: «Я, отец победы, воитель Селямет-Герай хан, говорю Великому Улусу правого крыла и левого крыла всем сборщикам податей, начиная Ахмед-паша беком, сборщикам податей в верхней крепости Кырк-Ер, сеитам, муфтиям и наставникам, должностным судьям, шейхам и суфиям, палатским письмоводителям»²⁶⁹. При дворе хана известны дворецкие, мамичи, тети, имильдяши, сокольничие, конюшие, сытники, есаулы (дворцовая стража), дуваны (ханские казначеи). Общегосударственные функции выполняли таможенники, послы, афызы (дьяки), бакшеи (переводчики), печатники, дефтерники. Дворцовые слуги имелись как у наследников престола, так и у князей (карача-беев). Ширины даже обладали правом иметь калгу и нуредина²⁷⁰. У них был и свой дворец («Катырша-Сарай») около г. Карасу-Базар, имелись свои знамена и войска. Некоторые институты управления подверглись влиянию оттоманов. Скажем, Крымское ханство было поделено на судебские дистрикты («кадылыки») во главе с кадиями, общим начальником которых считался находившийся в г. Кафе кадиаскер, подчинявшийся теоретически оттоманскому султану²⁷¹.

Феодальная верхушка Крымского ханства состояла из хана, его сыновей, других султанов, огланов (члены правящей династии), беков (главы четырех, затем больше, главных кланов), мирз (сыновья беков), нукеров (ички-князя и рядовые казаки), т. е. служащих хану при дворе или ещё где-либо²⁷². После середины XVI в. в результате введения в Крымском ханстве системы тимар (поместий), слой служилых дворян (капукулу) стал усиливаться. К правящей элите относилось и духовенство во главе с сеидами (с конца XVI – начала XVII вв. именовались «муфтиями»). В его состав входили: шейхи во главе с «начальным шейхом», шейхзаде, казии (кадии), муллы, хафизы (афизы), хаджи, суфии, мударрисы, мухтасибы²⁷³. Некоторые религиозные деятели в ханстве занимали государственные посты (тетя, посла, бахшея). Крымские сеиды роднились не только с представителями кланов карача-беев, но и с Гиреями²⁷⁴, что говорит о вхождении сеидов в высший слой крымско-татарского общества. Вся эта группа противостояла «черному населению», сохранявшему личную свободу, но разделенному по клановому принципу по бейликам – княжествам. Однако, их вхождение в структуры конкретных кланов на основе родоплеменных связей до сих пор не установлено. Возможно, крымские кланы были территориальными племенами или даже феодальными домами, включавшими в свой состав разнородное население. Но этот вопрос ещё нуждается в дальнейшем исследовании. Деление Крымского ханства на отдельные княжества (бейлики) как административно – территориальные структуры, тоже изучено весьма поверхностно. Тем не

²⁶⁶ Там же. – с. 467.

²⁶⁷ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай... – с. 35.

²⁶⁸ Там же. – с. 40.

²⁶⁹ Фиркович З.А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. – Спб., 1890. – с. 57.

²⁷⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство.. – с. 323.

²⁷¹ Там же. – с. 450.

²⁷² Инальчик Х. Хан... – с.75.

²⁷³ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 51.

²⁷⁴ Там же. – с. 52-53.

менее, известно, что княжеству Ширинов принадлежали восточная часть Крымского полуострова (кроме владений оттоманов), район к северу и востоку от г. Кафы, земли вдоль побережья Азовского моря²⁷⁵, т. е. вполне конкретной ареал. Существование других княжеств (бейликов) уже было показано выше.

Большая Орда и Астраханское ханство. Информации о хозяйственно-экономической основе Большой Орды и её внутренней политической организации очень мало.

Ведущей отраслью экономики в этом государстве оставалось кочевое скотоводство, хотя удобных для зимних пастбищ районов на территории государства оставалось все меньше²⁷⁶. Однако, нельзя полагать, что татары Большой Орды являлись классическими кочевниками. Например, к 1490 г. относится сообщение русского посла о том, что «Орда пахала пашню на р. Куме»²⁷⁷. Речь шла, очевидно, о посевах проса. В 1501 г. крымский хан Менгли-Гирей указывал, что «большая часть татар» из Большой Орды в условиях кризиса «принуждено было оставить поневоле свое прежнее кочевье, не заготовив для себя хлеба»²⁷⁸. Очевидно, существенную роль играли в экономике государства «выходы» (дань) с русских княжеств: в 1474 г. Иван III обязывался выплачивать Большой Орде ежегодную дань в сумме 140 тыс. алтын в два срока (весной – 80 тыс., осенью – 60 тыс.)²⁷⁹. Вообще, эта дань выплачивалась довольно регулярно с 1450 г. по начало 1470-х гг.²⁸⁰ В 1480 г. хан Большой Орды Ахмат от Ивана III опять требовал дани также в размере 140 тыс. алтын: «И ты бы мою подать в 40 день собрал: 60000 алтын, 20000 алтын вешнею, да 60000 алтын осеннею»²⁸¹. Торговля, несомненно, существовавшая в Большой Орде, отчасти была связана с г. Астраханью, но не только: в 1474 г., например, вместе с послом из этого ханства с 600 татарами «пословыми» в Москву прибыли и 3200 купцов, пригнавших 40 тыс. лошадей и привезших «инога товару много»²⁸². Наличие в Большой Орде специального торгового центра видно и из сообщения о взятии Шибанидом ханом Ибрагимом в 1481 г. «Ахматовой Орды», в результате которого тюменский хан с собою забрал «Ордобазар», который «поведе в Тюмень»²⁸³. Если исходить из источников, то распад Большой Орды был во многом связан с хозяйственным кризисом конца XV – начала XVI вв. Согласно информации русских послов и крымского хана, в начале XVI в. большеордынцы были «худы... добре, и пеши, и наги» или «безконны добре..., и охудали и кочуют на рознь»²⁸⁴. Такое положение сложилось из-за засухи и неурожая, недостаточности пастбищных угодий.

Внутренняя административно-политическая организация ханства практически неизвестна. Из письма хана Ахмата оттоманскому султану Мухаммету III (1476 г.) видно, что хан считал себя единственным наследником Чингисхана, что вытекало из его правления в «Тахт-иле»²⁸⁵. В Большой Орде правила собственная династия, причем в 1491-1504 гг. тут известен калга, т. е. в ханстве существовал институт официального наследника престола. Из ярлыка этого же хана Ивану III примерно этого же времени²⁸⁶, вытекает, что ханство

²⁷⁵ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 22.

²⁷⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад.. – с. 271-272.

²⁷⁷ Малиновский А. Историческое.. – л. 66.

²⁷⁸ Там же. – л. 93.

²⁷⁹ Сафаргалиев М.Г. Распад.. – с. 270.

²⁸⁰ Павлов П.Н. Решающая роль вооруженной борьбы русского народа в 1472-1480 гг. в окончательном освобождении Руси от татарского ига // Учен. записки Красноярского педагогического ин-та, IV, вып. 1, 1955. – с. 190-191.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Назаров В.Д. Свержение ордынского ига. – М., 1983. – с. 33.

²⁸³ ПСРЛ. – т. 37. – с. 95.

²⁸⁴ Зайцев И.В. Астраханское ханство.. – с. 109.

²⁸⁵ Сафаргалиев М.Г. Распад.. – с. 271.

²⁸⁶ Там же. – с.270.

состояло из «семидесяти орд». Но в связи с тем, что достоверность данного ярлыка подвергается сомнению, информация о делении государства на внутренние «орды» остается малонадежной. Можно лишь высказать предположение, что речь в данном случае идет о каких-то крупных кланах (возможно, во главе с карача-беями), имевших устойчивый характер и контролировавших фиксированные кочевья. Конечно, в Большой Орде существовал и свой административный аппарат (известны послы, «молзозода большой молна базарский»)²⁸⁷, но подробных сведений о его структуре мы не имеем.

В экономике Астраханского ханства роль скотоводства была велика – среди товаров, доставляемых в Сыгнак из Хаджи-Тархана «со стороны Дешта», в начале XVI в. отмечаются «жирные овцы, кони, верблюды»²⁸⁸. Бараны и лошади из Хаджи-Тархана упоминаются и в османских документах, связанных с Азаком²⁸⁹. Судя по данным второй половины XVI-XVII вв., в столице ханства и ее окрестностях имелось садоводство и огородничество (выращивали яблоки, айву, грецкие орехи, дыни, арбузы, тыкву, огурцы)²⁹⁰. Хлеба было мало – если его и сеяли, то в ограниченных районах (по р. Бузану, а также в некоторых местах вдоль р. Волга). Возможно, до падения Казанского ханства хлеб привозился оттуда, а также из Персии. Несомненно, существовало масштабное рыболовство, причем часть рыболовных участков (учуги) принадлежали хану и знатным татарам. Ловили осетровых, белуг, севрюгу. Икра являлась важной статьей местной торговли. Об основных направлениях местного хозяйства говорит дань, наложенная в 1554 г. на население ханства после его взятия русскими: ежегодно по 10 тыс. лошадей, по 20 тыс. овец, по 30 тыс. (в других источниках – по 3 тыс.) белуг и осетров²⁹¹. Охота также практиковалась татарами. Добыча соли (из озер) скорее всего контролировалась ханской администрацией и была существенной – ее вывозили в русские княжества, Персию, Армению, Турцию. Имеются и сведения о выплате «выхода» в Астраханское ханство из Московской Руси. Однако, точные размеры его неизвестны. Но самой значительной для экономики ханства являлась торговля – как транзитная, так и экспорт местных продуктов. Торговля была сосредоточена в г. Астрахани, издавна являвшемся крупным торговым узлом. В XV в. отмечена торговля специями из Индии (через Шемаху, Баку), отправляемых через Тану в Венецию. В XV – XVI вв. отмечена и работорговля. В Астрахань привозилась пушнина (соболь, белка), которая далее вывозилась в Дербент, Сыгнак²⁹². Из Персии, Турции привозились шелк, парча, атлас, шелковые нити, ковры, драгоценности, краски, кольчуги, луки, мечи, грецкий орех; из Армении – жемчуг, бирюза, кожа; из Аравии – пряности; из русских земель – сафьян, овчина, деревянная посуда, бумага, уздечки, седла, ножи; из других татарских ханств – шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые, льняные ткани. На ярмарку в г. Астрахань съезжались купцы из многих стран (Персии, Индии, Аравии, Турции, Бухарского ханства и т.д.). В ряде случаев купцов в прикаспийские государства на местных кораблях (ушкули, шюты) возили сами астраханские татары²⁹³. О ремесле в ханстве данных практически нет, но наличие в г. Астрахани кирпичных и каменных сооружений (мечети, городские постройки, крепостные стены) позволяет говорить о существовании в городе мастеров-каменщиков. А чеканка собственной монеты в ханстве доказывает знакомство населения с целым рядом других ремесел. Фискальная система ханства практически неизвестна – есть только данные о том, что в государстве «черные люди» платили «дань» (ясак).

²⁸⁷ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с.208.

²⁸⁸ Исфакхани Фазаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с.116.

²⁸⁹ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с.224.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же. – с.163.

²⁹² Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с.116-117.

²⁹³ Подробнее см.: Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с.210-226.

Политический строй Астраханского ханства, соответствовавший позднезолотоордынским традициям, известен довольно неполно. В государстве правили ханы из Чингисидов – в основном, из династии ханов Большой Орды, в т.ч. из ветви, находившейся позже и в Касимовском ханстве. Но несколько раз на троне оказывались и представители крымской династии Гиреев, правда, на короткое время. По источникам известно о существовании в ханстве института калги²⁹⁴. Так как в Астраханском ханстве известна система карача-беев во главе с «улуг беем» (беклярибеком), можно предположить деление ханства на отдельные «юрты» – княжества. Но территории этих княжеств остаются неизвестными. Возможно, по клановому принципу было разделено кочевое население ханства. Во всяком случае, в одном из сообщений за 1502 г. говорится о «черных улусах»²⁹⁵. Эти улусы находились за пределами г. Астрахани – в 1521 г. речь идет о том, что «Азтороканский улус поимали..., только один город остался»²⁹⁶. В летописном известии за 1557 г. о «черных людях» Астраханского ханства сказано, что они просили у русских разрешить им «жители по старому у города Астрахани»²⁹⁷, т.е. эта группа действительно находилась вне столичного центра. Да и в другом сообщении за тот же год, сказано: «...князем и мурзам и улановым, лучшим людям, велели быти в городе..., а черных людей всех распустити по их улусам»²⁹⁸. Наличие в Астраханском ханстве клановых структур, связанных с карача-беем, позволяет поставить вопрос о ее соотношении с племенной принадлежностью «родовых черных татар». Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня невозможно, так как, во-первых, мы не знаем названий всех правящих кланов государства, во-вторых, когда есть информация о ногайских группах и клане Мангыт в ханстве, речь идет о поздних реалиях XVI-XVII вв., которые невозможно автоматически перенести на период ханства. Но несомненно одно – этносословная стратификация среди астраханских татар существовала. Так, при описании периода хана Дербыш-Алия (1554 г.), говорится: «...татарина Дербыша Аляя царя Касимовского посадили и всего Астраханского царства и земли татар князей и мурз и сеитов и мулл и уланов и абызов и улусных и кочевых и черных людей всех до одного... к шерти и правде привели»²⁹⁹. В Патриаршей (Никоновской) летописи за 1556 г., сказано: «...астраханские люди, Чалым улан в головах, и мольлы и хаджи и шихы и шихзоды и князи и все мурзы и казаки и вся чернь, Астраханская земля»³⁰⁰. В приведенных отрывках одна часть населения (от уланов до казаков, в первом случае – скорее до «улусных» людей) относится к феодальному сословию, а другая – к «черному» люду. Именно о последних в летописном сообщении за 1557 г. сказано: «черные люди Астраханцы», которые «дань дают»³⁰¹. По всей видимости, «черные татары» делились на «улусы» или «табуны» – по данным середины XVII в. «юртовские татары» состояли из «мурз, табунных голов, сотников и десятников и всех родовых черных татар». В более поздний период насчитывалось 9 улусов (табунов) во главе с старшинами (семь из них имели титул «агъ», а двое – «мурза») ³⁰². Хотя эти сведения нельзя напрямую перенести на период Астраханского ханства, можно предположить, что клановые княжества тогда состояли из улусов, а последние делились на сотни и десятки.

Выше уже речь шла о духовенстве в Астраханском ханстве – оно состояло из нескольких групп и возглавлялось сеидами. В целом в ханстве кроме сеидов известны

²⁹⁴ Там же. – с.126, 132.

²⁹⁵ Сборник РИО. – т.41-с.381.

²⁹⁶ Сборник РИО. – т.95. – с.675.

²⁹⁷ ПСРЛ. – т.13. – с.277.

²⁹⁸ Рычков П. Введение к Астраханской топографии. – М., 1774. – с. 66.

²⁹⁹ Сборник РИО. – т. 41. – с. 90-92.

³⁰⁰ ПСРЛ. – т.13. – с. 283.

³⁰¹ Там же. –с. 277.

³⁰² Татары – с. 117.

хаджи, муллы, ахуны, шейхи, шейхзаде, хафизы³⁰³. Эта группа входила в феодальное сословие, недаром в русских документах она всегда фигурирует среди знати (уланов, князей и мурз).

Административные структуры Астраханского ханства почти неизвестны, как и перечень должностных лиц. В документах упоминаются послы (в т.ч. «большой посол»)³⁰⁴, афизы³⁰⁵.

Государство Шибанидов, Тюменское (Сибирское) ханство и Ногайская Орда. В Узбекском ханстве (Государстве Шибанидов) экономика зиждилась не только на кочевом скотоводстве, но и на оседлом земледелии, особенно после завоевания ханом Абулхайром района Сыр-Дарьи с городами Ясы, Отрар, Сыгнак, Сауран, Аргун, Узгенд, Ак-Курган и др. Да и в других частях ханства имелись городские центры и сельское население (в вилайяте Чимги-Тура, в долинах рек Каратал, Чу, Талас, Сары-Су). Значение земледелия в государстве в районах оседлости видно на примере рассказа Фазлаллаха б. Рузбихана о крепости Аркук начала XVI в.: «...решено было, [что] город Аркук с помощью других незначительных селений, находящихся на западном берегу Сейхуна, полностью обеспечит войска хлебом и продуктами»³⁰⁶. Про округу г.Сыгнака там же сказано: «Вся эта область весьма благоустроена и возделана»³⁰⁷. У кочевников основным богатством являлись овцы³⁰⁸, но они разводили и лошадей, верблюдов³⁰⁹, в меньшей степени – коров и коз. Существовала охота, определенное значение имело и рыболовство. Скажем, о жителях г. Сыгнака и его округи, в «Михман – наме-йи...» говорится: «...Все люди... в незимние дни много охотятся и заготавливают на зиму запасы продовольствия»³¹⁰. Речь тут идет об охоте на сайгаков, куланов, степных баранов и др. животных. О значении торговли для экономики Государства Шибанидов свидетельствует следующий кусок из того же источника: «...купцы владений и местностей Дешт-и Кипчак до пределов реки Адил... сделали город Сыгнак местом складов своих [и] привозят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дешта торговые сделки и обмен... это владение (Сыгнак – Д.И.) постоянно является местом пребывания купцов из [разных] стран, и добра и товаров всех стран там в изобилии»³¹¹. В Сыгнаке, являвшемся в свое время столицей ханства, «ежедневно на рынках жарили пятьсот верблюдов и к вечеру на базарах не оставалось ни куска», там имелись городские власти, мечеть, могилы и гробницы «всех ханов узбеков и шибановцев»³¹². В городских центрах ханства существовали ремесла: обработка кожи, металла, в т.ч. и ювелирное дело, гончарное производство, изготовление оружия (сабель, луков, наконечников копий), стремян, седел, подвод, телег и т.д. В домашних условиях изготавливались верхняя одежда из овчины, домашняя утварь из кожи, обувь, седла, уздечки, кошма, войлок, мешки и др. Отраслью экономики были и военные походы, регулярно делавшиеся вглубь владений Тимуридов, против казахов и в др. районы. Скажем, во время набега Шибанидов в округу Ташкента в 1501-1502 гг., были уведены 200 тыс. овец, 5 тыс. лошадей, 3 тыс. рабов и 1, 5 тыс. военнопленных³¹³. В период похода Мухаммета-Шайбани хана против казахов зимой 1508-1509 гг., по словам Фазлаллаха б.

³⁰³ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 64-68.

³⁰⁴ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 78-79.

³⁰⁵ ПДРВ. – ч. X. – с. 55.

³⁰⁶ Исфакани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 75.

³⁰⁷ Там же. – с. 116.

³⁰⁸ Султанов Т.И. Кочевые... – с. 53.

³⁰⁹ Исфакани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 94.

³¹⁰ Там же. – с. 116.

³¹¹ Там же. – с. 117.

³¹² Там же. – с. 116-117.

³¹³ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 85.

Рузбихана, «невозможно описать, сколько они награбили ... всякого добра»³¹⁴. Далее он конкретизирует, что речь идет об одежде, утвари, товарах, шатрах, вьючных животных, в т.ч. верблюдах, коровах, овцах и указывает, что обратно ехали очень медленно из-за «обилия добычи, награбленного добра, кибиток, бесчисленных, несметных овец»³¹⁵. Во время походов военнопленные превращались в живой товар, поэтому существовала работорговля. Фискальная система ханства в точности не известна. Однако, жители государства платили ясак, что доказывается и следующим сообщением: согласно «Тарих-и гузидэ, Нусрат-наме» (ок. 1505 г.) «жители Жанги-Туры (Чимги-Туры – Д.И.) и Булгара платили ханской (речь идет об Абулхаире – Д.И.) казне ясак»³¹⁶. С кочевой части населения брался *кубжур ясагы* (от монг. кубчур) – 1/100 часть с поголовья скота (позже взимался и с оседлого населения), с оседлой части – десятину (*ушр*). Существовали различные налоги (продовольственный – *ашлыг*, сбор для снабжения войска – *тагар*, с кочевников – *савум зекят* скотом в размере 1/40) и повинности (*согум* – выплаты ханам и бекам, *шибагу* – сбор продовольствия во время летних перекочевков, *савари* – приношения, подарки хану и другим знатым лицам при проезде, *пишкали* – от персид. «подношение», т.е. подарки скотом, птицей, одеждой, деньгами и т.д.)³¹⁷.

Политический строй Государства Шибанидов был такой же, что и у прочих позднезолотоордынских государств. Во главе его стоял хан из Чингисидов из рода Шибана. Несомненно, его на трон сажали предводители ведущих кланов³¹⁸. Иллюстрация к политической системе Узбекского ханства содержится в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (начало XVI в), где сказано: «Беки – карачи, объединившись, посоветовались и решили, что старший внук хана будет хорошим человеком, и поручили [его] Карачин-бахадур...»³¹⁹. Про последнего источник уточняет: Дарвиш Хусайн, сын кукульташа Абулхаира хана Даулат Ходжа бек из омака кушчи, по прозвищу Карачин³²⁰. Совет из предводителей крупнейших племен (диван) возглавлялся карачибекком³²¹ (очевидно, беклярибеком). Известен *наиб* – заместитель везира. Административный аппарат состоял из *аталыка* (атаке) из эмиров (беков) или *кукельташа*, которые правили уделами султанов до их совершеннолетия, *карачи-беков*, *казиев* (известен и верховный казий, являвшейся сеидом)³²². Более мелкие должностные лица – это *даруги*. Про последних можно привести высказывание такого источника, как «Шейбани-наме»: «...это общество [эмиров] Шейбани хан [для благополучия] государства возвеличил исполняющим должность даруг вилайята Жанги-Тура»³²³. Кроме того, известны: *ички* или *ишек-ага баши*, *ишек ихтиари*, т.е. внутренняя охрана хана (про Кунгур бия из племени кушчи из людей хана Абулхаира в «Тарих-и Абул Хайр хани», сказано: «один из самых приближенных и ичкиев»)³²⁴, *ясавулы* (служащие дворцового ведомства, занимавшиеся сбором

³¹⁴ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 94.

³¹⁵ Там же. – с. 128-129, 138.

³¹⁶ Цит. по: Ахмедов Б.А. Государство... – с. 19-20, 94.

³¹⁷ См. там же. – с. 94-98.

³¹⁸ Там же. – с. 46.

³¹⁹ Материалы по истории... – с. 19.

³²⁰ Там же.

³²¹ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 101.

³²² Например, при хане Абулхаире с самого его провозглашения ханом находились Кул-Мухаммет сеид и Кара сеид (Ахмедов Б. А. Государство... – с. 46, 99). Кул-Мухаммет являлся верховным казием в государстве. При хане Мухаммете Шейбани около 1470-х годов находился Шамгун сеид, сын Кара сеида (См.: Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с пер., прим. и приложениями изданная И. Березиным. – Казань, 1849).

³²³ Ибрагимов С. «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в. //Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. – т. 1. – Алма-Ата, 1959. – с. 198.

³²⁴ Материалы по истории... – с. 148.

налогов, подсчетами военной добычи), *амир-и шикар* (миршикар) – начальник охоты, *михман-худай* (обеспечивал явку на ханские собрания – маджлис-и хулайун), *мубаширы* (ханские вестники), *джарчи* (глашатаи), *таваджи* (занимались сбором войска), *амакчи*, *сынчы*, (лошадники). Терминами *инаки* и *нукеры* обозначали близких к хану людей из знати (первые являлись эмирами крупнейших племен). Очевидно, ханство делилось на владения отдельных кланов (бейлики), но сама эта система остается не раскрытой. В связи с тем, что войско в Государстве Шибанидов состояло из делений на 10, 100, 1000 воинов и туменов (10000)³²⁵, должны были существовать и соответствовавшие им должностные лица и улусные деления. Имелась и разветвленная группа духовенства (сеиды, один из них – верховный казий, он же – шейх ул ислам, казии, муфтии, улемы, дервиши)³²⁶.

Ногайская Орда. Как и Большая Орда, Мангытский юрт относится к государствам, чья экономическая жизнь основывалась на кочевом скотоводстве. Но в государстве существовали и другие хозяйственные отрасли и уклады³²⁷. Господство у ногайцев скотоводства объяснялось, прежде всего, особенностями природно-географической среды их обитания, в основном это были степная зона. Разводили овец, коней, верблюдов, коров, ослов. Существовали устойчивые маршруты кочевания не только Ногайской Орды в целом (основных было два: арало-уральская – зимовка в низовьях Сыр-Дарьи, летовка – на Яике; поволжская – зимовка в волжских низовьях, летовка – на Самаре и вплоть до Камы), но и для отдельных илей (впрочем, последние могли меняться из-за ежегодных перераспределений илей, улусов и пастбищ между ногайской знатью). Однако, надо иметь в виду, что традиционная система кочевий была нарушена в ходе выхода части Ногайской Орды на правый берег Волги, в результате которого возникли новые маршруты передвижений. Довольно значительную роль играла охота (на сайгаков, белок, птиц и т.д.) и рыболовство. Из ремесел некоторые важные отрасли отсутствовали (например, плавильное и кузнечное дело), однако, многие необходимые для хозяйства изделия ногайцы изготавливали сами: телеги, кибитки, меховую одежду, кожаную утварь и др. Земледелие также существовало (в районе г. Сарайчука, позже и на Северном Кавказе – по берегу р. Кумы), но не имело больших размеров. Сеяли в основном просо. В местностях, близких к г. Астрахани, допустимо наличие у ногайцев, очевидно, уже во второй половине XVI–XVII вв., небольшого размера бахчеводства (выращивание дыни, тыквы). Ногайцы занимались и добычей соли (в местности Тоз-тубэ на р. Илеке). Особая роль принадлежала торговле – не только потому, что Ногайская Орда нуждалась в продуктах земледелия и ремесла, но и потому, что через территорию государства проходили старые караванные маршруты. В Ногайской Орде существовали две группы торговцев – обычные купцы, в основном ездившие продавать коней, овец и ордабазарцы («базарские люди») – купцы, обслуживавшие ногайскую знать (бия, мирз). Торговля осуществлялась только по ярлыку правителя Ногайской Орды и с купцов брали пошлины (приезжие платили 1/3 из 9 частей бию, 1 часть – карачам; ногайские купцы, гнавшие отары овец в Бухару, платили 500 овец, а приезжие бухарские купцы – 1 тыс. «азямских кафтанов»). Столица государства – г. Сарайчук, стоял на старом торговом маршруте (из Азака, Маджара и Сарая через Хаджи-Тархан к Сарайчуку). Далее дорога шла к Ургенчу. Имелись и торговые маршруты в Казанское ханство, к русским княжествам. Ногайцы в основном торговали лошадьми, овцами и коровами. Кроме того, на продажу шли войлок, кожа, топленое сливочное масло, шкуры и меха, тулупы, шубы, луки и стрелы. До падения Казанского ханства отсюда в Мангытский юрт поставлялся, видимо, хлеб. Но с XVI в. основным торговым партнером

³²⁵ Ахмедов Б.А. Государство... – с. 106; Исфакхани Фазлаллаха ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 63, 77, 113, 125, 144.

³²⁶ См: Ахмедов Б.А. Государство.... – с. 99; Исфакхани Фазлаллаха ибн Рузбихан. Михман-наме-йи... – с. 56, 58, 98, 154.

³²⁷ Информация об экономике Ногайской Орды основывается на работе В.В. Трепавлова (История.. – с. 507-544).

ногайцев становится Московская Русь (металл, сбруя, обувь, ткани, бумага, седла, стремяна, стекло, краски, хлеб, хозяйственные предметы и т.д.). Существовала и торговля людьми (пленные, в годы кризисов – даже дети и родственники). Полоняников продавали главным образом в Крым, Османскую империю, ханства Шибанидов в Средней Азии. В «Бухары», «Юргенч», «Туркмен» отправляли не только скот, но и меха, луки, стрелы, другие товары, получая оттуда ткани, железо.

В государстве имелась своя система налогов и финансов. Население Ногайской Орды платило ясак в размере 1/10 части скота, продукции скотоводства, закят и делало приношения (название неизвестно) держателям улусов – мирзам. Скорее всего, обложение было подворным (с «дыма» или «избы») и кроме прочего состояло из пушнины (лисицы, бобровые, куньи шкурки), особенно там, где проживало зависимое от ногайцев население, например, «иштяки» Приуралья. О взимании с них ясака известно из послания правителя Ногайской Орды князя Уруса московскому царю Федору Ивановичу (1586 г.). Князь сообщает: «Да писал (Федор Иванович – Д.И.)..., чтобы мне (т.е. князю – Д. И.) с башкурдов и остяков дани никакие не имати, ...[если] пошлю... данщика... [взимать дань] с башкурдов и остяков..., тех данщиков велишь побити»³²⁸. В данном случае дань – это ясак, причем видна конфронтация двух государств по поводу сбора ясака со спорных территорий. В башкирском фольклоре речь идет о выплате ясака ногайцам куницами, выдрами и медом³²⁹. Существовали специальные пошлины («взимок»), взимаемые на переправах (через Волгу, Белую) – очевидно таможенные сборы. Достаточно представительная часть ногайских финансов могла состоять из дани, поступающей от соседних государств по старой традиции. В источниках сохранились сведения о выплате из Казанского ханства в пользу Ногайской Орды « годового » в размере 40 тыс. алтын при хане Сафа-Гирее³³⁰. Причем из послания ногайского правителя князя Шейдяка (Саид-Ахмада) за 1535 г. прямо вытекает, что для получения этих выплат в Казань посылался специальный «пошлинник» (фактически – дарага) во главе отряда из 300 человек³³¹. Аналогичные выплаты осуществлялись и из Астраханского ханства, также в размере 40 тыс. алтын³³², происхождение их возводится к временам Нуреддина и хана Тимур-Кутлуга или к периоду мангытского беклярибека Большой Орды Тимура³³³. Возможно, что и «поминки», которые Московская Русь выплачивала ногайским князьям (они постепенно превратились в орудие влияния Москвы), генетически восходят к такой же дани³³⁴. Существовал специальный орган и чиновники при нём, контролировавшие финансы князя и Ногайской Орды в целом³³⁵.

Политическая система Мангытского юрта, по известным причинам, несколько отличалась от других позднезолотоордынских государств – его глава – бий (бек), по представлениям того времени, не мог быть самостоятельным сюзереном³³⁶. Тем не менее, по мере обособления Ногайской Орды произошло формирование её государственных

³²⁸ Пекарский П.П. Когда и для чего основались города Уфа и Самара? // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской АН. – т. X, № 5, 1872. – с. 8.

³²⁹ Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV – XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. – Уфа, 1997. – с. 13-14.

³³⁰ Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 17.

³³¹ ПДРВ. – ч. VII. – с. 235.

³³² ПДРВ. – ч. IX. – с. 305; ч. X. – с. 27; ч. IX. – с. 181.

³³³ ПДРВ. – ч. VII. – с. 241; ч. IX. – с. 234.

³³⁴ См., например, случай, когда в 1535 г. ногайский князь Шейдяк предлагал московскому великому князю платить ему «поминки» в такой форме – что шло к крымскому хану Мухаммет-Гирею – ему, а что шло к князьям этого хана – своим «карачям» (ПДРВ. – ч. VII. – с. 241).

³³⁵ Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские... – с. 41-42.

³³⁶ Трепавлов В.В. История... – с. 555.

институтов³³⁷. Во-первых, кочевое население было разделено на два крыла (он-сол), во главе которых встали наместники из клана ногайского князя с чисто ногайскими титулами «нурадин» и «кековат». Эти крылья подразделялись на племенные эли (улусы). Глава Ногайской Орды – бий, избирался предводителями племен и родов при решающей роли членов рода бия. Один из них – Саид-Ахмад (1530–1540-е гг.), в период максимального усиления Ногайской Орды попытался даже объявить себя ханом – но безуспешно, ибо правители соседних государств не признали за не Чингисидом права иметь такой титул. После смерти бия на его место вступал старший из членов рода (родной брат прежнего бия или его старший сын). Сыновья бия и другие члены бийского рода назывались мирзами, между ними распределялись эли (улусы) Ногайской Орды. При этом родовая знать элей сохранялась – из них состояли карачеи (карача-беки), имевшиеся как вокруг самого князя, так и в других структурных подразделениях государства. Во второй половине XVI в. появляется ещё одна административная должность – «тайбуги». Под его началом кроме «братьев, детей, племянников» имелись и «улусные люди»³³⁸. Очевидно, это образование было частью Сибирского ханства, особым юртом – княжеством, оказавшемся под сюзеренитетом Ногайской Орды. Как бии, так и мирзы имели своих служилых людей – имильдяшей (придверники) или карачеев (карача-беков). При бие их было 12, при остальной ногайской знати – в меньшем числе. Служилые карачеи выступали послами, руководили войсками. Предводитель войск имел титул «батыра». Известны военные деления на десятки, сотни, тумени (10000 воинов). Постоянным органом управления при ногайском князе был кара-дуван, находившийся в столице государства – г. Сарайчуке. Чиновники этого органа – дуваны, выполняли управленческие функции (возглавляли посольства, получали «поминки» глава органа *кара-дуван* заведовал придворным хозяйством бия, руководил его канцелярией – *великий токадуван*; собирал транзитную пошлину – *теке-дуван*). Финансовое ведомство возглавлял казначей карадувана. В столице – г. Сарайчуке, имелся даруга – наместник столичного округа. При этом органе имелись и чиновники более низкого ранга: афызы, бакшеи, даруги. Существовало разветвленное духовное сословие во главе с сеидом (резиденция сеида находилась в г. Сарайчуке). В составе духовенства отмечены: шейхи, муллы, хаджии, хафизы, суфии и возможно – дервиши³³⁹. Духовенство занималось и государственными делами – муллы являлись бакшеями, шейхи, хаджии, суфии выполняли роль послов. Хафизы отмечаются во время военных походов. Для решения важных государственных вопросов собирался совет (корныш) знати – бий, его родичи, служилые князья – имельдяши, карачеи. Для решения текущих вопросов созывался малый совет (по рус. источникам – «круг») из приближенных бию карачеев и имильдяшей. Низовыми звеньями управления «улусных людей» были «головы», «табунные головы», избираемые из зажиточной верхушки улусного населения³⁴⁰. Возможно, они имели отношение к делению на десятки и сотни (у юртовских татар «табун» – это пятерки).

Тюменское и Сибирское ханства. О хозяйственной жизни Тюменского ханства сведений практически не сохранилось. Можно лишь предположить, что она была близка к экономике Сибирского ханства. Сибирские татары вели комплексное хозяйство, основанное на земледелии, кочевом и полуоседлом скотоводстве с большой долей рыболовства, охоты и собирательства. Что касается земледелия, то его наличие подтверждается не только обнаружением во время раскопок городищ Сибирского юрта железных серпов – горбуш,

³³⁷ Детальнее см.: Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские... – с. 38-46; Трепавлов В.В. История... – с. 545-558.

³³⁸ Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские... – с. 40-41.

³³⁹ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 68-71.

³⁴⁰ Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские... – с. 45.

сошников, каменных ручных жерновов³⁴¹, но и существованием у сибирских татар собственной земледельческой лексики, указывающей на раннее сложение данной отрасли, на сохранение самобытных черт в агрокультуре (скажем, употребление термина «ашлык» не только для обозначения ячменя, но и вообще хлеба)³⁴². Ремезовская летопись, описывая поход Ермака, довольно часто упоминает о хлебных запасах сибирских татар³⁴³. Сеяли видимо полбу, ячмень, овес³⁴⁴. Скотоводы разводили лошадей, овец, коров, коз. Обнаружение железных крючков, грузил рыболовных сетей во время археологических раскопов, наряду с костями щук, карася, сибирского осетра, говорит о роли рыболовства³⁴⁵. Охотились на пушных зверей (соболя, лисиц, белок, зайцев), в т.ч. и потому, что ясак уплачивался пушниной, на лосей, кабанов, антилоп, туров, гусей, уток, тетерева³⁴⁶. Существовало и довольно развитое ремесло: гончарное производство, выплавка железа (археологически известны тигли, литейные формы) и изготовление железных изделий (топоров, тесел, молотков, стамесок, игл, удил, наконечников стрел и копий и т.д.), производство ювелирных изделий (найлены бусы из стекла, камня, пасты; серьги, перстни, браслеты из меди и серебра, подвески), возможно и утвари (обнаружены обломки чугунных котлов, медной посуды). Обнаружены и ряд предметов, говорящих о ткачестве (напрясла, костяные моталки для пряжи, иглы), производстве кирпича, обработке шкур (лопатки, скребки для обработки шкур), плетении (костяные кочедыки для плетения)³⁴⁷. В столице Сибирского ханства – г. Искере, несомненно, производили кирпич, так как в городе имелись кирпичные сооружения (в основном дома строились, видимо из плетня, обмазанного глиной и из дерева).

Первые сведения о торговых связях Сибирского юрта с соседями относятся ещё к XV в. – в частности, в 1475 г. в некоторых русских летописях сообщается о том, что «Татарове Казаньстии побили устюжан на Каме 40 человек, идучи къ Тюмени торгом»³⁴⁸. Через несколько лет (в 1481 г.) устюжане, воевавшие под г. Чердынем, «на Каму шедши, да встретили гостей и Тюменских татар», которых они «пограбили» и «посекли»³⁴⁹. Очевидно, в обоих случаях речь идет о торговых связях Тюменского ханства с Поволжьем, в первую очередь – с Казанским ханством, на одном из важнейших торговых путей из Поволжья в Западную Сибирь (по р. Каме до Перми – Чердыни, далее по рекам Сылве и Чусовой через Уральские горы)³⁵⁰. О важности торговли с Поволжьем говорит и уведение ханом Ибрагимом Шибанидом в 1481 г. из Большой Орды «ордобазара» этого государства в свое владение «не грабя», т.е. в целостности. Другим значимым для Сибирского ханства направлением торговли была Средняя Азия – Бухарское ханство и др. городские центры региона. Туда из Сибирского ханства имелись несколько торговых путей (от Искера к горе

³⁴¹ Левашева В.П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология, 1950, № XIII. – с. 341-350.

³⁴² Халиков Н.А. Этнокультурные особенности хозяйства западно-сибирских татар // Сибирские татары. – с. 84.

³⁴³ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 155.

³⁴⁴ Копылов Д.И. Ермак. – Иркутск, 1989. – с. 75.

³⁴⁵ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). – Томск, 1960. – с. 100.

³⁴⁶ Там же. См. также.: Левашева В.П. О городищах... – с. 347.

³⁴⁷ Левашева В.П. О городищах...; Худяков Ю.С. Луки и стрелы сибирских татар // Восток – Запад... – с. 252-267.

³⁴⁸ ПСРЛ. – т. 11-12. – с. 158.

³⁴⁹ Там же. – с. 95; Документы по истории коми... – с. 263.

³⁵⁰ Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI – XVII вв. // Научные труды. – т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. – ч. 1. Пути за Урал в XVI – XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – с. 72-136.

Улытау по р. Сары-Су и через горы Каратау к г. Саурану и далее к Туркестану и Бухаре; вдоль Иртыша до р. Омь и далее; от г. Чимги-Тура и Явлу-Тура к Шубер-кале, далее – на Туркестанскую дорогу)³⁵¹. Из Средней Азии поступали ткани, одежда, обувь, украшения, ковры, гончарная посуда, лекарства, предметы реэкспорта – фарфоровая посуда (из Кашгара, Китая)³⁵². Сибирское ханство вывозило, прежде всего, пушнину (соболей, лисиц), возможно – охотничьих птиц (сохранилась информация о том, что хана Кучума правитель Бухарского ханства хан Абдулла просил прислать таких птиц)³⁵³. Отраслью экономики являлась и война. Так, после успешного разгрома ставки хана Большой Орды в 1481 г. тюменский хан Ибрагим, кроме «ордобазара», увел с собой «скота и полону литовского бесчисленно»³⁵⁴. В XVI в. походы сибирских татар в соседние районы не прекращались, что давала возможность захвата пленных и иных богатств³⁵⁵.

Вне всякого сомнения, в Сибирском ханстве существовала сложившаяся система налогов и финансов. Основным налогом была «дань»– ясак. Наиболее ранняя информация о таком платеже содержится в сообщении отдельных русских летописей об обращении правителя Сибирского юрта князя Едигера к Ивану IV с предложением стать вассалом Московской Руси на условии выплаты «дани» по соболу с человека, да ещё по сибирской белке «дороге» московского царя (как «дорожскую пошлину»). Летопись уточняет, что речь идет именно о «черных людях», которых насчитывалось 30,7 тыс. чел.³⁵⁶ Конечно, это был не полный объем ясака, уплачиваемого ясачниками ханства (Московскому царю в 1557 г. была прислана дань в 700 соболей – она была меньше, чем ожидалось; в 1558 г. поступила «дань Сибирские земли» в размере 1000 соболей и «дорожской пошлыны» 160 соболей)³⁵⁷. К 1569 г. относится сообщение о том, что хан Кучум собирал дань³⁵⁸. Да и в «Сибирских летописях» (Есиповская летопись, Ремезовская летопись) речь идет о том, что он «дани и оброки... имаше», «дани... взяша». Видимо, между «данью» (ясаком) и «оброками» была разница, но трудно сказать, какая. Все же в документах в основном говорится о «дани». Ещё одна косвенная информация об уплате хану Кучуму населением ханства ясака относится к 1586 г., когда в связи с решением московских властей построить на р. Белой г. Уфу, отмечается: «...город поставити, что беглый из Сибири Кучюм царь, пришед в государеву вотчину... в башкирцы, учал кочевати и ясак с государственных людей с башкирцев, почал... имати»³⁵⁹. На самом деле, скорее всего хан Кучум собирал ясак со своих подданных, (они были сосредоточены на так называемой «Сибирской дороге» более позднего Уфимского уезда). О сборе ясака («дан») с «черни» (каралар) легендарным правителем Сибирского юрта Ансам «ханом» говорится и в эпическом произведении (дастане) сибирских татар «Илдан белән Гөлдан»³⁶⁰.

³⁵¹ Абдиров М. Кучум: известный и неизвестный. – М., 1996. – с. 55.

³⁵² Там же. См. также: Левашева В.П. О городищах...

³⁵³ Абдиров М. Хан Кучум... – с. 55.

³⁵⁴ ПСРЛ. – т. 37. – с. 95.

³⁵⁵ См., например, в 1505 (или 1506) г. «пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью Сибирский царь Салтан... приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю». В 1573 г. на Пермь Великую напал сын Кучума султан Маметкул, воины которого «данных остяков Чагира с товарищи побили, а иных в полон взяли». В 1581 г. хан Кучум опять пришел с войною «на Пермь Великую на городки на Сылвенские Чусовские, вотчины Строганова пограбил» (Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 130).

³⁵⁶ ПСРЛ. – т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Наука, 1965. – с. 233.

³⁵⁷ Там же. – с. 251, 258.

³⁵⁸ Копылов Д.И. Ермак. – с. 80.

³⁵⁹ Пекарский П.П. Когда... – с. 20.

³⁶⁰ Илдан белән Гөлдан // Мирас, 2002, № 8. – с. 17-32.

Таким образом, сбор ясака в Сибирском ханстве, безусловно, осуществлялся. Однако, о других платежах и повинностях населения ханства мы ничего не знаем. Чеканка монет в Сибирском юрте была произведена лишь тюменским ханом Сайид-Ибрагимом и была явно связана с захватом им в 1481 г. финансового центра Большой Орды – «Ордубазара»³⁶¹. В целом денежное обращение в Сибирском (Тюменском) ханстве, скорее всего имевшееся, остается не выясненным.

Политический строй Тюменского ханства, основанный на золотоордынских традициях, уже был прослежен нами ранее. Хотя приходится признать, что для подробного анализа этого вопроса исторических источников не хватает. Что касается собственно Сибирского ханства, то применительно к нему следует рассмотреть проблему особого статуса этого этнополитического образования между началом XVI в. (уход Шибанидов из Чимги-Туры – Тюмени и перемещение центра политической власти в г. Искер или Кашлык) и приглашением на престол Шибанидов около 1563 г.

Прежде всего, в этот период Сибирский юрт был княжеством, а не ханством и его точным названием было бы «Искерское княжество Тайбугидов»³⁶². Во главе этого княжества стоял «Сибирский князь» – его титул впервые упоминается в Патриаршей (Никоновской) летописи под январем 1555 г.: «...пришли послы ко царю и великому князю изъ Сибири отъ *Сибирского князя* Едигера ото всей земли Сибирской»³⁶³. Титул «Сибирский князь» был не номинальным: в результате послания князя Едигера, просившего правителя Московского государства от имени «всей земли», чтобы он «всю землю Сибирскую взять в свое имя», в тексте грамоты Ивана IV, отправленного в г. Вильно 22 июля 1555 г., был вставлен новый элемент его титулатуры – «всея *Сибирские земли повелитель*»³⁶⁴. Из приведенных данных вроде бы вытекает вывод, что Сибирский князь был суверенным правителем. В таком случае Сибирское княжество (Искерское княжество Тайбугидов) чем-то напоминало бы Мангытский юрт, где также правил князь (бий).

Однако, как уже говорилось, имеются сомнения относительно полной независимости Сибирского княжества и источники на этот счет сейчас необходимо проанализировать. Согласно преданиям сибирских татар, до Кучума в Искерском юрте ханом был его старший брат Ахмет-Гирей³⁶⁵. Действительно, посольство из Сибири от царевича Ахмет-Гирея в Москву прибыло около 1563 г.³⁶⁶ В том же году в Сибирском юрте был убит царевичем Кучумом Сибирский князь Едигер³⁶⁷. Ситуация осложняется ещё больше, если учесть, что в «Описи» архива Посольского приказа (1614 г.) есть запись: «Столпик Сибирской 7072 году (1563-64 гг.), привозу к Москве *сибирского* Муртазы *царя* татарина Ташкина»³⁶⁸. Эта информация заслуживает внимания по двум причинам: во-первых, в 1563 г. как Ахмет-Гирей, так и Кучум в русских источниках названы лишь «царевичами» (султанами), во-вторых, упомянутый выше Ташкин как «сибирский посол» известен и по другим документам за 1563-1564 гг., имеющим совершенно самостоятельное происхождение³⁶⁹. Но любопытно, что согласно Г.Ф. Миллеру, опиравшемся на исторические предания сибирских татар, в момент убийства Сибирского князя Едигера Муртаза был «ханом Большой

³⁶¹ Нестеров А.Г. Монеты...

³⁶² А.Г. Нестеров вначале использовал формулу «Тайбугидское Сибирское ханство», затем перешел к более точной формулировке «Искерское княжество Тайбугидов» (См.: Нестеров А.Г. Дорусские государственные...; Его же. Искерское княжество...).

³⁶³ ПСРЛ. – т. 13. – с. 248; т. 29. – с. 333.

³⁶⁴ Сборник РИО. – т. 59. – Спб., 1887. – с. 470.

³⁶⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 54-57.

³⁶⁶ ПДРВ. – ч. ч – с. 322.

³⁶⁷ Копылов Д.И. Ермак. – с. 214.

³⁶⁸ Там же. – с.74.

³⁶⁹ ПДРВ. – ч.Х. – с.303; ч. XI. – с. 103, 123.

Бухары»³⁷⁰. Правда, П. Небольсин утверждал, что упомянутый выше Ташкин (Тагикин) прибыл от имени царевича Ахмет-Гирея в составе группы послов, среди которых были послы Сибирского князя Едигера Чибичень и Сибирского царевича Муртазы по имени Маминших³⁷¹. Последние двое послов известны и по ногайским делам³⁷². Поэтому, остается неясным, был ли Муртаза ханом, а если был, то на каком престоле – Искерского юрта или Бухарском³⁷³. В данном случае для нас важно то, что как Ахмет-Гирей, так и Кучум, не говоря уже об их отце – Муртазе, все время связываются с Бухарой и тамошними Шибанидами³⁷⁴. Поэтому, Сибирский князь не может рассматриваться в отрыве от среднеазиатских Шибанидов и Бухарского ханства. Тем более, что по Г.Ф. Миллеру вдова убитого Сибирского князя Едигера тоже бежала в «Большую Бухару»³⁷⁵. Кроме того, как видно из преданий сибирских татар, инициатива приглашения на престол Сибирского юрта Шибанида, исходила от «знатных татар», которые после смерти князя Едигера «не хотели ждать, когда княжна (вдова князя, бывшая беременной – Д.И.) разрешится от бремени, так как между ними не было согласия относительно того, кому править в Сибири. Они отправили посольство к хану Большой Бухары Муртазе, прося его прислать *в князья* (курсив наш – Д.И.) одного из своих сыновей. Муртаза отпустил... Кучума... По прибытии он был признан ханом»³⁷⁶. То, что приглашение Шибанида Кучума было осуществлено по желанию местной знати, видно и из некоторых русских летописей: «...сибирские люди... изменили (московскому царю – Д.И.), дани... давати не учили и *взяли* (курсив наш – Д.И.) к себе на Сибирь царевича»³⁷⁷.

Таким образом, приход на трон Сибирского юрта Шибанида Кучума (возможно и других его родственников) принципиально политический строй владения не изменил – возможно, поменялся лишь клан беклярибека – вместо Тайбугидов это место могли занять представители какого-то другого клана или из того же клана был поставлен иной князь. Хотя нам неизвестно, кто был в Искерском юрте «князем князей» после Тайбугидов Едигера и Бекбулата, отдельные намеки на этот счет содержатся в «Сибирских летописях». В частности, в «Ремезовской летописи» в рассказе о продвижении Ермака вверх по р. Иртышу, говорится: «...и погребли вверх по Иртышу... и до болшого князя Бегиша Княжева городка и ту учиниша великой бой со зборными Татары и с Карачинцы»³⁷⁸. Термин «большой князь», наряду с упоминанием группы «карачинцев», не оставляет сомнения, что мы в лице князя Бегиша имеем дело с беклярибеком хана Кучума³⁷⁹. Да и присутствие в грамоте хана Кучума в Москву (1571 г.) после его «печати» выражения «лутчие люди сибирские руки свои приложили»³⁸⁰, говорит скорее всего именно о карачабеках. Возможно, в Сибирском юрте существовало и собрание высшей знати, так

³⁷⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. – кн.1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – с.196.

³⁷¹ Небольсин П. Покорение Сибири // Отечественные записки, год 10-й, т. 60, 1848. – с. 259.

³⁷² ПДРВ. – ч.Х. – с. 303, 305; ч. XI. – с.103.

³⁷³ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 60.

³⁷⁴ Детальнее см.: Там же – с. 54-60.

³⁷⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. – кн. 1. – с. 196.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ ПСРЛ. – т. 29. – с. 323. Комментарий к этому событию, см.: Frank A. The Siberian... – p. 15.

³⁷⁸ Сибирские летописи. – Спб., 1907. – с. 341.

³⁷⁹ Видимо, от владельца этого городка князя Бегиша идет известный род служилых татар Келмаметевых (Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. Научные труды. – т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. – ч. II. История народов Сибири в XVI XVII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – с. 164).

³⁸⁰ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – ч. 2. – М., 1819. – с. 64.

называемый «диван», ибо в «сибирских летописях» один из карачабеков (не исключено, беклярибек) именуется «думным» хана Кучума.

В целом, не только в Тюменском ханстве, но в Сибирском юрте власть принадлежала Чингисидам поколения Шибанидов – если в первом прямо, то во втором – до прихода к власти в 1563 г. Шибанидов (Кучума или его родственников) – косвенно, через вассальные отношения с Бухарским ханством во главе с теми же самыми Шибанидами. Причем хан Кучум себя явно считал суверенным правителем, во всяком случае, по отношению к царю Московского государства – его грамота царю Ивану IV (1570 г.) начинается со слов «Волной человек Кочюм царь»³⁸¹. Кроме хана, султанов и князей (в т.ч. и карачабеков) с мурзами, в правящую в ханстве группу входили аталыки, есаулы, «служилые люди» (видимо казаки)³⁸². Мусульманское духовенство, также входившее в правящее сословие, состояло из сеида, шейхов, мулл, ходжей («азеев», включая и «бабуазея»), абызов, возможно, муфтиев и мударисов. Более гипотетично присутствие в ханстве ахунов³⁸³. Из государственных чиновников известны послы, в том числе из шейхов, гонцы³⁸⁴.

Несмотря на существование в ханстве отдельных княжеств – юртов, их локализация из-за состояния источников невозможна. Надо полагать, что эти княжества состояли из отдельных улусов или волостей во главе с князьями и мурзами³⁸⁵.

³⁸¹ Там же. – с. 52.

³⁸² Бояршинова З.Я. Население... – с. 113; Абдиров М. Хан Кучум... – с. 44; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – т. II. 1598-1613. – Спб., 1841. – с. 3.

³⁸³ Исхаков Д.М. Сеиды... -с.60-64; Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 129; Акты исторические... т. II. – с. 3.

³⁸⁴ ПДРВ. – ч. X. – с. 303; ч. XI – с.103; ПСРЛ. – т. 29. – с. 233, 251, 275, 323; ПСРЛ. – т. 13. – с. 248, 276, 285, 313, 370.

³⁸⁵ В одном из русских документов за 1598 г. перечисляются такие существовавшие при хане Кучуме татарские волости: Курпицкая (Кирпицкая), Турашская, Любарская, Чойская, Куромская (Курома), Барабинская (Бороба большая), Ялынская, Каурдатцкая и, возможно, «Чатская» (Чаты) и «Колмакская» (Колмаки) (см.: Акты исторические... – т. II. – с. 2-4).

Глава 4. Некоторые аспекты культурной жизни

Тюрко-татарские общества XV – XVI вв. имели определенные локальные различия в культуре, что было связано со спецификой местной этнокультурной традиции, хозяйственными особенностями, влиянием соседей и т.д. Но одновременно существовала и единая доминанта – мощное тюрко-исламское культурное начало, сложившееся ещё в рамках Золотой Орды. Если попытаться кратко охарактеризовать культурную ситуацию рассматриваемого времени, её можно было бы определить так: эти общества, оставаясь по своим базовым чертам тюркскими, основывались на исламских ценностях, ставших инвариантом их культуры. Однако, эта общая формула не должна скрывать от нас факта существования серьезных отличий между этими обществами по уровню их исламизированности. Иначе и не могло быть – одно дело, когда ислам был унаследован, как в Казанском ханстве, как культурная традиция Волжской Булгарии, и совсем другое, когда мы сталкиваемся с периферией мусульманского мира в лице относительно поздно мусульманизованных ногайцев и сибирских татар. Не удивительно поэтому, что некоторые сохранившиеся в источниках описания являвшихся наследниками Золотой Орды и казалось бы, довольно давно исламизированных тюрко-татарских обществ XV–XVI вв., способны вызвать шок у правоверных мусульман. Например, дон Хуан Персидский, в 1599-1600 гг. проезжавший в составе посольства через Астрахань, замечает о ногайцах, что они «в делах религии... в высшей степени невежественны»³⁸⁶. Ему вторит доминиканский монах де Люк, в чьём описании (первая четверть XVII в.) «ногайские татары» предстают как народ, который «не соблюдает правил своей религии: не постится, не собирается на молитву...», а «магометанские богословы не живут между ними»³⁸⁷. Разумеется, тут есть и поверхностность наблюдений. Но указанные оценки явно содержат и определенную долю истины – иначе трудно объяснить, почему даже в исторических преданиях башкир XIX в. о ногайцах сказано, что они «были очень развратны и дурные мусульмане... Слух об их беззакониях и незнании Корана дошел до Бухары и Туркестана, где царствовал святой муж Хузя-Ахмет Ясовей хан... [Тот] послал.. к Ногаям ученика своего Хусейн бека..., [который сделал] Ногаев добрыми мусульманами..., обратил многих язычников»³⁸⁸. Хотя в этом предании есть разные исторические наслоения, общий дух его очевиден – он характеризует ногайцев как «неважных» мусульман, правда, не уточняя, как долго они оставались таковыми. Приведенными данными мы не можем пренебречь и потому, что довольно близкую характеристику кочевникам – казахам начала XVI в. дает и просвещенный мусульманин Фазлаллах б. Рузбихан³⁸⁹. Хотя его можно заподозрить в выполнении «политического заказа» – обвинения казахов в «язычестве», «вероотступничестве» и «безбожии» были выдвинуты улемами хана Мухаммата-Шайбани накануне его поход против них – нельзя не видеть, что он при характеристике кочевников опирался на некоторые жизненные реалии. Наш опыт анализа вопроса об исламизации тюрко-татарских групп Приуралья и Западной Сибири в XV-XVI вв. также позволяет заключить, что не только в XV в., но даже и в XVI в. исламизация их ещё не была завершена³⁹⁰.

³⁸⁶ Из рассказов дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию, от Астрахани до Архангельска, в 1599-1600 г. // Чтения в Императорском МОИД. 1899, кн 1. (188). М. – 1899. – с. 8.

³⁸⁷ Описание перекопских и ногайских Татар, Черкесов, Мингрелов, Грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского Ордена (1625 г.) // Записки Одесского общества истории и древностей. – т. 11. – Одесса, 1879. – с. 485.

³⁸⁸ Игнатъев Р. Памятники доисторических древностей Уфимской губ. // Справочная книжка Уфимской губернии 1883 г. – Уфа, 1883. – с. 334.

³⁸⁹ Исфакани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман – наме-йи... – с. 63, 104-105.

³⁹⁰ Исхаков Д.М. Особенности исламизации восточных групп татар в XV – XVI вв. (Приуралье и Западная Сибирь) // Доклады международной конференции «Исламская культура в Волго-

Применительно к сибирским татарам иногда речь идет даже о XVIII в., что не совсем точно³⁹¹. Но сохранившиеся исторические предания сибирских татар довольно ясно свидетельствуют, что ещё в период правления хана Кучума в Сибирском ханстве продолжалось «обучение Сибирского народа исламу», «шариату» или даже шло проведение «дела обращения [в ислам]... с большей настойчивостью и успехом»³⁹². В целом, само употребление по отношению к таким тюрко-татарским обществам понятий «сохранение реликтового шаманизма», «религиозный синкретизм»³⁹³ или даже «вероотступничество»³⁹⁴, дает основание для заключения о том, что их уровень исламизированности был ещё невысоким. Но при всех отмеченных нюансах ислам являлся в тюрко-татарских государствах XV – XVI вв. государственной религией, а мусульманское духовенство, как уже было показано, имело в них не только разветвленную структуру и собственную иерархию, но и активно участвовало в политической жизни своих обществ.

Вне всякого сомнения, в культурной жизни этих обществ роль ислама была решающей, причем не только на уровне государственных институтов, дворцовых ведомств и феодального слоя, но и на низовом – народном уровне. Однако, это не означает полного исчезновения на народном уровне доисламских верований – они сохранялись даже у казанских татар – речь идет о превращении ислама в некоторый стержень народной культуры, когда традиционные доисламские верования и представления постепенно, но неуклонно превращались у всех групп татар всего лишь в наследие предков, в обрамление в целом мусульманской по своему духу, культуры. Поэтому, когда некоторые исследователи пишут о выраженных элементах язычества у отдельных групп татар в XV – XVI вв., иногда и позже³⁹⁵, надо иметь в виду, что одним из возможных трактовок данного феномена, как уже отмечалось, может быть его рассмотрение как специфики функционирования ислама в тюрко-татарском обществе, т.е. как его национальную особенность³⁹⁶.

Далее перейдем к характеристике тюрко-татарской цивилизации XV-XVI вв. в целом, не затрагивая вопросы развития отдельных направлений культуры в тот период.

Отчасти уже было показано, что изучаемые общества не были субубо аграрными (кочевыми), располагая значительным городским потенциалом. Уровень развития городской цивилизации в этих обществах был достаточно высоким. Если обратиться к Казанскому ханству, то можно привести некоторые наиболее характерные высказывания русского военачальника А. Курбского, участника взятия г. Казани в 1552 г. Он сообщает о «великой башне, что стояла перед городскими воротами», далее указывая на «палаты царские, мечети каменные», следующим образом обрисовав ханский дворец, находившийся внутри крепости («града»): «...был прочно укреплен и стоял между каменных палат и

Уральском регионе» Казань, 8-11 июня 2001. Под. ред. А. Чаксу, Р. Мухамметшина. Предисловие Э. Иксаноглу. – Истанбул, 2004. – с. 223-234.

³⁹¹ См. например: Frank A. J. Varieties of islamization in Inner Asia: the case of Baraba Tatars. 1740-1917 // En Islam Siberian (Cahiers du Monde Russe, 41/2-3, april-september 2000). – pp. 245-262.

³⁹² Детальнее об этой проблеме, см.: Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 53-64. Кроме отмеченной выше статьи А. Франка следует обратить внимание ещё на два исследования: Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. – Вып. IV. – Тобольск, 1905. – с. 3-28; Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.

³⁹³ Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII – XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь в Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. – М., 1985. – с. 177-185.

³⁹⁴ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман – наме-йи... – с. 63, 104-105.

³⁹⁵ См.: Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам...

³⁹⁶ Такой подход, см: Frank A. J. Varieties...; Исхаков Д.М. Особенности...

мечетей и был хорошо окопан» (обточен)³⁹⁷. Окруженный крепостной стеной город – собственно «град», согласно «Казанскому летописцу», был огражден «...в седьм стен, в велицех и толстых древесях дубовых; в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое камень». По летописцу толщина этих стен в разных местах была от 6,4 до почти 15 м. (от 3 до 7 саженой). В городе имелись сложные инженерные сооружения (рвы, мосты, искусственные водоемы и т.д.)³⁹⁸. Имея в виду, что, по некоторым оценкам, в городе к середине XVI в. насчитывалось до 25-30 тыс. жителей³⁹⁹, не удивительны высказывания отдельных русских летописей о «тесноте во граде великом в хоромах»⁴⁰⁰. Плотная застроенность кремлевской части города привела к тому, что ещё в XVI в. в Казани возник довольно обширный, частично укрепленный, посад. Населенность столичного города отмечает и казанский поэт Мухаммедьяр, в поэме которого «Нуры содур» (1541 г.), сказано: «... в Булгарском городе Казани много народу»⁴⁰¹. Значительный по своим размерам город имел и какую-то систему городского управления – в аутентичном источнике – сочинении Ш.Хаджитархани «Зафер – наме-и вилаяте Казан» (1550 г.), есть указание на «городского бека и хакима Булгарской области» князя Бибарса⁴⁰², а в «Казанском летописце» ещё один князь – карача-бек из клана Аргын Чура – батыр, определен как «властель казанский»⁴⁰³. Особая роль Казани как места сосредоточения власти («Болгар вилаятенең пайтәхете булган Казан» – Кул-Шериф) и культурного центра, хорошо осознавалась образованными людьми того времени. Скажем, последний верховный сеид Казанского ханства Кул-Шериф, оставил возвышенный отзыв о столице государства⁴⁰⁴:

Диво! Место увеселения в мире этот город Казань,
В мире нет больше такого города, дающего кров.
В мире нет больше такого цветущего города, как Казань,
В Казани еду-питье найдут всегда, таков он город Вселенной!

Сказанное поэтом нельзя воспринимать только как поэтические образы. Кроме широко известных фактов творения в г. Казани поэта Мухаммедьяра, казанского хана Мухаммета-Амина и др., об интеллектуальной жизни в городе говорят и другие данные. Например, в послании крымского хана Саадат-Гирея московскому великому князю (1526 г.) содержится просьба «об отпуске в Казань к Сафа-Гирею Усеин сеита для взятия там некоторых книг»⁴⁰⁵. Или другой факт: в 1549 г. казанские беки направили к султану Сулейману I посольство с просьбой прислать на казанский трон султана Давлет-Гирея и отправили при этом в качестве подарка оттоманскому султану книгу на персидском языке, которая, как полагают исследователи, являлась трудом Закарии ал-Казвини «Аджайб ал-махлукат ва гараиб ал мауджудат»⁴⁰⁶.

Вокруг Казани находилась значительная урбанизированная зона. Скажем, тот же А. Курбский, рассказывая о территории Арской даруги (княжество Кыпчаков) близ столицы, указывал: «...дворы княжат и вельмож поражали красотой и были воистину достойны удивления..., села... расположены часто...». А заканчивает он свои размышления об этой территории, так: «...и не знаю даже, есть ли под солнцем иное такое место, где бы больше

³⁹⁷ Курбский А.М. История о великом князе Московском. – М., 2001. – с. 48, 55.

³⁹⁸ ПСРЛ. – т. 19. – с. 101.

³⁹⁹ Султанов Р.И. Историческая география Казани. Город и его предместья. – Казань, 2004. – с. 89. ПСРЛ. – т. 13. – с. 18.

⁴⁰⁰ ПСРЛ. – т. 13. – с. 18.

⁴⁰¹ Мөхәммәдьяр. Нуры содур. – Казан, 1997. – с. 175.

⁴⁰² Кол Шәриф. И күңел... – с. 81.

⁴⁰³ Казанская история... – с. 80.

⁴⁰⁴ Шерефи Х. Зафер-наме-и вилаяте Казан (1550) // Эхо веков, 1995, май. – с. 89.

⁴⁰⁵ Малиновский А. Историческое... – л. 196.

⁴⁰⁶ Трепавлов В.В. История... – с. 576.

всего было»⁴⁰⁷. Между тем городская жизнь в ханстве не ограничивалась столичным округом – центры княжеств (даруг) также являлись местными очагами городской культуры, Например, в «Казанском летописце», рассказывающем о взятии русскими войсками г. Арска – центра Арской даруги, после определения его как «острога великого», сохранилась следующая характеристика крепости: «...зделан град твердь, и зъ башнями, и зъ боиницы, и живет людей много в немь»⁴⁰⁸. Центр Ногайской даруги ханства – г. Чаллы, согласно татарским преданиям, был также «многолюден и богат»⁴⁰⁹. Археологические раскопки показали наличие вокруг городища укреплений (валов), а внутри них – следов ремесленного производства⁴¹⁰. Вообще, укрепленных поселений городского и полугородского типа в ханстве было много. Например, когда русские в ходе завоевания Казани в 1552 г. углубились на запад и северо-запад от столицы вглубь марийских земель, они в течение 10 дней взяли «великих и малых острогов 30»⁴¹¹.

В столице Касимовского ханства – г. Касимове (по-татарски – «Хан Кирмән»), в той её части, которая была первоначальным ядром города – Старом Посаде (Иске Йорт), имелась мечеть из белого камня, построенная в 1467 г. (она существует до сих пор), напротив мечети – ханский дворец – «дом и врата каменные», т.е. укрепленная резиденция и усадьба правителей ханства (она была в 1636 г. зарисована А. Олеарием). Размеры её были довольно большими (118x160 м) и кое-что из этих сооружений существует и поныне. В XVII в. сохранялись ещё руины высокой многоярусной сторожевой башни⁴¹². Недалеко на городском кладбище имелись каменные мавзолеи (например, построенный в 1555 г. из белого камня мавзолей хана Шах-Гали). Татарская часть г. Касимова, получившая название Татарской слободы, в 1627 г. имела до 100 дворов татарского населения, в числе которых были не только знатные татары, но и дворы придворных, ремесленников, другого обслуживающего двор персонала. Надо думать, что в более ранний период город был населен большим числом жителей. О других городских центрах в ханстве уже речь шла. Несомненно, они также являлись очагами городской культуры. В столице ханства имелась и своя интеллектуальная жизнь, о чем свидетельствует написание там «Сборника летописей» Кадыр-Али бека (1602 г.).

Относительно городов Крымского ханства сохранились наблюдения иностранцев, отмечавших красоту и размеры городов государства в XVI – XVII вв.⁴¹³ Второй после Бахчи-Сарая город в ханстве – Гозлев (Евпатория), являлся портовым городом и в XVI в. насчитывал до 2 тыс. домов. В г. Карасу-Базаре, где проходили регулярные встречи карачабеков во главе с Ширинами, к началу XVIII в. насчитывалось до 23 мечетей и 20 ханак. Тогда же г. Акмечеть (Симферополь) имел 8 тыс. жителей, а в г. Бахчисарае были: 31 мечеть, 2 синагоги, греческая и армянская церкви. Что касается столицы ханства XVI в. – г. Бахчисарая, он был построен между 1533-1551 гг. при хане Сахиб-Гирее и к середине XVI в. оставался ещё небольшим городом, но имел очень интересный ханский дворец, напоминающий отчасти дворец османских султанов в Топкапе (к сожалению, он был разрушен в начале XVIII в. русскими и тот дворец, который мы сейчас можем увидеть, это сооружение лишь XVIII в.). Крымские татары умели возводить не только укрепленные города, но и сложные инженерные сооружения, например, как перекопские. В этих городах кипела культурная жизнь, сосредоточенная в столице, при дворце ханов. Известно, что составлялись специальные антологии из творчества крымских поэтов, стихи писали сами

⁴⁰⁷ Крубский А.М. История... – с. 53.

⁴⁰⁸ ПСРЛ. – т. 19. – с. 127.

⁴⁰⁹ Древние Чаллы. Борынгы Чаллы. Отв. ряд. Ф.Ш. Хузин, 2000. – с. 20.

⁴¹⁰ См. там же. – с. 39-215.

⁴¹¹ ПСРЛ. – т. 19. – с. 126.

⁴¹² Детальнее см.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. – М., 1962. – с. 43.

⁴¹³ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 28-29.

ханы (Менгли-Гирей, Газы-Гирей), некоторые из жен ханов⁴¹⁴. В определенной мере XVI в. является временем расцвета городской культуры Крымского ханства, что доказывается и возникновением в это время в Крыму исторических сочинений, таких как, «Тарих-и Сахиб Гирей хан» Реммаля ходжи⁴¹⁵.

Хотя г. Астрахань в ханский период был относительно небольшим, но укрепленным городом⁴¹⁶, он имел все атрибуты городской жизни: крепость, мечети (в XVII в. известны 7 мечетей), надгробные сооружения типа мавзолеев («кишени») и т.д. Особо следует отметить, что этот город являлся важным перевалочным пунктом на пути паломников в Мекку. Не случайно в городе и его окрестностях были сосредоточены многочисленные могилы святых (с эпитетами «баба», «хаджи», «ата», «хазрат»). Об уровне интеллектуальной жизни Астрахани XVI в. свидетельствует рукопись «Му аб-и панджигана», хранящаяся в настоящее время в хранилище рукописей дворца Топкапы (г. Стамбул) и принадлежавшая астраханскому хану Касиму (1502-1532 гг.). Эта рукопись есть ни что иное, как третий том знаменитого сочинения Рашид ад-Дина «Собрание летописей»⁴¹⁷. Собственные труды астраханских татар ханского времени не сохранились, хотя некоторые исследователи известное послание Ш. Хаджитархани Сулейману Кануни «Зафер – намә-и виляете Казан» (1550 г.) пытаются приписать астраханцу Маулана Шариф ад-Дину Хусейну Шарифи⁴¹⁸. С этим утверждением можно согласиться только в том случае, если признать тождество Маулана Шариф ад-Дина с последним казанским сеидом Кул-Шерифом, что не исключено. Наконец, роль столицы Астраханского ханства как средоточия мусульманской образованности вытекает и из того, что Фазлаллах б. Рубзихан подчеркивает роль «улемов Хаджи – Тархана» наряду с улемами других стран и городов, в мусульманском просвещении казахов⁴¹⁹.

Городская жизнь в Государстве Шибанидов и сформировавшихся после её распада Ногайской Орде и Тюменском (Сибирском) ханстве также играла существенную роль. Данные о положении дел в этой сфере в так называемом Узбекском ханстве уже рассматривались выше. Если обратиться к Ногайской Орде, то можно сказать⁴²⁰, что ее столица – г. Сарайчук, не только имел постоянное население (из духовенства; людей, связанных с «базаром», т.е. торговцев; управленческого персонала Мангытского юрта; простых горожан, плативших ясак), собственный военный гарнизон, но и отдельного градоначальника – даругу, в чьем ведении находилась вся городская округа, входившая в личный домен князя. По преданиям, городское население столицы Ногайской Орды некогда было переселено из разоренного Тимуром г. Булгара, т.е. обладало давней традицией городского образа жизни. По документам видно, что в городе имелась по меньшей мере одна мечеть, тюрьма, в окрестностях-некрополи периода Золотой Орды и ногайской знати. Известно, что ногайский князь Исмаил в 1564 г. начал в столице возводить не только мечеть, но и дворец для себя. Хотя интеллектуальная жизнь горожан Ногайской Орды остается практически неизвестной, есть основания думать, что многочисленные арабские грамоты ногайской знати, отправленные в Москву и хранящиеся в настоящее время среди архивных дел Посольского приказа, появились не без участия

⁴¹⁴ Крымский А. Литература крымских татар. – Симферополь, 2003.

⁴¹⁵ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 35. Крымский А. Литература... – с. 159; Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение Улуса Джучи... – с. 391-421.

⁴¹⁶ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 192.

⁴¹⁷ Там же. – с. 179.

⁴¹⁸ Там же. – с. 180. Кстати И.В. Зайцев отмечает, что у этого автора сохранилось ещё одно сочинение – «Даддит аль-Аишкин» (Широкий тракт влюбленных, 1543 г.).

⁴¹⁹ Исфакхани Фазлаллах ибн Рубзихан. Михман – наме-йи... – с. 106.

⁴²⁰ Трепавлов В.В. История... – с. 559-582.

образованных чиновников и духовенства, сосредоточенных в Сарайчуке⁴²¹. Некоторые сохранившиеся ногайские родословные, имеющие отношение к Идигею, явно опираются на городскую книжную культуру, а не только на устные предания⁴²². Скорее всего, особенности городского уклада в ногайском обществе были связаны с городами Поволжья, Крыма и Средней Азии (особенно сильное влияние могли оказать соседние среднеазиатские города)⁴²³.

О городской жизни в столице Тюменского ханства – г. Чимги-Тура (Тюмени), сведений очень мало и практически все они были рассмотрены в нашем исследовании ранее. Тут заметим только, что существование в этом городе уже в первой трети XV в. «хакимов», затем «даругов», возможная чеканка там монет при хане Сайид-Ибрагиме, наряду с информацией о «тюменских гостях», предполагает вполне развитую городскую жизнь в Тюменском ханстве. Однако, археологическая неизученность городища Чимги-Тура (Тюмени) не позволяет судить конкретнее об уровне развитости городской культуры в этом ханстве. О второй столице Сибирского ханства – г. Искере, тоже известно не так много. Кроме уже приведенных данных отметим, что этот город был небольшим и в нем жили в основном знать, дружина хана, торговцы и ремесленники. В городе находилась ханская казна. Основные строения, по-видимому, были из дерева: в окна домов вставлялась слюда, отопление было печное (или чувалами)⁴²⁴. Существование в городе мечети восстанавливается лишь по косвенным данным (нахождение в столице мусульманского духовенства, включая и сеида⁴²⁵, предполагает её наличие), мы ничего не знаем о ее внешнем облике, материале постройки. Сохранились предания о существовании у хана Кучума библиотеки⁴²⁶. Имея в виду, что в 1556 г. от Сибирского князя в Москву прислали «грамоту шертную»⁴²⁷, а от хана Кучума сохранились в русском переводе грамоты Ивану IV 1570, 1571 годов и воеводам г. Тары за 1597г.⁴²⁸, можно утверждать, что во дворе правителей Сибирского ханства грамотных людей было достаточно. На самом деле в Сибирском ханстве кроме Искера и Чимги-Туры (он скорее всего, продолжал существовать) известны еще около 20 татарских городков различной величины (Кызыл-Тура, Тон-Тура, Явлу-Тура, Бацик-Тура, Карачин городок, Бегишева Княжев городок, Ачитский городок, Тархан кала, Сузгун городок, Чувашский град, Абалак град, Куларово городок, Ташатканский городок, городок есаула Алышай, городок Атик мурзы, городок Табаринца Бия, Тебендя-нижний городок князя Елыгая, Абугиновы городок)⁴²⁹. В них развивалась городская культура, характерная для малых феодальных укреплений.

Другим важным цивилизационным аспектом культуры тюрко-татарских обществ XV-XVI вв. было сохранение и развитие ими традиций государственного существования. Хотя многие стороны политического бытия этих обществ уже были рассмотрены, некоторые

⁴²¹ Там же. – с. 576. Язык этих грамот В.В. Трепавлов маркировал как «чагатайский тюрки». Однако, Б.-А.Б. Кочекаев полагает, что они написаны «на татарском языке» и в архивах хранятся «под этим названием» (Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские... – с. 22). До исследования этих грамот лингвистами считаем преждевременным определять их языковую принадлежность, хотя заметим, что в некоторых случаях отделение «поволжского» и «чагатайского» тюрки может оказаться делом весьма трудным.

⁴²² См., например, Эхмэтжанов М. Татар шәжәрәләре (Беренче китап). – Казан, 1995. – с. 49-54.

⁴²³ Трепавлов В.В. История... – с. 565.

⁴²⁴ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 152.

⁴²⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 53-64.

⁴²⁶ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 170.

⁴²⁷ ПСРЛ. – т. 13. – с. 248; т. 29. – с. 258.

⁴²⁸ Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 52, 63, 131.

⁴²⁹ См.: Ремезовская летопись // Сибирские летописи...; Бояршинова З.Я. Население... – с. 115; Файзрахманов Г.Л. История... – с. 151.

существенные моменты такого раздела, как государственная культура, ещё не были затронуты. Имеются в виду государственные символы и культура дипломатики, а также церемониала. Понятно, что информации по указанным темам мало, к тому же по разным тюрко-татарским государствам она представлена неравномерно. Тем не менее, даже из разрозненных данных можно сделать определенные выводы относительно некоторых особенностей средневековой тюрко-татарской цивилизации интересующего нас хронологического отрезка.

В русских дипломатических материалах сохранилось известие о том, что во время приема английского посольства Ер. Бауса (1583-1584 гг.) московский царь Иван IV сидел, «имея возле себя три короны: Московскую, Казанскую и Астраханскую»⁴³⁰. И.В. Зайцев относительно последней короны предположил, что она «была военным трофеем времен астраханского взятия или же произведением русских ювелиров, созданных в связи с присоединением города»⁴³¹. Думается, что более правильной является первое утверждение. Дело в том, что в «Казанском летописце» о «Казанской короне» сохранилась любопытная информация, связанная с моментом раздела в Казани ханских сокровищ после взятия города. Приведем её полностью: «...[Иван IV] ...повеле взяти в свою царскую ризницу... избранного оружия... и царских утварей... Сокровища же царская, иже в Казани взято быша *венець царский* (выделено нами – Д.И.), и жезль, и знамя Казанских царей и прочая царская орудия, в руце благочестивому царю Богом предана быша»⁴³². Как видно из этой летописи, в руки русских попала не только ханская корона (*венець царский*), но и другие государственные символы (жезль, знамя и ещё какие-то атрибуты ханской власти – «прочая царская орудия»). Так как известна и «Сибирская корона»⁴³³, напрашивается вывод о существовании в позднезолотоордынских татарских государствах определенной государственной символики. Крымские материалы это подтверждают. Согласно В.Д. Смирнову, среди крымских архивных дел находился документ – «Родословная царствовавших Кипчакские степи в Крымском государстве Алджингыз – хановых потомков Гирей ханов и султанов и их поколений», кроме прочего, в комментариях содержащий описание атрибутов власти, приписываемых Чингиз-хану, но, в данном случае, скорее характерных для самих Гиреев: Чингиз-хан был «в могульской ханской короне, имеющей верх зеленый, обитой белою с золотом и жемчугом шалью, с пером наперед из перьев колпицы и дорогих камней с жемчужными подвесками»; далее говорится о «троне, покрытом разноцветным восточным дорогим ковром, с лежащими перед тронем в левой стороне на земле знаменами, литаврами, барабанами, бубнами, луками и стрелами, шишаками и панцырями»; наконец, «на троне на синих подушках лежат: на правой стороне закон..., а по левой... – тарак (т.е. тамга Гиреев – Д.И.), принятый в символическую тамгу или герб»⁴³⁴. Некоторые из этих предметов были связаны с оттоманским протекторатом: согласно «Тарихи Мухаммет-Гирею», крымскому хану Менгли-Гирею при утверждении его ханом оттоманским султаном были вручены «знамя, барабан и литавры»⁴³⁵. Очевидно, они являлись символами власти. Что касается упоминаемого в «Родословной» трона, скорее всего, троны имелись и в других татарских ханствах. На существовании его в Касимовском ханстве намекает автор «Сборника летописей» Кадыр-Али бек, когда он, рассказывая о «поднятии» четырьмя карача-беками на «золотой кошме» Ураз-Мухаммета, приводит

⁴³⁰ Чтения ОИДР, 1884. октябрь – ноябрь, кн. IV. – М., 1885. – с. 98.

⁴³¹ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 182.

⁴³² ПСРЛ. – т. 19. – с. 467.

⁴³³ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 145.

⁴³⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство... – с. 329-331.

⁴³⁵ Там же. – с. 297.

изображение «престола» (тәхет) в виде четырехугольника⁴³⁶. А в «Казанском летописце» упоминается, что в момент взятия Казани русскими, хан Едигер-Мухаммет сидел «на земле, на ковре», а не на обычном «царском месте златом»⁴³⁷ – похоже, что в последнем случае также имеется в виду трон или тронное место.

Ещё одним символом власти в татарских государствах были печати. Скажем, при посажении хана Шах-Гали на казанский престол в 1551 г., были составлены «шертные грамоты», которые хан «попечатал своими печатями»⁴³⁸. По-видимому, речь идет о государственных печатях – изображение одной из них сохранилось на ярлыке 1523 г. казанского хана Сахиб-Гирея – (оно алого цвета)⁴³⁹, а другого – синего цвета – на ярлыке казанского хана Ибрагима 1479 г.⁴⁴⁰ Обе они квадратной формы. Ещё одно упоминание печати в этом ханстве будет приведено ниже. В некоторых русских летописях под 1558 г. упоминается «шертная грамота» Сибирского князя Ядигера Тайбугида, «со княжею печатью»⁴⁴¹. В другой «шертной грамоте» – на этот раз хана Кучума (1571 г.), приводится следующая запись: «...а на утверждение..., язъ Кучюмъ ц'ръ печать свою приложил...»⁴⁴². Исследование М.А.Усманова позволяет утверждать, что аналогичные печати двух форм – перстневые (миндалевидные) и квадратные, имелись и в Крымском ханстве, причем на ханских печатях – с гербом Гиреев⁴⁴³. Такая же квадратная тамга (печать) имелась и у хана Большой Орды Махмута, жившего в г. Астрахани (1466)⁴⁴⁴. В Астраханском ханстве печати тоже известны: когда астраханский хан Абд ар-Рахман в 1540 г. отправил в Москву своего «большого посла» для переговоров о «дружбе и братстве», Иван IV «цареву бакшею велел грамоту дружественную написать», затем после того, как послы хана «на той грамоте... правду великому князю дали», хан должен был «на той грамоте правду дати и печати свои (выделено нами – Д.И.) ...прикласти»⁴⁴⁵. Эти печати, являющиеся наследием джучидской традиции, по своему содержанию (титулатура, имя владельца, герб) являлись элементом государственной власти, применяясь в целях официально-государственного удостоверения текстов⁴⁴⁶.

Многие стороны дипломатики в Казанском ханстве прослеживаются на основе материалов его взаимоотношений с Московским государством. Например, известны переговоры 1497 г. о «наречении» на казанский престол султана Абул-Латыфа, в 1507 г. – переговоры «о миру, о братстве и о дружбе»⁴⁴⁷. Более развернутая картина переговорного процесса известна в 1516 г., когда из Казани в Москву прибыл посол Шаусейн (Шах-Хусейн) сеид с просьбой «учинить царем» на место больного хана Мухаммета-Амина его брата Абул-Латыфа. Посол имел полномочия на то, чтобы говорить от имени хана Мухаммет-Амина и «всей земли Казанской» относительно того, чтобы дать московскому великому князю «правду, какову князь великий захочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакого не взяти». Он из Казани привез проект договора,

⁴³⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... – ч. 2. – с. 403. Правда, не исключено, что «престолом» тут названа сама кошма, но даже при этом присутствие термина «тәхет» (трон) весьма показательно.

⁴³⁷ ПСРЛ. – т. 19. – с. 163.

⁴³⁸ ПСРЛ. – т. 13. – с. 169.

⁴³⁹ Вахидов С.Г. Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана // Известия ОАИЭ, т. 33, вып. 1, 1925. – с. 63.

⁴⁴⁰ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. – Казань, 1979. – с. 34.

⁴⁴¹ ПСРЛ. – т. 13. – с.258; т. 29. – с. 258.

⁴⁴² Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 64.

⁴⁴³ Усманов М.А. Жалованные... – с. 140-166.

⁴⁴⁴ Там же. – с. 144, 147.

⁴⁴⁵ Цитируется по: Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 131.

⁴⁴⁶ Усманов М.А. Жалованные... – с. 152-182.

⁴⁴⁷ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 24-25.

подписанный вначале ханом Мухаммет-Амином перед московским посланником И.А. Челядиновым, а затем тот вместе с казанским послом Шаусеин сеидом выехал в Москву. Очевидно, сеид должен был получить под договором подпись великого князя Василия Ивановича. Будучи в Москве, казанский посол «написал своей рукою, на чем царю да и всей земле Казанской дати шерть». После этого Шаусеин сеид вместе с русскими послами выехал в Казань, где хан Мухаммет-Амин и «вся земля Казанская», согласно достигнутой ранее договоренности, «учинили правду». Затем русские послы поехали обратно в Москву, взяв с собой и Шаусеин сеида, который должен был говорить от имени Мухаммет-Амина «с великим молением», чтобы Василий Иванович «пожаловал» брата хана Абдул-Латыфа⁴⁴⁸. В 1546 г. из Казани в Москву вернулись русские послы, вместе с которыми находился и казанский посол Гаммет ших (шейх), имевший на руках грамоту, написанную от имени трех знатных казанцев – Буюргана (Абеюргана) сеида, князя Кадыша и Чюры Нарыкова (последний также был князем и принадлежал к клану Аргынов). В грамоте говорилось: «...сеить и уланы и князи и мырзы и шихы и шихзады и долышманы и казаки и вся земля Казаньскаа биют челом..., чтобы их государь пожаловал ... дал им на Казань царя Шигалея, а послал бы в Казань своего сына боярского привести сеита и уланов и князей и всю землю Казаньскую к правде». Сеидом, от имени которого писалось письмо и которого совместно с остальной знатью ханства должны были привести к «правде», был Буюрган. В летописи сообщается: «... князь великий послал къ сеиту къ Беюргану и к Кадышу и къ Чюре ... Остафия Андреева с своим жалованным словом и к правде их привести». Перед русским послом «сеит и уланы и князи и мырзы и вся земля Казаньская» великому князю московскому «правду учинила» в том, что «им от великого князя и от Шигалея-царя неотступными быти и до своих животов». 15 марта 1546 г. вместе с русским послом, принявшем присягу о верности у казанцев, в Москву прибыли и казанские послы князь Уразлыи с хафизом (афызом) Андрычеем. Послам было предписано «бити челом» от имени «сеита и уланов и князей и всей земли Казаньской», чтобы «государь отпустил к ним Шигалея-царя не модчаа»⁴⁴⁹.

Показательно, что в решении вопроса о казанском хане, который очень часто приобретал внешнеполитический характер, постоянно участвовали сеиды⁴⁵⁰. Значимой была и роль сеидов в процедуре «шертования» (присяги). Самой важной разновидностью шертования являлась присяга на верность претенденту на трон, присылаемому из Москвы. Так, при посажении Шах-Галия на казанский престол в 1519 г., вся знать и «все земские люди» были приведены к «шерти». Перечень присягнувшей знати начинается с «сеита». В 1546 г., до того, как из Москвы в Казань был отпущен хан Шах-Гали, перед русскими послами «сеит и уланы и князи и мырзы и вся земля Казанская» дали «правду» в том, что им «от великого князя и от Шигалея-царя неотступным быти и до животов своих». Лишь после этого хан была отправлен в Казань, но, по-видимому, процедура «шерти» в данном случае не успела состояться (из-за кратковременности пребывания хана в Казани). При посажении хана Шах-Галия в очередной раз на казанский престол в августе 1551 г., «шерть» была проведена по всей форме. Вначале дала «шерть» казанская знать (перечень ее начинается с муллы Кул-Шерифа и сеида (Кул) Мухаммета), а «царь (т.е. хан Шах-Гали — Д.И.) ...шертные грамоты попечатал своими печатями, а Казаньския люди лутчие многие руки свои поприклали». Лишь после этого «все люди Казанские, по сту человек, и по двесте и по триста... к правде ходили три дни, а правду дали на том, на чем и болшие людие их правду дали».

Другим видом «шерти» были договора о взаимоотношениях Казанского ханства с Московским государством. Они были двух типов: а) договор о «мире, о братстве и дружбе»; б) договор о «невзятии» на казанский престол «царя и царевича» без «ведома» великого

⁴⁴⁸ ПСРЛ. – т. 13. – с. 15, 25.

⁴⁴⁹ Там же. – с. 148.

⁴⁵⁰ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 36.

князя московского. В подготовке этих документов также участвовали сеиды. Как уже говорилось, в 1507 г. Бураш сеид приехал в Москву от имени хана Мухаммет-Амина «бити челом о миру, о братстве и о дружбе, как было ... с великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси». Переговоры по этому вопросу уже велись раньше, поэтому приезд Бураш сеида в качестве ханского посла надо рассматривать как некоторый кульминационный момент переговорного процесса. Действительно, в итоге усилий Бураш сеида, Василий Иванович 8 сентября 1508 г. «с царем Магмед-Амином взял мир, братство и дружбу», отпустив в Казань сеида в сопровождении своего посла. Так как последний вернулся в Москву в январе 1509 г., «да и грамоты шертные от царя Магмед-Аминя привезл..., да царь перед ним по той грамоте и шерт дал о дружбе и о братстве, как было... с Иваном Васильевичем», получается, что Бураш сеид ездил в Москву для подготовки проекта соглашения. О практике предварительного согласования проекта договора ясно говорят события 1512 года. Зимой того года в Москву приехал посол хана Мухаммет-Амина Шаусеин сеид с предложением, как уже отмечалось, «о крепком миру и о дружбе». В итоге его переговоров с боярами великого князя по вопросу о том, «на чем быти царю Магмед-Аминю с великим князем, в крепком миру и в докончании», сеид написал «шертную грамоту» и перед боярами «шерт дал на том, что царю Магмед-Аминю в Казани перед великого князя послом шерт дати, что по той грамоте царю правити великому князю и до своего живота». Как видим, речь идет о проекте договора. После согласования текста договора в Москве, казанский посол вместе с русским послом выехал в Казань, где хан Мухаммет-Амин «перед великого князя послы на той грамоте шерт дал, и мяшень (печать – Д.И.) к ней приложил».

Второй тип договора был подписан в 1516 г., когда хан Мухаммет-Амин был серьезно болен. Казанские послы во главе с Шаусеин сеидом, прибывшие в Москву, сообщив о болезни хана, просили «учинить» ханом Абдул-Латыфа, пообещав, что «Магмед-Эмин царь, да и вся земля Казанская дадут великому князю правду, какову великий князь похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти». И Шаусеин сеид, как ханский посол, «записи на том... написал своею рукою, на чем царю да и всей земли Казаньской дати шерт». Это был проект соглашения, так как с «теми записями» московский великий князь вместе с сеидом в Казань отправил своих послов, перед которыми «Магмед-Аминь царь и вся земля Казанская к великому князю на тех записях правду учинили»⁴⁵¹. Практика составления предварительных договоров отмечается и применительно к другим синхронным татарским государствам – это видно из описания процедуры «шертования» Москве Сибирского князя Едигера Тайбугида между 1555-1558 гг.⁴⁵² и хана Кучума в 1571 г.⁴⁵³, из хода подготовки астраханско-литовского соглашения 1540 г. (см. выше), а также из информации о московско-крымских соглашениях 1508, 1515–1518 годов⁴⁵⁴, причем в последнем случае Иван III крымскому хану к проекту соглашения «*нишаны* бы еси свои и *алые тамги* (курсив наш – Д.И.) к той грамоте велел прикласти...». Одновременно крымский хан должен был на этом договоре «учинить правду... почен сам собою в головах и с своим братом с Ахматом царевичем и с своими детми Багатырем царевичем, с Алпом царевичем и с иною своею братьею и с своими детми и с сеиты и уланы и со князи». Как вытекает из процедуры подготовки соглашения 1508 г., «рота и правда» при этом «учинялась» на Коране. Из приведенного выше описания «шертования» казанских людей в 1551 г. видно, что сеиды, идущие в числе учатников процедуры первыми, как бы благосляли ее. Не исключено, что в Казанском ханстве клятва на верность также произносилась на Коране, но прямых указаний на этот счет в источниках не сохранилось. Длительность процесса заключения договора («шerti») 1557 г. между Ногайской Ордой и

⁴⁵¹ Там же. – с. 36-38.

⁴⁵² ПСРЛ. – т. 29. – с. 233, 251, 258; т. 13. – с. 248, 276, 286.

⁴⁵³ Собранные государственных грамот... – ч. 2. – с. 63-65; Акты исторические... т. 1. – с. 340.

⁴⁵⁴ Сборник РИО. – т. 95. – с. 194, 317, 532; Малиновский А. Историческое... – л. 132 об.

Московским государством⁴⁵⁵, также предполагает подготовку предварительного текста соглашения.

Конечно, дипломатическая переписка и соглашения тюрко-татарских государств не сводились только к отношениям с Московским государством. Скажем, в устных преданиях сибирских татар сохранились интересные сведения об особенностях инвеституры верховного сеида в Сибирском ханстве, когда глава мусульманского духовенства подбиралась при хане Кучуме в Бухаре⁴⁵⁶. В послании казанского хана Сахиб-Гирея королю Польско-Литовского государства Сигизмунду I, относящемуся к периоду от 1538 по 1545 гг. (точная дата не сохранилась) и имеющему внешнеполитический характер, отражены не только конкретные аспекты сотрудничества двух государств, но и знание казанской стороной тонкостей дипломатии (обозначение титулов Сигизмунда I, определение старшинства короля перед ханом и т.д.)⁴⁵⁷. Постоянные дипломатические контакты ханов Большой Орды и, особенно, Крымского ханства с Османским государством, хорошо известны⁴⁵⁸. Прямые контакты с Османской империей имело и Астраханское ханство⁴⁵⁹. В 1549-1551 гг. аналогичные связи с Османцами отмечены и у Ногайской Орды⁴⁶⁰.

Приведенные данные (на самом деле тут рассмотрена лишь небольшая часть имеющихся источников) неоспоримо свидетельствуют о том, что в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах существовала развитая дипломатическая культура. Высказывания последнего верховного сеида Казанского ханства Кул-Шарифа (Хаджитархани), на деле знавшего практику дипломатии, подтверждают этот вывод. Он следующим образом говорит о дипломатии своего времени: «В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны, спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани прикидывались друзьями, обменивались послами и государственными людьми». И тут же он приводит одну актуальную для Казани пословицу середины XVI в.: «Не будь рядом с плохим». Далее свои размышления он заканчивает таким стихом:

Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов:
Быть верным с друзьями и притворно равнодушными с врагами⁴⁶¹.

Несколько слов надо сказать и о придворном церемониале, тесно связанном с этикетом. Церемония провозглашения ханом султана Ураз-Мухаммета в г. Касимове (1600 г.) уже была приведена. Как отмечалось, элементом её было чтение «хотбы». По-видимому, эта была общепринятая практика – в частности, в Ногайской Орде в честь новоизбранного бия также устраивался торжественный молебен⁴⁶². Уже приведенная информация о присутствии среди предводителей племен, провозгласивших в 1429 г. Абулхаира ханом, кроме султанов и огланов сеидов Кул-Мухаммета и Кара Саида, также позволяет предположить сходный молебен в честь хана. Клятва на Коране при подписании договоров («шерть») тоже была характерна для тюрко-татарских обществ XV-XVI вв. Кроме Крымского ханства близкая церемония отмечена в Ногайской Орде, когда по случаю шертвания ногайские мирзы со свитой «в шатре пели намаз»⁴⁶³. В особом отношении к сеидам в татарских государствах, отмеченным в источниках, также надо видеть проявление этикета и церемониала того времени. В частности, С. Герберштейн при описании церемонии встречи в 1524 г. казанской знатью недалеко от г. Казани султана Сафа-Гирея,

⁴⁵⁵ Трепавлов В.В. История.. – с. 611-614.

⁴⁵⁶ Подробнее см.: Исхаков Д.М. Сеиды.. – с. 53-61.

⁴⁵⁷ Мустафина Д. Послание царя Казанского // Эхо веков, 1997, № 1/2 – с. 26-38.

⁴⁵⁸ См., например: Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 76 и др.

⁴⁵⁹ Там же. – с. 115-117.

⁴⁶⁰ Трепавлов В.В. История.. – с. 246-247.

⁴⁶¹ Шерифи Х. Зафер наме-и... – с. 87.

⁴⁶² Трепавлов В.В. История.. – с. 566.

⁴⁶³ Там же.

приглашенного на казанский трон, указывает, что встреча была обставлена «с пышностью и почетом, ибо в этой свите (казанских князей – Д.И.) был и сеид, верховный жрец татар». Далее этот автор сообщает, что сеид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади и, склонив голову, прикасаются (к его руке): это позволено только царям, герцоги же касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ – только его платья или лошадей»⁴⁶⁴. То, что тут мы имеем дело не с выдумкой европейца, а с передачей реальной информации, показывает описание встречи ханом Кучумом прибывшего в Искерский юрт из Бхуары по его приглашению группы во главе с Ярым сеидом⁴⁶⁵, в котором речь идет о том, что после сообщения послом хану Кучуму о прибытии духовенства, тот со своими нукерами переправился через р. Иртыш, чтобы приветствовать прибывших. Особое отношение к сеидам в позднесолотоордынских татарских государствах видно и в их титулах, в тех или иных формах отмеченных в ряде ханств: «нэкийбел эшраф» или «судат гызам», «садати гозам» («руководитель великих», «величество учителей великих»), переданных русскими и европейцами через понятия «великий бискуп», «великий анарый, або амир», «верховный жрец», «первосвященник»⁴⁶⁶.

При дворах правителей тюрко-татарских государств имелся и свой порядок знати расположения на приемах. Так, русский посол В. Шадрин, бывший на приеме у крымского хана в 1518 г., отмечает: «...тут у него (хана – Д.И.) сидел Агыш князь, Азика князь, Мансыр сеит, Апак, а на другой стороне (выделено нами – Д.И.) сидели Халиль князь, Мамыш улан, да Мамыш Чечеут, да Абу-ла улан, да Японча князь, да Мемеш мурза»⁴⁶⁷. Если иметь в виду, что в перечне знати имеются карача-беки (Агыш – из Ширинов, Азика – из Мангытов, Мамыш – из Салджигутов, Халиль, видимо, из Кыпчаков), их нахождение по разные стороны от хана надо расценивать как элемент традиционного дворцового церемониала. Некоторые элементы церемонии приема послов в Ногайской Орде сохранились в ногайских делах. В частности, русские послы жаловались, что у них «пошлинники трех орд и придверники, пошлин просили»⁴⁶⁸. Иногда послами это воспринималось как «воля», которую ногайский князь дал «крачеям... в пошлинах грабить»⁴⁶⁹. Но на самом деле тут мы имеем дело со старинной традицией, по которой «12 князем в Орде (Ногайской – Д.И.) всегда со всякого посла» было положено «имывати по шубе да по однорядке»⁴⁷⁰. В.В. Трепавлов отмечает, что в Посольском приказе в Москве послам специально указывали на необходимость не поддаваться на «бесчестные» для них обычаи в числе которых была и плата «посошной пошлины»: перед входом в шатер бия стражники иногда бросали «батог» (посох) и чтобы через него переступить, следовало заплатить⁴⁷¹. На самом деле приведенные выше примеры как раз связаны с этим обычаем, являвшемся в действительности частью церемонии приема посла в Ногайской Орде. По всей видимости, аналогичные обычаи бытовали и в других синхронных татарских государствах. Во всяком случае, в московско-крымских соглашениях 1513, 1525, 1531 гг. есть фраза о том, что во время приезда московского посла в Крым он прямо идет к хану, «а дарагам и пошлинникам даражским и иным пошлинники ни как не быти, ни сил, ни

⁴⁶⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – с. 176.

⁴⁶⁵ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 55. Речь в тексте сообщения идет о подлинных событиях, записанных со слов участников этого посольства ещё в XVI в.

⁴⁶⁶ Детальнее см. там же.

⁴⁶⁷ Сборник РИО. – т. 95. – с. 500.

⁴⁶⁸ ПДРВ. – ч. VII. – с. 238.

⁴⁶⁹ Там же. – с. 239.

⁴⁷⁰ ПДРВ. – ч. VIII. – с. 264-265.

⁴⁷¹ Трепавлов В.В. История.. – с. 605.

наступанию, ни грабежу и нечести»⁴⁷². Эта старая формула из крымских актов известна еще с 1474 г.: «...посол идет прямо ко мне (хану – Д.И.), а пошлинникам и даражским и иным пошлинники ни которым не быти»⁴⁷³. Можно высказать предположение, что в данном случае мы также имеем дело с трансформировавшимися элементами придворного церемониала приема послов, в т.ч. и представителей вассальных территорий, сохранившихся еще с периода Золотой Орды. Конечно, они в рассматриваемое время являлись уже частью государственной культуры тюрко-татарских обществ XV-XVI вв. Придворный церемониал в Государстве Шибанидов во время правления Шайбани-хана описан в «Михман – наме-йи Бухара» (1509 г.). Рассказывая об «августейшем собрании» в местности Кан-и Гил недалеко от г. Самарканда, Фазлаллах б. Рузбихан сообщает, что при расположении в айване канигильского дворца «правая сторона украсилась сидением улемов, а на левой стороне расположились... султаны... Великие эмиры и почитаемые благородные мирзы в августейшем кругу удостоились занять места *согласно своим степеням и чинам*. (курсив наш – Д.И.)⁴⁷⁴.

Последний сюжет, который должен быть тут рассмотрен, связан с историческими сочинениями, летописанием в позднезолотоордынских государствах. Летописи и исторические труды создавались далеко не во всех государствах, возможно, в ряде случаев они просто не сохранились. К тому же по отдельным тюрко-татарским этнополитическим объединениям XV-XVI вв. они представлены неравномерно – относительно большое число исторических сочинений, написанных в первой половине XVI в. и дошедших до наших дней, происходит из Государства Шибанидов, точнее – из образовавшегося после его распада Бухарского ханства. По одному историческому труду сохранилось из Крымского, Касимовского и Казанского ханств. Из других синхронных позднезолотоордынских государств такие работы не известны.

К созданным в первой половине XVI в. в Бухарском ханстве историческим сочинениям относятся: «Таварих-и гузиде нусрат-наме» (Избранная история, книга побед. 1502-1505 гг. Автор неизвестен); «Фатх-наме» (Книга побед. Начало XVI в. Автор – мулла Шаади); «Шейбани-наме» (Книга о Шейбани. После 1505 г. Автор – Камал ад-Дин Бинаи); «Футухат-и хани» (Ханские завоевания. После 1501 г. Автор – Камал ад-Дин Бинаи. Является ранней версией «Шейбани-наме»); «Шейбани-наме». (До 1534 г. Автор – Мухаммед-Салих); «Михман наме-йи Бухара» (Книга бухарского гостя. 1509 г. Автор – Фазлаллах б. Рузбихан ал-Исфакхани); «Зубдат ал-Асар» (Сливки летописей. После 1525 г. Автор – Абдаллах б. Мухаммед); «Тарих-и Абу-л – Хайр-хани» (История хана Абул-Хаира. 1540-е гг. Автор – Масуд б. Усман Кухистани). Во всех этих трудах на широком историческом фоне описывается история Шибанидов, особенно ханов Абулхаира и Мухаммета-Шайбани⁴⁷⁵. В данном случае достаточно важным представляется то, что в ряде этих трудов отмечается существование официальной хроники Шибанидов. Скажем, автор «Фатх-наме» указывает, что он из рук Шайбани-хана получил такую хронику – она называлась «Фатх-наме»; в «Шейбани-наме» отмечено, что его автор – Камал ад-Дин Бинаи, в 1501 г. был назначен хронистом хана; в «Михман-наме-йи Бухара» упоминается официальная хроника Шибанидов под заголовком «Тарих-и хумайун»; в «Тарих-и Абул – Хайр-хани» есть указание на использование его автором династийной хроники Шибанидов⁴⁷⁶. Даже если иметь в виду, что в данном случае под разными названиями фигурирует одна и та же хроника, приведенные сведения неоспоримо свидетельствуют о

⁴⁷² Записки Одесского общества истории и древностей. – т. 5. – Одесса, 1863. – с. 406, 417, 419.

⁴⁷³ Собрание государственных грамот и договоров. – ч. V. – М., 1828. – с. 1.

⁴⁷⁴ Исфакхани Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман – наме-йи... – с. 153.

⁴⁷⁵ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI-XVIII вв. (письменные памятники). – Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР., 1985. – с. 12-39.

⁴⁷⁶ Там же. – с. 15, 19, 28, 37.

том, что летописание могло существовать ещё в Государстве кочевых узбеков, т.е. в «татарский» период истории Шибанидов, до переселения их из Дашт-и Кыпчака в Среднюю Азию. Но информация об этом этапе истории Шибанидов из перечисленных исторических трудов пока не вычленена, поэтому она не может быть рассмотрена в интересующем нас ракурсе, как часть культурной жизни тюрко-татарских обществ XV-XVI вв.

В Казанском ханстве ведение официального летописания не зафиксировано. Однако, сохранились небольшие по объему тексты, носящие династийно-хроникальный характер⁴⁷⁷, иногда с довольно интересными деталями (о переселении клана Конгат из Приуралья в Среднюю Азию, о роли переселенцев из Булгарского вилайята в основании г. Чимги-Тура и др.). Не исключено, что в этих отрывках надо видеть какие-то куски не дошедшей до нас официальной хроники ханства, что, впрочем, нуждается в дальнейшем изучении. Однако, в отмеченных «татарских летописях» имеется одна заслуживающая внимания деталь: в ряде случаев в них достаточно четко прослеживается стремление показать преемственность власти в Булгарском вилайяте и Казанском ханстве. На наш взгляд, эта тенденция свидетельствует как раз о целенаправленной деятельности интеллектуалов из казанских татар, но не вполне ясно, какого времени. Что касается собственно исторического труда периода ханства, под ним имеется в виду уже неоднократно цитировавшееся сочинение Шарифа (Кул-Шарифа) Хаджитархани «Зафер наме-и вилайет-и Казан» (1550 г.), посвященное победе казанцев над русскими войсками в 1549 г. Этот небольшой по объему труд, по мнению ряда ученых, написанный последним казанским сеидом Кул-Шерифом и отправленный султану Сулейману Кануни, сохранился в одном из сборников рукописей в Турции⁴⁷⁸. Кроме целого ряда интересных сведений о Казани, её укреплениях, военном деле казанцев, знати Казанского ханства, некоторых особенностях мусульманских обрядов и т.д., в этом сочинении отчетливо видно проявление местной идентичности тюркского населения государства, бывшее «мусульманским»: в тексте есть прямые противопоставления мусульман «неверным», под которыми имеются в виду русские⁴⁷⁹. Автор сочинения делает даже обращение к самому себе относительно того, что при «газавате» нельзя покидать город Казань, иначе неизвестно, в чьих руках он окажется⁴⁸⁰. Приводя аяты из Корана, стихи и пословицы, Ш. Хаджитархани обосновывает вывод о том, что поражение неверных в 1549 г. было им знаком со стороны Аллаха⁴⁸¹. Показательно, что осознание казанцами себя не столько татарами, а сколько мусульманами, сохранилось и в поэме Мухаммедьяра «Төхфәи мәрдән» (1539-1540)⁴⁸². Следует отметить и рассуждения Кул-Шарифа относительно намаза ясту в ханстве «...как отмечено в математических книгах, этот Булгарский вилайет, из-за чересчур близости к Северному полюсу..., не имеет времени одного намаза из пяти, то есть намаза ясту... [так как] чуть раньше перед её [зари]

⁴⁷⁷ Так называемые «татарские летописи» ещё не подвергались комплексному изучению как исторический источник. Имеется лишь одно исследование 1930 г., где предпринята такая попытка, но оно не опубликовано. (См.: Рахим А. Новые списки татарских летописей. 1930 г. // Научный архив ИЯЛИ АН РТ, ф. 18, оп. 1, ед. хр. 6). Кроме того, отдельные стороны проблемы летописания у татар были рассмотрены в работах последних десятилетий (Усманов М.А. Татарские исторические... – с. 116-122; Әхмәтжанов М.И. Татар кулъязма китабы. – Казан, 2000. – с. 128-141).

⁴⁷⁸ См.: Узейтгин А. Мелик. Введение к публикации текста документа // Эхо веков, 1995, май. – с. 83-84.

⁴⁷⁹ Хаджитархани Ш. Зафернамеи вилайете Казан // И күңел... – с. 77 и др.

⁴⁸⁰ Там же. – с. 80.

⁴⁸¹ Там же. – с. 84-85.

⁴⁸² Исхаков Д.М. От средневековых... – с. 107-108.

исчезновением в это указанное время настает время утреннего намаза... По этой причине для этого народа намаз ясту необязателен»⁴⁸³.

Хотя написанный в Касимовском ханстве Кадыр-Али бекем труд «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») (1602 г.) хронологически несколько выходит за рамки данного раздела, тем не менее из-за того, что ханство тогда ещё не было упразднено, он тут хотя бы кратко должен быть рассмотрен⁴⁸⁴. Первая и основная часть этого сочинения есть ни что иное, как сокращенный перевод сочинения «Джами' ат таварих» Рашид ад-Дина, свидетельствующий о распространенности его среди татар (см. выше также о нахождении III-й части этого труда в Астраханском ханстве). В оригинальной части «Сборника летописей» содержатся: «Хвала Борису» (московскому царю Борису Федоровичу) и 9 дастанов (8 из них посвящены Чингисидам: ханам Урусу, Тохтамышу, Темир-Кутлуку, Хаджи-Гирею, Хаджи-Мухаммету, Абулхаиру, Йадкару, Ураз-Мухаммету и ещё один – беклярибеку Идегею). Лишь один дастан – об Ураз-Мухаммете, возведенном на касимовский престол, написан Кадыр-Али бекем как очевидцем событий. При подготовке других дастанов автор, как допускает М.А. Усманов, использовал какие-то неизвестные тюркоязычные исторические сочинения о ханах и султанах Улуса Джучи⁴⁸⁵. Если внимательно присмотреться к «дастанам» из этого труда, становится очевидным, что в них, за некоторыми исключениями, речь идет о правивших в отдельных позднезолотоордынских тюркских государствах Чингисидах или, как в случае с Идегеем – об основателе Мангытского юрта⁴⁸⁶, что свидетельствует о достаточно глубоких исторических знаниях автора «Сборник летописей» и доказывает, что даже в зависимом от Московского государства ханстве продолжало существовать историческое сознание, в структуре которого имелись знания не только о более ранних государствах во главе с Чингисидами, но и о связях с тюрко-исламским культурным миром предшествующего времени⁴⁸⁷. Ещё один момент: Кадыр-Али бек татарское население Касимовского ханства именуется не только «татарами», но и «мусульманами»⁴⁸⁸, что указывает на распространенность в Поволжье на рубеже XVI-XVII в. последнего наименования, употреблявшегося в качестве конфессионима. Наконец, описание торжеств, связанных с возведением Ураз-Мухаммета на касимовский престол, сведения о клановой и социальной структуре ханства, которые сохранились в «Сборнике летописей», очень важны из-за их уникальности⁴⁸⁹.

Об исторических хрониках в Крымском ханстве до создания Реммалем – ходжой (астролог, полное имя – Кайсун-заде Мехмед Нидаи) вскоре после смерти хана Сахиб-Гирея (1551 г.) труда «Тарих-и Сахиб-Гирей хан», неизвестно. Правда, крымские татары и до этой хроники какими-то историческими знаниями обладали, возможно, это были генеалогические записи и исторические предания. Так, в «Родословной Ширинских» (XIX в.) говорится, что предки «пришли в Крым от реки Волги с подвластными ... народами ... Дангы бей (родоначальник крымских Ширинов – Д.И.) прежде ещё покорения Крыма татарами владел за рекою Волгою многочисленным народом... [он] командовал народом, а

⁴⁸³ Хажитархани Ш. Зафэрнамэи... – с. 77. Перевод по: Х. Шерифи «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» // Эхо веков, 1995, май. – с. 87.

⁴⁸⁴ О нем см.: Усманов М.А. Татарские исторические... – с. 33-96.

⁴⁸⁵ Указ. раб. – с. 52.

⁴⁸⁶ Потомки Урус хана правили в Казахском и Касимовском ханствах; Тимур – Кутлуга – в Большой Орде и Астраханском ханстве; Хаджи-Гирея – в Крымском ханстве; Хаджи-Мухаммеда – в Тюменском и Сибирском ханствах; Абулхаира и Ядигара – в Государстве Шибанидов; Идегея – в Ногайской Орде.

⁴⁸⁷ Schamiloglu U. The Umdet ül-ahbar and the Turkic narrative Sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde // Central Asian Monuments, ed. by H.B. Paksoy. – Istanbul, 1992. – p. 85.

⁴⁸⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование... – ч. II. – с. 404.

⁴⁸⁹ Schamiloglu U. The Umdet... – p. 86.

сын его Руктемир бей всегда находился при хане Тохтамыше... [имел] ...первенство в диване и первое по хану с правой стороны место»⁴⁹⁰. На самом деле в этой «Родословной» информации гораздо больше, тут приведена лишь её часть. Но даже из нее видно, что в Крымском ханстве издавна существовал довольно объемный корпус исторических знаний. Теперь о хронике «Тарих-и Сахиб-Гирей хан». В этом труде особо выделяется генеалогическая традиция Гиреев как Чингисидов, что было явно сделано для того, чтобы подчеркнуть существование Крымского ханства, несмотря на оттоманский сюзеренитет, как самостоятельного государства, обладающего глубокими историческими традициями. Как указывает А. Фишер, это предполагает осознание крымско-татарским обществом своей «татарской» идентичности, её особенности (традиции, история и т.д.), а со стороны правящей династии – своей не вторичности по отношению к Оттоманам и московским царям⁴⁹¹. Исследователи, которые специально изучали эту хронику, показали её ценность во многих аспектах: тут и сведения о клановой структуре Крымского ханства, его политике, военных силах и воинском искусстве, бытовой жизни крымских татар, их соседей и др.⁴⁹² Не вдаваясь в детали хроники, приведем только три примера, иллюстрирующие сказанное. Так, при описании крымского похода на Астрахань в 1545г., рассказывается, что астраханский хан Ямгурчи атаковал караван из Казани в Крым, в результате потерпевшие убытки купцы пришли с жалобой к Сахиб-Гирею и тот в ответ решает наказать астраханского хана за его вмешательство в казанско-крымские торговые связи. Или такой сюжет: перед походом против Московского государства в 1541 г., хан, после приготовлений, идет в особую комнату для молитвы, где проводит ночь в уединении, а утром совершает утреннюю молитву (сабах намазы). Описывая празднование после успешного астраханского похода, хронист пишет: «...были приготовлены кушания и устроено главное зрелище. Улемы, набожные люди, богатые и бедные, горожане и чужестранцы, духовные лидеры (имамы) и проповедники (хатибы) все пришли, и на зрелище было полно народу. Все люди возносили молитвы и восхваления»⁴⁹³. Хотя это произведение, как считают некоторые исследователи, можно оценивать и как образец османской историографии XVI в. (автор – турок, язык хроники – османско-турецкий)⁴⁹⁴, по своему содержанию и по последующему влиянию на крымских историков, оно, несомненно, является и крымско-татарским историческим сочинением.

Что касается Большой Орды, Тюменского (Сибирского) ханства и Ногайской Орды, летописание и исторические труды, написанные в этих государствах, неизвестны. Однако, мы бы не спешили с выводом о том, что их вообще не было. Применительно к Ногайской Орде, например, можно указать на сохранение большого числа родословных ногайских князей и мирз, часто содержащие и исторические сведения. Скажем в одной из них говорится: «Котлыкыйа (дед или отец Идегея – Д.И.) появился на свет в Самарканде», а «Исламкыйа (прадед или дед Идегея – Д.И.) родился в Идел – Яике». В другой родословной сообщается: «...у Кадыркая сын Кадлукай ...взял ...вятьем Кункент (город Кумкент, городище находится в Чимкентской области Казахстана – Д.И.) и учинился в Кункенте государем». В третьей родословной, при рассказе об Урак «хане», указывается: «Каменные строения каменной страны Аждархана выстрелами разрушил ...Тогда в Казани султаном был Чура»⁴⁹⁵. Кроме того, показательны последствия тонкой «операции», проделанной ногайскими интеллектуалами, по включению в генеалогию Идегея или его потомков,

⁴⁹⁰ Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения / Известия Таврической УАК. – № 23, 1895. – с. 123-124.

⁴⁹¹ Fisher A. The Crimean... – p. 35.

⁴⁹² См.: Inalchik H. The khan and tribal aristocracy... – pp. 445-446; Остапчук В. Хроника... – с. 391-421.

⁴⁹³ Остапчук В. Хроника... – с. 399, 413-414.

⁴⁹⁴ Там же. – с. 393.

⁴⁹⁵ Примеры взяты из: Эхмэтжанов М. Татар шәжәрәләре... – с. 50-53.

происходящих из не «царственного» рода, для усиления легитимности их власти, линии, связанной с потомками пророка Мухаммета⁴⁹⁶ (возможно это было сделано через брачные связи с сеидами), когда в генеалогической цепочке правителей Ногайской Орды появились многие новые звенья арабо-мусульманских правителей с указанием мест их царствования. А это явно привело к углублению исторических знаний в ногайском обществе.

Когда мы ведем речь о Тюменском (Сибирском) ханстве, прежде всего надо иметь в виду его нахождение в структуре вассальных отношений с Государством Шибанидов, позже – с Бухарским ханством. Поэтому, те исторические труды, которые были созданы в государствах Шибанидов, фактически имеют отношение и к Искерскому юрту. Однако, сибирские татары обладали и собственным историческим сознанием, подкрепленным местными традициями, сохранившимися как в устной, так и в письменной формах. В частности, в одном из преданий сибирских татар отмечается, что во время похода Ермака было утрачено «родословие сеидов», явно имевшее письменный характер. Когда оно было восстановлено со слов «Шербети шейха и стариков», оказалось, что в нем имеется значительный объем исторических знаний, с указанием некоторых дат⁴⁹⁷. Даже генеалогия правителей Искерского юрта, сохранившаяся в составе грамоты московского царя Федора Ивановича к хану Кучуму (1597 г.)⁴⁹⁸ и включающая кроме хана Ибака (Сайд-Ибрагима) и князей «Тайбугина рода» в такой последовательности – Магмет – Казый – Едигер, скорее всего восходит к татарским источникам, так как трудно предположить, что в Москве знали о последовательности правления Сибирских князей. Кроме того, некоторые поздние предания сибирских татар, например, содержащийся в народно-краеведческой истории «Происхождение аула Сала» (XIX в.) рассказ, повествующий о том, как пришли «...из Бухары в составе людей Тайбуги – бия, сына Шах-Мурада..., прибыли на земли будущего Искира 500 человек, среди которых были муфтии и мударрис» и как они «основали г. Искер и стали осваивать сибирские земли»⁴⁹⁹, тоже скорее всего восходит к более раннему письменному родословию местных «святых» (яхшылар). Заметим также, что С.В. Бахрушин, специально обратившийся к «туземным легендам» в «Сибирской истории» С. Ремезова, нашел возможным отметить, что, кроме устных преданий, первоисточник этого автора – Есиповская летопись, в разделе о татарских царях ссылается на «летописца татарского»⁵⁰⁰. Хотя в основе этого раздела «Сибирских летописей» скорее всего лежат татарские устные предания, включая и дастаны⁵⁰¹, приведенное замечание о «татарском летописце» оставляет место и для допущения о существовании у сибирских татар в период ханства каких-то письменных хроник, возможно, типа генеалогических историй.

⁴⁹⁶ Этот сюжет детально рассмотрен в работе: De Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. – Pensilvania St. univ. Press, 1994.

⁴⁹⁷ Исхаков Д.М. Сеиды... – с. 54-58.

⁴⁹⁸ Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 132.

⁴⁹⁹ Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы... – с. 91.

⁵⁰⁰ Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова //Исторические известия, издаваемые историческим об-вом при импер. Московском ун-те, 1916, № 3-4. – с. 10.

⁵⁰¹ Например, в дастане «Илдан белән Гелдан» фигурируют многие правители Сибирского юрта, отмечаемые в русском летописании – в «Сибирских летописях» (См.: Мирас, 2002, № 8. – с. 17-32).

Глава 5. Политическая судьба

Период XV–XVI вв. оказался решающим для новых тюрко-татарских обществ – за это время они вначале обрели независимость, а затем, в своем большинстве, её потеряли. Судьба позднесолотоордынских государств оказалась напрямую связанной с той борьбой, которая развернулась между наследниками Золотой Орды за доминирование на территории распавшейся империи⁵⁰². Как уже указывалось, Московское великое княжество было равноправной стороной, вовлеченной в сложную систему межгосударственных отношений, складывавшуюся в Восточной Европе со второй половины XV в.⁵⁰³ Кроме основных соперников – Большой Орды, Крымского и Казанского ханств, Московской Руси и Ногайской Орды, в политическом противоборстве на позднесолотоордынском пространстве участвовали Польско-Литовское государство, вообравшее в свой состав многие бывшие владения Улуса Джучи, а также, косвенно – через Крымское ханство – Османская империя. Однако, последняя скорее проводила политику сохранения «равновесия» между постепенно усиливавшимся Московским государством и Польско-Литовским королевством, что не предполагало активного вмешательства во взаимную борьбу наследников Золотой Орды. Правоммерно замечание Э. Кинана о том, что «нет никаких свидетельств эффективного Оттоманского влияния на московско-татарские отношения в этот период», с добавлением – «идея панисламистского союза (во главе с Оттоманами – Д.И.) просто нелепа»⁵⁰⁴. В то же время было опрометчивым не видеть ближе к середине XVI в. и некоторой другой тенденции – упорного педалирования правящими кругами Московского государства перед западными соседями, прежде всего, Польско-Литовским королевством, своей особой роли в деле общей победы христианского мира над «бесерменским родом». Конечно, это делалось прежде всего исходя из стремления обеспечить признание со стороны европейских государств прав Москвы на завоевание татарских земель и на титул «царя» для московского государя⁵⁰⁵. Но, пожалуй, такого объяснения недостаточно – активизация османской политики накануне захвата Казани русскими в направлении объединения Османов, Крыма, Казани, Астрахани и Ногайской Орды, как носителей единой «веры басурманской»⁵⁰⁶, показывает начавшуюся конфронтацию межцивилизационного характера, правда, не получившую развития – прежде всего потому, что реальные интересы Османской империи оказались далекими от зоны соперничества наследников Золотой Орды⁵⁰⁷. Однако, это не означает, что в самом татарском обществе не было понимания исламско-христианской конфронтации. Если мы обратимся к сочинению «Зафер наме-и вилайет-и Казан»,

⁵⁰² Общие подходы к изучению этой проблемы, см.: Keenan E. Muscovy and Kazan: Some introductory remarks in the patterns of steppe diplomacy // *Slavic Review*, 1976, – vol. 26, № 4. – pp. 548-558. (Пер. на рус. яз.: Панорама – Форум, 1995, № 1. – с. 66-81); Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1996. – с. 23-53. (Глава 2. Собираение земель Золотой Орды в 16-18 веках); Pelensky J. *Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology*(1438-1560 s). – Monton. The Naque. Paris, 1974; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым...; Ее же. Россия в системе международных отношений середины XVI века. – М., 2003.

⁵⁰³ Косвенное признание этого факта можно обнаружить и в работах некоторых советских исследователей (См., например: Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. – М., 2001 (переиздание работы, опубликованной в 1952 г.).

⁵⁰⁴ Кинан Э. Московия и Казань: некоторые вводные замечания к модели степной дипломатии // Панорама – Форум, 1995, № 1. – с. 68. См. также обзор в исследовании А.Л. Хорошкевич. Русь и Крым... – с. 34-72.

⁵⁰⁵ Детальнее см.: Хорошкевич А.Л. Россия...

⁵⁰⁶ Трепавлов В.В. История... – с. 246-247.

⁵⁰⁷ Хорошкевич А.Л. Россия... – с. 96-97.

фактически являющемся оценкой татар сложившейся к середине XVI в. ситуации, предназначенной для внимания Оттоманов, это становится очевидным. Его автор, отмечая, что Казани «неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Тенгри и помощи ангелов», в то же время указывает на деятельность хана Сафа-Гирея, перед «кяфирами» продемонстрировавшего, что он не будет «отделяться от [своей] религии в этом мире и [своего] пристанища в потустороннем мире», особо подчеркивая свою веру в газават⁵⁰⁸.

Поэтому надо иметь в виду, что «собрание русских земель» вокруг Московского великого княжества, объяснимое с точки зрения логики исторических и религиозных факторов, никак не может быть распространено на захват Москвой суверенных мусульманских тюрко-татарских государств, никогда не принадлежавших Руси. Если сторона, предпринявшая аннексию этих государств пыталась аргументировать свой шаг как «защиту», «наказание за измену», «крестовый поход против неверных», «освобождение от ига» и т.д.⁵⁰⁹, то потерпевшие в конечном итоге поражение татары, устами своего идеолога – последнего казанского сеида Кул-Шерифа, накануне захвата Казани провозгласили свое право оставаться мусульманами и вести с захватчиками газават. Что и было реализовано – население Казанского, Астраханского и Сибирского ханств оказало упорное сопротивление завоевателям. Даже от правителя Касимовского ханства Шах-Гали хана, согласно одной сохранившейся исторической песне, осталась такая оценка: «я жил, считал вас (русских – Д.И.) друзьями. Оказалось, все – таки вы враги мне»⁵¹⁰. Естественно, тут проявляется и обида касимовского хана, надежды которого стать во главе Казанского ханства не оправдались⁵¹¹. Но не исключено, что за сказанным проглядывает и та общая тенденция мусульманско-христианской конфронтации, о которой велась речь.

На постзолотоордынском пространстве длительное время существовала ситуация, когда одни «осколки» Золотой Орды, объединяясь между собой, боролись против других. Даже 1480 г. не был «концом ига». Как отмечает Э. Кинан, то была победа одной из противоборствующих групп – Москва была, наряду с Казанью и Крымом, членом «победившей коалиции»⁵¹². Признавая, что победа 1480 г. позволила одной из сторон этой коалиции – а именно, Москве, «формально объявить о своем освобождении от золотоордынского господства», а также предпринять ряд шагов для укрепления своего международного положения⁵¹³, тем не менее подчеркнем, что это еще не означало для «государя всея Руси» прихода времени односторонних действий – до такого положения было еще довольно далеко, Москве для проведения собственной политики по-прежнему требовались союзники из числа наследников Улуса Джучи. Впрочем, так же обстояли дела и у остальных позднезолотоордынских государств.

Отсюда, если бросить общий взгляд на взаимодействие этих этнополитических объединений в XV-XVI вв., можно обнаружить, что вторая половина XVI в. – это время коалиции Московского великого княжества с Крымским ханством, затем и с Казанским, против Большой Орды, поддерживаемой Великим княжеством Литовским (Польско-Литовским государством). Ногайская Орда, за исключением последних двух десятилетий XVI в., тогда еще была скорее вне этого противоборства. Затем, ликвидация Большой Орды между 1502-1504 гг. (иногда этот процесс растягивают до 1515 г.) и усиление Московского государства привели к серьезному изменению конфигурации союзов: Крымское ханство

⁵⁰⁸ Шерефи Х. «Зафер наме-и»... – с. 87, 89.

⁵⁰⁹ Каппелер А. Россия... – с. 23.

⁵¹⁰ Цит. по: Измайлов И. «Казань – город на костях стоит» // Родина, 1998, № 2. – с. 37.

⁵¹¹ Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте Российской истории РАН 14 ноября 2002 г. – М., 2003. – с. 48.

⁵¹² Кинан Э. Московия... – с. 68.

⁵¹³ Каппелер А. Россия... – с. 25; История России с древнейших времен до конца XVII века. Отв. ред. А.Н. Сахаров и А.П. Новосельцев. – М., 2000. – с. 314-357.

объединилось с Польско-Литовским государством против Москвы, добившись и казанского престола для Гиреев в 1521 г. Вообще, если в XV – начале XVI вв. фактор борьбы с Большой Ордой был решающим, то начиная со времени ее гибели на первое место, из-за образования в степи вакуума (Э. Кинан), вышло соперничество Крымского ханства с Московским государством за обладание всем золотоордынским наследством. Другие тюрко-татарские государства, за исключением территориально отдаленного и относительно малонаселенного Сибирского ханства, оказались вовлеченными то с одной, то с другой стороны в это противоборство, длившееся с 1520 г. до русского завоевания Поволжья.

У указанного соперничества имелись отчетливо прослеживаемые внутренние для постзолотоордынского политического пространства, причины, в первую очередь, экономические. Так, постоянная вражда Крымского ханства и Большой Орды была вызвана стремлением ханов «Престольного владения» иметь выход на Крым (хлебные ресурсы и выгоды от черноморской торговли)⁵¹⁴, в т. ч. и из-за прилегающих причерноморских пастбищ (заметим, что в первой трети XV в. в Крыму находились «зимники» ряда групп во главе с Ширинами, которые летом оказывались в волжском низовье – таковы были, видимо, традиционные маршруты кочевков). Напомним в этой связи, что крымские татары практически до середины XVI в. выходили кочевать за пределы Крыма, имея многочисленные табуны и были заинтересованы в пастбищах. То, что имело место и конкуренция за пастбищные угодия, доказывается унаследованием традиционной вражды Большой Орды с «Перекопской Ордой» (Крымским ханством) Астраханским ханством. В последнем случае надо принять во внимание и «ногайский фактор» – как только Ногайская Орда оказалась в Поволжье и начала переходить на правый берег р. Волги, т. е. в зону крымских интересов (Крымская сторона – название правобережья р. Волги) – что требовало дружественных отношений с Астраханским ханством, контролировавшим переправы – она оказалась в числе врагов Крымского юрта. Наконец, надо принять во внимание и значение г. Астрахани как важного узла торговых контактов (со Средней Азией, Персией и т.д.). Повидимому, вражда Крымского ханства с Большой Ордой, затем с ее прямым наследником – Астраханским ханством и часто стоявшей за ним Ногайской Ордой, не в последнюю очередь была связана со стремлением контролировать этот важный торговый узел. Включение Казанского ханства в эту систему экономических связей происходило во многом из-за осуществления им контроля над пушной торговлей вплоть до Приуралья, может быть, и до Западной Сибири. Не случайно вся политика Москвы второй половины XV в. по установлению связи с Европейским Севером и Сибирью в обход Казани, объясняется именно стремлением иметь прямой выход на этот пушной рынок. А «рухлядь» (меха) была для Москвы валютой в русско-крымских и русско-османских отношениях⁵¹⁵. Поэтому совершенно прав И.В. Зайцев, предлагающий видеть⁵¹⁶ в попытках большеордынских Чингисидов подчинить себе Крым, не только желание восстановить былое единство Улуса Джучи – хотя это тоже имело место, но и экономические потребности. Также обстоит дело и у других наследников Золотой Орды – они имели собственные интересы, которые пытались отстаивать не только в одиночку – что во многих случаях было просто невозможно – но и входя во всевозможные коалиции, в основном вполне осмысленные и диктуемые стратегическими соображениями.

Далее на основе проведенного выше общего анализа проблемы взаимоотношений позднезолотоордынских государств XV-XVI вв. рассмотрим в сжатом виде основные итоги политических процессов, приведших в конечном итоге к потере независимости большинством тюрко-татарских этнополитических объединений.

Казанское ханство, после 1445 г. длительное время сохраняло мирные отношения с Московским великим княжеством, окончательно прерванные лишь в 1468 г. в связи с

⁵¹⁴ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 205.

⁵¹⁵ См. обзор проблемы: Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 64-65.

⁵¹⁶ Зайцев И.В. Астраханское... – с. 205.

вмешательством Москвы в дела престолонаследия в Казани после смерти (точная дата отсутствует) хана Махмута (Махмутека) на стороне правителя Касимовского ханства, султана Касима – брата Махмута. Но тут следует заметить, что унаследовавший ненадолго (умер в 1467 г.) после хана Махмута престол его сын хан Халиль был женат на дочери мангытского князя Тимура Нур-Султане. С одной стороны, это говорит о влиянии на Казанское ханство в 1460-х годах Мангытского иля. Но с другой стороны, Тимур известен как беклярибек вначале в Астраханском юрте, затем – в Большой Орде⁵¹⁷. Учитывая нерасчлененность этих двух этнополитических образований во второй половине XV в., правильнее будет говорить о Большой Орде, от которой, надо думать, и зависело в 1460-х годах Казанское ханство. Правление Халиля было непродолжительным и после него престол в Казанском ханстве перешел к его брату Ибрагиму, женившемуся на вдове брата. Возможно, при переходе трона от одного брата к другому имелись какие-то сложности, но в 1468 г. Московское великое княжество попыталось посадить в Казани султана Касима, однако, безуспешно. В итоге, после поражения Касима от казанцев и закрепления Ибрагима на казанском престоле, в 1469 г. началась «Казанская война», состоявшая из двух походов русских, не принесших им окончательной победы, хотя хан Ибрагим как будто бы согласился на условиях московской стороны – каких, точно не известно (возможно, речь шла об освобождении русского полона). Мир между двумя государствами продолжался до 1478 г., когда пользуясь походом московских войск на Новгород, хан Ибрагим совершил рейд на Вятскую землю. После ответных действий русских войск весной того же года, между сторонами начались переговоры, завершённые на условиях Москвы, но опять не уточняемых источниками. Ясно одно – Казанское ханство продолжало сохранять свою независимость. Последовавшая в 1479 г. смерть хана Ибрагима привела к новым династическим распрям – с одной стороны, на казанский трон претендовал сын покойного хана Ибрагима Ильгам (он был сыном от его первой жены Фатимы), с другой стороны, вторая жена этого хана – Нур-Султан, после смерти мужа вышедшая замуж за Крымского хана Менгли-Гирея, имела от первого брака двоих сыновей (старшего – Мухаммет-Амина и младшего Абдул-Латыйфа), также имевших право на казанский престол⁵¹⁸. В связи с тем, что в это время Менгли-Гирей был крайне заинтересован в союзе с московским великим князем Иваном III, а тот, в свою очередь, хотел использовать Крым против Польско-Литовского государства, поддерживающего Большую Орду, с проблемой престолонаследия в Казани возникли трудности внешнеполитического характера и в 1485 г. при поддержке московских войск на казанский престол был посажен Мухаммет-Амин, а хан Ибрагим бежал, скорее всего, в Ногайскую Орду⁵¹⁹, тогда бывшую в союзе с Тюменским ханством.

Основатель Крымского ханства Хаджи-Гирей с самого начала правления поддерживал тесные связи с Польско-Литовским государством, при поддержке которого в 1452 г. отбил попытки хана Сеид-Ахмата – правителя части «Престольного владения», захватить Крым. В 1454 г. Хаджи-Гирей совместно с Оттоманами осадил г. Кафу, что говорит о начавшемся сближении двух государств. Но главное направление деятельности Хаджи-Гирея было направлено на степи – накануне смерти в 1466 г. он готовился к сражению с Большой Ордой. После смерти хана Хаджи-Гирея, в противоборство двух его наследников вмешались – Большая Орда (при ведущей роли Мангытов как беклярибеков) и генуэзцы на стороне его старшего сына Нур-Давлета, получившего ярлык на ханство, и Оттоманы, в меньшей степени – Москва (с последней были попытки договориться в 1472, 1474 гг.) – на стороне другого сына – Менгли-Гирея⁵²⁰. После ряда событий, важнейшими из которых были: переход южной части Крыма в 1475 г. в руки Оттоманов, низложение в 1476 г. большеордынцами хана Менгли-Гирея, бежавшего в Стамбул, с повторной интронизацией Нур-Давлета, получившего из

⁵¹⁷ Трепавлов В.В. История... – с. 120-121.

⁵¹⁸ Худяков М. Очерки... – с. 42-43.

⁵¹⁹ Детальнее см.: Pelenski J. Russia... pp. 23-26.

⁵²⁰ Fisher A. The Crimean Tatars... – p. 8-11.

Большой Орды соправителя, обращение крымских беев в 1477 г. к султану Мехмеду II с просьбой прислать на ханство Менгли-Гирея, при поддержке османских войск изгнание Нур-Давлета и его соправителя Джанибека, в 1478 г. Менгли-Гиреем, занявшем Крымский трон⁵²¹. Показательно, что хан Нур-Давлет при этом оказался в начале в Литве, а в 1479 г. – во владениях великого князя московского и был посажен затем на касимовский трон (1486 г.).

В первой половине XV в. на основной домениальной территории распавшейся Золотой Орды происходило внутреннее противоборство различных групп кочевников, с частью которых Москва в конце 1430-х – середине 1440-х гг. поддерживала мирные отношения⁵²². Но затем из-за того, что русской стороной были нарушены вассальные отношения, ордынцами во главе с ханом Сеид-Ахматом на русские земли были совершены ряд походов (1449, 1450, 1451, 1455, 1459 гг.)⁵²³. В 1460 г. сам хан Большой Орды Махмут приходил ратью на Рязань, скорее всего из-за обнаружения после воцарения в 1459 г. долга по выплате дани Рязанским княжествам⁵²⁴. В 1465 г. этот же хан пошел походом на Московское великое княжество, видимо, из-за того, что в ситуации соперничества Махмута со своим братом Ахматом Москва не могла решить, кому платить дань. Но начавшись, этот поход был прерван нападением на большеордынцев крымского хана Хаджи-Гирея, вдохновленного ориентированными промосковски Ширинами⁵²⁵. Не исключено, что после этого события Хаджи-Гирей занял даже на время большеордынский престол⁵²⁶. Затем в 1468 г. последовало ещё одно нападение Большой Орды на рязанские земли. Как полагает А.А. Горский, в итоге этих походов в разгар казанской кампании 1468-1469 гг. Иван III мог пойти на выплаты выходов (дани) Большой Орде, чтобы обеспечить её нейтралитет⁵²⁷. В таких условиях в 1471 г. было заключено соглашение между Большой Ордой и Польско-Литовским государством, скорее всего направленное против Московского великого княжества⁵²⁸. Затем последовало соглашение 1472 г. Крымского ханства с Польско-Литовским государством, согласно которому Крым признал права последнего на Великий Новгород и Одоев⁵²⁹. В результате, большеордынский хан Ахмат, будучи «подговорен королем» (т. е. польско-литовской стороной – Д.И.), летом 1472 г. совершил свой первый поход против Московского великого княжества, который, однако, не принес ему успеха⁵³⁰. Зато начались дипломатические контакты Крыма с Москвой (в конце 1472-1473 гг., затем – в 1473-1474 гг.), успешному завершению которых помешало нежелание Хаджи-Гирея порвать с Польско-Литовским государством. После свержения Менгли-Гирея с крымского престола и посажения там племянника большеордынского хана Ахмата – Джанибека (1476 г.), вернувший себе в 1478 г. престол с османской помощью Хаджи-Гирей немедленно возобновил переговоры с Москвой, на которых был в конечном счете заключен союз против «вобчих недругов» – Ахмата (Большая Орда) и Казимира (Польско-Литовское государство)⁵³¹.

В восточной половине бывших владений Золотой Орды – на территории Кок Орды, после уже описанного противоборства различных группировок в первой половине XV в.,

⁵²¹ Там же.

⁵²² Горский А.А. Москва и Орда. – с. 146-147.

⁵²³ Сафаргалиев М.Г. Разгром Большой Орды (к вопросу освобождения Руси от татарского ига) // Записки НИИ при при Сов. Министров Морд. АССР, 1949, № 11 (история и археология). – с. 82-84; Горский А.А. Москва и Орда. – с. 147-148.

⁵²⁴ Горский А.А. Москва и Орда. – с. 149-150.

⁵²⁵ Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 43 (мнение Л. Колянковского).

⁵²⁶ Горский А.А. Москва и Орда. – с.154-155 (см. прим. 16).

⁵²⁷ Там же. – с. 156.

⁵²⁸ Базилевич К.В. Внешняя... – с. 91.

⁵²⁹ Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 44.

⁵³⁰ Горский А.А. Москва и Орда. – с. 156-163.

⁵³¹ Там же. – с. 163-165.

наиболее заметным внешнеполитическим событием стало крупное столкновение наследника хана Абулхаира Шибанида Шейх-Хайдара с Сайид-Ибрагимом из Тюменского юрта, при поддержке Мангытского иля и ряда других групп во главе с Джанибеком (будущий основатель Казахского ханства) в 1469 г. Тогда на стороне Шибанида Шейх-Хайдара воевал хан Большой Орды Ахмат. Коалиция хана Ахмата и Шибанидов потерпела поражение, бежавших в г. Астрахань Шибанидов преследовали изменивший ориентацию хан Ахмад и мангыты – именно тогда, скорее всего, в Большой Орде оказался в качестве беклярибека Тимур из клана Мангыт. Когда в 1470 г. начались переговоры между Большой Ордой и Польско-Литовским государством о союзе против Москвы, князь Тимур выступил в поддержку такого союза – очевидно, в данном случае мангытский князь принимал во внимание и конфликт Ивана III с казанским ханом Ибрагимом, жена которого была его дочерью⁵³².

Так сложились основные предпосылки будущих существенных изменений во взаимоотношениях наследников Золотой Орды в последней четверти XV в.

Прежде всего, события 1475-1478 гг. привели к изменению статуса Крымского юрта – он оказался под османским сюзеренитетом. Но следует иметь в виду, что верховенство Османов не означало полной потери самостоятельности Гиреев – зачастую крымские ханы действовали достаточно независимо, особенно в конце XV – первой половине XVI вв.⁵³³ Затем Московское великое княжество, после конфликта 1472 г. переставшее платить выход Большой Орде и идеологически подготовившее непризнание ханского сюзеренитета, в 1480 г. столкнулось с Большой Ордой, покинувшей в итоге стояния на р. Угре бесславно поле битвы⁵³⁴. Не последнюю роль в таком исходе столкновения сыграли набеги крымского хана Менгли-Гирея на Подолию в 1480 г. – они отвлекли Польско-Литовское государство от участия в походе против Москвы на стороне Большой Орды. А 6 января 1481 г. коалиция тюменского хана Сайида-Ибрагима и Ногайской Орды захватила зимовище хана Ахмата, подвергнув лагерь хана разгрому, предав самого хана смерти. Это событие имело далеко идущие последствия: в дальнейшем, несмотря на продолжение контактов Московского великого княжества с Большой Ордой, временами доходивших и до военных столкновений (по большей части, с использованием не собственных сил Москвы), даже признания Иваном III в сложных политических условиях начала московско-литовской войны (1500 г.) и обострения казанско-ногайского конфликта (1499-1500 гг.), своего «холопства» по отношению к Большой Орде в 1501 – начала 1502 гг. с выплатой выхода⁵³⁵, Москва становилась все более независимой – не случайно ростовский архиепископ и духовник Ивана III накануне столкновения с Большой Ордой в 1480 г. назвал его «христианским царем Руських стран»⁵³⁶. Официальные московские летописи и последовавшие за 1480 г. события показывают, что «Русское ханство» становилось в ряд других наследников Улуса Джучи, обогнав даже кое-кого из будущих независимых тюрко-татарских государств (ещё не было Астраханского ханства, не оформилась окончательно Ногайская Орда, не до конца обособилось Тюменское ханство). Наконец, весной 1487 г. состоялся большой поход русских войск на Казань, где у власти находился вернувшийся на казанский престол с помощью ногайцев хан Ильгам. Русские взяли столицу Казанского ханства, на трон посадили Мухаммет-Амина, а сам прежний хан и его семья были вывезены вглубь русских земель⁵³⁷. Фактически над Казанским ханством был установлен русский протекторат,

⁵³² Трепавлов В.В. История... – с. 102-103, 120-121; Горский А.А. Москва и Орда. – с. 157.

⁵³³ Некрасов А.М. Возникновение... – с. 55-53; Его же. Международные отношения... – с. 36-53.

⁵³⁴ О всем комплексе событий, предшествовавших столкновению 1480 г., см.: Горский А.А. Москва и Орда. – с. 166-177.

⁵³⁵ См. там же. – с. 181-182.

⁵³⁶ История России... – с. 323, 330.

⁵³⁷ Худяков М. Очерки... – с. 47.

продолжавшийся, с коротким перерывом в 1496 г., до 1505 г. Главной сутью его были «братские» отношения Москвы и Казани, а также переход под контроль Московского великого княжества внешней политики Казанского ханства и вопросов престолонаследия⁵³⁸. Однако, московская сторона не имела права вмешиваться во внутренние дела ханства (такая попытка была предпринята: сохранилось послание 1490 г. Мухаммет-Амина Ивану III по поводу взимания московским чиновником в бассейне р. Цивили «лишних пошлин», чего «из старины не бывало»)⁵³⁹. Одним из последствий взятия русскими г. Казани в 1487 г. и установления новых отношений между сторонами, было появление в титулатуре Ивана III титула «князя Болгарского»⁵⁴⁰. Хотя с этим титулом имеются некоторые невыясненные моменты⁵⁴¹, в целом очевидно, что за данным шагом правящих кругов Московского великого княжества скрывались далеко идущие цели, для полной реализации которых время ещё не настало.

В изменившихся условиях Крымское ханство стремилось покончить с Большой Ордой и стать гегемоном среди наследников Золотой Орды. Османы и Московское великое княжество поддерживали эти устремления Крымского ханства, так как это ослабляло их общего врага – Польско-Литовское государство.

Конец XV в. оказался для Большой Орды неблагоприятным – выдались голодные годы и в 1500-1502 гг. большеордынцы начали мелкими и более крупными группами переходить во владения Крымского ханства. Закончилось это тем, что после поражения Крымского ханства в 1490 г. от Большой Орды, оно начало предпринимать, с опорой на своих союзников (особенно, на Московское великое княжество), целый ряд шагов, направленных против большеордынцев, приведших в конце – концов к полному разгрому весной 1502 г. крымскими войсками во главе с Менгли-Гиреем, сильно ослабевшей Большой Ордой⁵⁴². В крымском послании в Москву от имени хана Менгли-Гирея, об этом сказано: «Слава Богу Ших-Ахмета, недруга нашего разгонив, Орду его и все улусы Бог в наши руки дал»⁵⁴³. После присоединения улусов Большой Орды, Крымское ханство резко усилилось, а хан Менгли-Гирей, как уже отмечалось, начал именоваться «Великие Орды великим царем». Большая Орда скорее всего перестала существовать, растворившись в Крымском ханстве, частично трансформировавшись в Астраханское ханство. Однако, не исключено, что её улусы продолжали некоторое время существовать как некое целое, но под верховенством династии Гиреев⁵⁴⁴.

Одним из главных последствий разгрома Большой Орды стало расхождение интересов Московской Руси и Крымского ханства, ставших соперниками на постзолотоордынском политическом пространстве. Остальным «игрокам» на этом поле пришлось подстраиваться под них. Через некоторое время сложилась новая расстановка сил. Во-первых, очень скоро стало ясно, что частично на место Большой Орды встало Астраханское ханство – не случайно ещё в 1503 г. хан Шейх-Ахмат пытался убедить Ивана III «достать» ему астраханский трон, предлагая взамен отказаться от сотрудничества с Польско-Литовским государством. Но Москва на этот союз не пошла. Шейх-Ахмату не удалось договориться о

⁵³⁸ Там же. – с. 50-51.

⁵³⁹ Сборник РИО. – т. 41. – с. 92.

⁵⁴⁰ Алишев С.Х. Казань и Москва... – с. 42.

⁵⁴¹ О них см.: Исхаков Д.М. О титулах... – с. 148-149; Его же. Титулы «князь Болгарский» и «князь Казанский» // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-е А.Л. Смирнова. Тез. науч. конф. – Болгар, 1999. – с. 86-87; Его же. Из истории титула «Болгарский князь» // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Матер. науч. конф., Казань, 25 апреля 2000 г. – Казань, 2000 г. – с. 46-49.

⁵⁴² Некрасов А.М. Международные... – с. 64-73.

⁵⁴³ Записки Одесского ОИД, т. 5. – с. 154.

⁵⁴⁴ Такое мнение вызвалось в исследовании Л. Коллинза (см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым... – с. 99).

союзе и с Османской империей – Стамбул предпочел проверенного Менгли-Гирея. Вторых, за спиной Астраханского ханства начали стоять ногайцы, игравшие все более заметную роль. Они же, кстати, стали опорой вернувшегося на казанский престол в 1502 г. Мухаммет-Амина, когда тот в 1505 г. сбросил русский протекторат и начал войну с Московским государством, продолжавшуюся и в 1506г.⁵⁴⁵ Казанский хан вознамерился присоединиться к антирусской коалиции – Мухаммет-Амин весной 1507 г., как и крымский хан, предлагал помощь в походе на Московское государство⁵⁴⁶. Хотя Крымский хан Менгли-Гирей рассматривал Московское государство как своего союзника против Астраханского ханства, Москва не спешила с таким союзом – дальнейшее усиление Крыма, грозившее переходом под его влияние и Казани, не входило в её планы. Поэтому Крымское ханство начало сотрудничество с Польско-Литовским государством (1505-1519 гг.). А Москва старалась не допустить перевеса сил ни в сторону Крыма, ни Астрахани, поддерживая отношения с обеими сторонами. Между тем Крымский хан в 1509 г. воевал с объединенными силами Астраханского ханства и ногайцев, хотя и не смог взять г. Астрахань. Для Крыма это направление стало решающим⁵⁴⁷. Казанское ханство после военной конфронтации 1505-1507 гг. предпочло договориться с Московским государством (договор 1512 г.), но Мухаммет-Амин вел достаточно многостороннюю политику, поддерживая и связи с Крымским ханством (известно, что около 1516 г. казанцы предлагали крымскому хану Мухаммет-Гирею самостоятельно захватить Астраханское ханство и посадить там на престол одного из царевичей)⁵⁴⁸. Но достигнутое равновесие сил было нарушено в 1512г., когда Крымское ханство разорвало отношения с Московским государством и совершило серию нападений на его южные рубежи. Это вызвало русско-литовскую войну 1512-1514 гг. Крымский хан стал препятствовать русско-османским торговым связям, его войска весной 1515 г. совершили совместно с литовскими войсками поход на северские земли, увозя оттуда огромное число пленных⁵⁴⁹. В 1514-1515 гг. Астраханское ханство было в союзе с частью ногайцев, находясь в конфронтации с основным ядром Ногайской Орды. Но главным противником для него оставалось Крымское ханство, которое летом 1515 г. совершило поход против Астрахани и союзных с ним ногайцев. Москва в этот конфликт не вмешалась, стремясь столкнуть эти два ханства. Но крымский хан Мухаммет-Гирей, несмотря на набеги крымских отрядов на русские земли, в 1517 г. попытался договориться с Москвой о совместных действиях против Астраханского ханства. На чашу весов он даже положил вопрос о престолонаследии в Казанском ханстве – из его послания в Москву в сентябре 1517 г. видно, что казанцы присылали в Крым делегацию для получения оттуда царевича на казанский престол (Мухаммет-Амин был тяжело болен). Одновременно казанцы указали, что в случае отказа крымского хана, они посадят на казанский престол царевича из Астрахани⁵⁵⁰. Таким образом, с одной стороны существовали планы Крымского ханства по созданию коалиции Крыма – Москвы-Казани, а с другой – позиция Москвы, ведшей с Казанью отдельные переговоры о престолонаследии. В итоге в Казани после смерти последнего представителя династии Улу-Мухаммета – Мухаммет-Амина в декабре 1518 г., был интронизирован московский ставленник касимовский царевич Шах-Гали из династии большеордынских ханов. Этот шаг Москвы вызвал недовольство Крыма, только что отладившего свои отношения с Московским государством (договор 1518 г.)⁵⁵¹. Поэтому, Крымское ханство восстановило свои отношения с Польско-Литовским государством (договор от 20 октября 1520 г.) и

⁵⁴⁵ Худяков М. Очерки... – с. 60-68.

⁵⁴⁶ Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 167.

⁵⁴⁷ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 64-71.

⁵⁴⁸ Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 181.

⁵⁴⁹ Там же. – с. 172.

⁵⁵⁰ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 81.

⁵⁵¹ Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 188-195.

предприняло в июле 1521 г. большой поход против Москвы, дойдя до её окрестностей. Бежавший из города Василий III дал обязательство об уплате выхода в Крым⁵⁵². Этому событию предшествовало изгнание из Казани московского ставленника Шах-Гали и принятие в апреле 1521 г. на казанский престол крымского царевича Сахиб-Гирея⁵⁵³. Поход крымских сил на Москву летом этого года был связан и со стремлением помочь Сахиб-Гирею закрепиться на казанском престоле. Крымский хан Мухаммет-Гирей попытался втянуть в антимосковскую коалицию и Астраханское ханство, но безуспешно. Наоборот, в начале 1521 г. астраханцы напали на Крым⁵⁵⁴. В конечном итоге, Крым, для которого борьба с Астраханским ханством была извечной борьбой с ханами Большой Орды и союзных с ними ногайских групп, в 1523 г. захватил г. Астрахань и посадил там на престол Бахадыр-Гирея. Однако, в результате предательства мангытов, крымский хан Мухаммет-Гирей и его сын – султан Бахадыр-Гирей, были убиты, а крымские войска практически уничтожены⁵⁵⁵. Астраханская катастрофа – Крым остался практически без войск (число их после этого не превышало 15 тыс.) и был полностью разграблен ногайцами – привел к временному уходу ханства из области активной внешнеполитической деятельности. А для Москвы, наоборот, возникло генеральное направление во внешней политике – оно было связано с Казанским ханством. Крымское ханство в 1523 г. восстановило свои дружественные отношения с Москвой, отойдя от союза с Польско-Литовским государством. Для Крыма врагами остались Ногайская Орда и Астрахань. А Москва же находилась в дружественных отношениях с Астраханским ханством, так как Астрахань являлась прекрасным противовесом Крымскому ханству⁵⁵⁶. Между тем Крым стремился разделить Астраханское ханство и Ногайскую Орду и привлечь против последней Казанское ханство⁵⁵⁷.

Эта система сдержек и противовесов просуществовала с определенными модификациями до середины XVI в.⁵⁵⁸ Для Московского государства основными союзниками оказались Астраханское ханство и Ногайская Орда, а противниками – Крымское ханство и Польско-Литовское государство. Казанское ханство находилось между этими коалициями и в зависимости от того, чьи ставленники сидели на казанском престоле, оказывалось то на одной, то на другой стороне. Астраханское ханство также довольно часто меняло свою ориентацию, то склоняясь к союзу с Крымским ханством, то с Ногайской ордой – это зависело и от того, чей ставленник занимал астраханский престол. Но стратегические интересы Москвы требовали активной политики, прежде всего по отношению к Казанскому ханству – без его покорения невозможно было контролировать Астраханское ханство и Ногайскую Орду, в конечном счете и влиять на Крымское ханство.

После прихода к власти в Казанском ханстве Сахиб-Гирея, русские войска совершили ряд походов (1523, 1524 гг.) на земли ханства. За сменой его на казанском троне Сафа-Гиреем (1524 г.), после мирного периода в 1530 г. начался новый поход русских на Казань, нацеленный на восстановление московского протектората над ханством. В результате давления Москвы, казанцы весной 1532 г. на ханство посадили касимовского царевича Джан-Али (брата Шах-Гали), находившегося под контролем Московского государства, т. е. протекторат был восстановлен⁵⁵⁹, однако, ненадолго – в сентябре 1536 г. Джан-Али был убит казанцами, убийцы скрылись в Астраханском ханстве⁵⁶⁰. Москва попыталась

⁵⁵² История России... – с. 407.

⁵⁵³ Алишев С.Х. Казань и Москва... – с. 59, 62; Худяков М. Очерки... – с. 79.

⁵⁵⁴ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 83, 87.

⁵⁵⁵ Там же. – с. 90-93.

⁵⁵⁶ Там же. – с. 102.

⁵⁵⁷ Там же. – с. 100-101.

⁵⁵⁸ См. работы И.В. Зайцева, А.Л. Хорошкевич, В.В. Трепавлова, С.Х. Алишева.

⁵⁵⁹ Алишев С.Х. Казань и Москва... – с. 62-72.

⁵⁶⁰ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 120.

предложить на казанский престол своего ставленника Шах-Гали, но казанцы успели договориться с Сафа-Гиреем, севшем повторно на казанский престол при поддержке Астраханского ханства, и очевидно, ногайцев (он был женат на ногайской княжне)⁵⁶¹. В итоге второго прихода к власти Сафа-Гирея, военные действия между Московским государством и Казанским ханством возобновились. Крымское ханство поддерживало казанских Гиреев – крымский хан Сахиб-Гирей писал в Москву: «Казанская земля – мой юрт, и Сафа-Гирей царь – брат мне; ...ты б... на Казанскую землю войной больше не ходил...»⁵⁶². Затем в 1541 г. состоялся большой поход крымских войск против Московского государства, поддержанный Казанским и Астраханским ханствами⁵⁶³. Не исключено, что именно эти события описываются послании казанского хана Сафа-Гирея королю Сигизмунду, где сказано: «...для послуги вашей милости хотячи землю неприятеля вашей милости московского, поднял есми ногайского мурзу сына Мамаи мурзина Алей мурзы, с ним было людей десять тысячи. А к тому ...царь артиштрафанский прислал было мне тысячу людей»⁵⁶⁴. Очевидно, против Москвы в это время существовала обширная коалиция. Последовавший за этим русский поход 1545 г. на Казань не принес решительной победы, хотя на время Сафа-Гирей был заменен на Шах-Гали, но ненадолго – в том же 1546 г. при поддержке ногайцев и Астраханского ханства Сафа-Гирей опять оказался на казанском престоле. Вслед за этим военные действия с обеих сторон уже шли практически непрерывно, тем более, что Московское государство в 1549 г. продлило свое перемирие с Польско-Литовским государством на пять лет, обеспечив свой западный тыл⁵⁶⁵. К 1549 г., с другой стороны, относится попытка объединения наследников Золотой Орды со стороны Османской империи в мусульманский пакт (Крым, Казань, Ногайская Орда)⁵⁶⁶. Зимний поход русских войск 1549-1550 гг. закончился неудачно, но весной 1551 г. Москва начала подготовку к решающему этапу схватки с Казанским ханством. Одним из направлений деятельности московской дипломатии была нейтрализация попыток Оттоманов и крымского хана настроить ногайских мурз против русских – что удалось сделать посулами и давлением на Ногайскую Орду. Часть ногайцев во главе с нурадином Исмаилом прямо признали право Ивана IV на Казань – «Казань твоя», – писал он⁵⁶⁷. Несмотря на то, что на казанский престол после ухода в марте 1552 г. Шах-Гали при поддержке бия Ногайской Орды Юсуфа, надеявшегося на улучшение отношений с Москвой, был посажен астраханский царевич Ядигар-Мухаммет, получивший поддержку части ногайцев, московская сторона решила поход на Казань не отменять и 16 июня 1552 г. он начался. Идеологическая формулировка причин похода звучала так: «...поискати отчины прародителей своих, великих князей русских, земли Болгарские Владимирера и другага Владимирера Манамаха и васиявшого во всем великого князя Дмитрея Ивановича Донского, иже победу творящего на сопротивных, иже не покоряющесе ему»⁵⁶⁸. 2 октября после ожесточенных боев г. Казань был взят. Как писал московский летописец, «помочию всесильного господя нашего Исуса Христа и молитвами ...богом венчанный наш царь православный и великий князь Иван Васильевич, самодержец всея Руси брався с нечестивыми и одоле их до конца, царя казанского Едигера Махмета изыме и знамена их взяша и царство, и град многолюдный Казанский восприят. В полон же повеле царь имати

⁵⁶¹ Алишев С.Х. Казань и Москва... – с. 74-75; Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 120.

⁵⁶² Цит. по: Алишев С.Х. Казань и Москва... – с. 76.

⁵⁶³ История России... – с. 412; Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 127.

⁵⁶⁴ Мустафина Д. Послание... – с. 34.

⁵⁶⁵ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999. – с. 120.

⁵⁶⁶ Pelenski J. Russia and Kazan... – р.р. 40-49, 82-91; Шмидт С.О. Россия... – с. 120-121; Хорошкевич А.Л. Россия... – с. 96-97.

⁵⁶⁷ Хорошкевич А.Л. Россия... – с. 99.

⁵⁶⁸ Цит. по: Хорошкевич А.Л. Россия... – с. 105.

жены и дети малые, а ратных за их измены избити всех»⁵⁶⁹. Псковский летописец сообщал: «И высекоша всех татар во граде до 20000, а прочих поплениша; а город весь выгоре от зелиа»⁵⁷⁰. Казань и вся территория ханства были подвергнуты полному разграблению, население ханства в значительной части было уничтожено (не менее 1/3) и уведено в плен: в разрядных книгах говорится о том, что русские воины «бьюще татар по улицам, мужей и жен по дворам, а иных изъ ям выволачивающе и секуще их без милости и одираху до последняя ноготы ...безчисленное богатство взяша, и в полон многих мурзинных жон и детей взяша»⁵⁷¹. Иван IV 4 октября собственными руками посередине города Казани – в Кремле, водрузил крест и «обложил на том месте церковь во имя ...Благовещения»⁵⁷². Вскоре после взятия Казани в отправленной в Польско-Литовское государство грамоте, московские бояре именовали Ивана IV не только «царем», но и «великим государем», добавив и «казанское титло», указав, что оно «писано впервые»⁵⁷³.

Прямым результатом завоевания Московским государством Казанского ханства оказался поход на Астрахань в 1554 г. с участием верной Москве части ногайцев во главе с нурадином Исмаилом. В дипломатических документах, связанных с Османской империей, имеется детальное обоснование этого похода: «Азстороханский юрт в руки государю нашему бог дал тем обычаем: Емгурчей царь присылал ко государю нашему царю и великому князю бити челом своего посла, Ишима князя, чтоб государю нашему потому ж его держати, как и Казаньской юрт государь наш держит в своем имяни. И государь наш посылал с своим словом своего посла Севастьяна Адрамова. И он (Ямгурчи.– Д.И.) государя нашего посла безчествовал. И за те его неправды государь посылал на него рать свою. А у государя нашего в те поры был того ж юрта Дервиша Алея царь. И государь наш в свои ж рати послал его. И государя нашего люди Азсторохань взяли. И Дервиш Алея на Азсторохани по государя нашего веленью царем учинили. И Дербыш Алей государю нашему не учал прямити. И государь потому на него и рать свою послал и в Азсторохани воевод своих учинил»⁵⁷⁴. В итоге посажения на астраханский престол хана Дербыш-Алия, уже 14 сентября 1554 г. из Москвы с сообщением о взятии Астрахани в Польско-Литовское государство уехало посольство, в чьих документах в составе титулов Ивана IV есть и определение «царь Астраханский»⁵⁷⁵. Хотя на полное подчинение Астраханского ханства ушло ещё два года, причем на последней стадии завоевания в сентябре 1556 г. «людей» было «побито много»⁵⁷⁶, в конечном счете с независимостью Астраханского юрта было покончено.

Между двумя походами на Астрахань в Москве в январе 1555 г. появились послы Сибирского князя Ядигера Тайбугида, «бывших челом... ото князя Едигера и ото всеи земли, чтобы государь их... взял за себя... и дань свою на них положил и дорогу своего прислал, кому дань собрати»⁵⁷⁷. Это предложение было принято и Сибирское княжество Тайбугидов стало вассалом Московского государства. По-видимому, такому ходу событий способствовала и ситуация в Ногайской Орде – после убийства ногайского бия Юсуфа в 1555 г. там началась междоусобная война, затем в 1557 г. наступил великий голод⁵⁷⁸. В состоянии крайнего ослабления Ногайской Орды его новый правитель– бий Исмаил, ещё в 1554 г., будучи нурадином, заключивший соглашение с Москвой, в 1557 г. подписал

⁵⁶⁹ ПСРЛ. – т. 29. – с. 108.

⁵⁷⁰ Псковские летописи. – Вып. II. – М.-Л., 1955. С. 233.

⁵⁷¹ Цит. по: Хорошкевич А.Л. Русь... – с. 109.

⁵⁷² Там же. – с. 110.

⁵⁷³ Там же. – с. 116.

⁵⁷⁴ Цит. по: Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 160.

⁵⁷⁵ Там же. – с. 162.

⁵⁷⁶ Там же. – с. 170.

⁵⁷⁷ ПСРЛ. – т. 29. – с. 233.

⁵⁷⁸ Трепавлов В.В. История... – с. 274-288.

шертную грамоту с Московским государством, хотя и не предусматривающую никакой реальной подчиненности Москве⁵⁷⁹, на самом деле ведущую дело к вассальной зависимости Ногайской Орды⁵⁸⁰. Да и ногайцам особенно некуда было податься, как указывал князь Урус в 1587 г. в переписке с турецким султаном⁵⁸¹, «чья будет Астрахань и Волга и Еик, тово будет вся Ногайская Орда». Лишь Сибирское княжество Тайбугидов, благодаря приходу к власти хана Кучума ставшее ханством, продержалось дольше остальных тюрко-татарских государств. Но и хан Кучум в 1570 г. предлагал уже Москве «дружбу», а в 1571 г. – «чтоб его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всея Сибирские земли имал по прежнему обычаю»⁵⁸². Но до полного подчинения Сибирского ханства Москве понадобился поход Ермака 1582-1585 гг. и длительные военные действия русских войск против Сибирского ханства и Кучумовичей в конце XVI – начале XVII вв., чтобы Сибирский юрт, понесший тяжелые утраты, наконец был окончательно присоединен к Русскому государству⁵⁸³. Но уже после смерти Едигера Тайбугида 1555 г., в титулатуре Ивана IV, как было отмечено, появилось определение «всея Сибирские земли повелитель». Затем, после победы над Кучумом в 1598 г., начиная с Бориса Годунова, русский царь именуется также «царем Сибирским»⁵⁸⁴.

Разгоряченные победами над Казанским и Астраханским ханствами завоеватели начали даже разрабатывать проект захвата Крыма и интронизации там сына астраханского хана Дербыш-Алия Янтимера. Но Московское государство отказалось от этого плана, чреватого конфликтом с Османской империей⁵⁸⁵. К тому же Крым ещё был грозной силой – в 1570 г. крымские войска под руководством хана Давлет-Гирея дошли до Москвы и сожгли его. И имевшему выгодное геостратегическое положение Крымскому ханству под «зонтиком» Оттоманов удалось просуществовать как тюркский юрт до 1783 г.

⁵⁷⁹ Там же. – с. 612-615.

⁵⁸⁰ История России... – с. 418.

⁵⁸¹ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 171.

⁵⁸² Собрание государственных грамот... – ч. 2. – с. 41, 45.

⁵⁸³ Файзрахманов Г.Л. История... – с. 196-211.

⁵⁸⁴ Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. – М., 2000. – с. 49-50, 96.

⁵⁸⁵ Зайцев И.В. Астраханское ханство... – с. 172.

Заключение

Эпоха позднезолотоордынских тюрко-татарских государств, просуществовавших в своем большинстве исторически довольно короткий отрезок времени – около ста лет, имела для татар не меньшее значение, чем предшествующий период, связанный с Улусом Джучи (Золотой Ордой). Именно в рамках мусульманских этнополитических образований, возникших на постзолотоордынском политическом пространстве, окончательно оформились культурные и языковые особенности локальных групп татарского суперэтноса, произошло становление их идентичности, включающей как местные, так и общие элементы, базирующиеся на сложном синтезе тюрко-исламских ценностей.

Безусловно, в XV-XVI вв. на обширной территории бывших владений Золотой Орды продолжала существовать и развиваться тюрко-татарская цивилизация, восходящая своими истоками к культуре предшествующего времени, прежде всего, золотоордынской. Это доказывается не только на примере политической культуры – где сказанное вполне очевидно – но и прослеживается на особенностях экономики, социальной структуры, религии и ее институтов, традиции летописания и т.д.

На огромных просторах Восточной Европы рассматриваемого времени происходило многостороннее взаимодействие всех наследников Улуса Джучи, включая Московское великое княжество, в соперничестве с тюрко-татарскими юртами и другими государствами (Польско-Литовское государство, в меньшей степени – Османская империя), в конце концов поглотившее во второй половине XVI в. большинство позднезолотоордынских этнополитических образований. Пожалуй, можно согласиться с высказыванием о том, что включение в состав Московского государства этих юртов напоминает процесс «восстановления» золотоордынского владения во главе с «белым царем» с перемещением центра власти из мусульманских регионов в христианскую территорию⁵⁸⁶.

Такая смена политического центра не была случайной. С одной стороны, время подъема Московского государства совпало с общим кризисом исламской цивилизации, чьей северной периферией и являлись тюрко-татарские общества XV-XVI вв. С другой стороны, постепенно усиливавшееся Московское царство обладало явным демографическим превосходством (по некоторым оценкам, к началу XVI в. в нем проживало 2-2.5 млн. чел., а к середине столетия – 4-4.5 млн.⁵⁸⁷) над разрозненными в силу многих объективных причин, татарскими юртами. Однако, сказанное не может служить оправданием свершившейся агрессии со стороны одной из наследников Золотой Орды, против других. Тем более, что она сопровождалась тяжелейшими потерями для татарских обществ, в т.ч. и в сфере культуры, попавших в колониальную зависимость от носителей иных цивилизационных ценностей. По нашим оценкам, татарам для восстановления своего демографического потенциала, приспособления к новым условиям жизни, понадобилось около двух столетий. И эту потерю во времени не удалось скомпенсировать до сих пор.

Наконец, хочется особо подчеркнуть роль периода XV-XVI вв. в истории народа – именно тюрко-мусульманская культура рассматриваемого времени, несмотря на существенный урон, понесенный ею в колониальную эпоху, стала для татар той базой, на которой в дальнейшем поднялась национальная культура. Отсюда и важность исследования истории позднезолотоордынских тюрко-татарских государств.

⁵⁸⁶ Ермолев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования. Взгляд на проблему. – Казань, 2004. – с. 301-305.

⁵⁸⁷ Хорошкевич А.Л. Россия... – с. 60.

Дамир Мавляевеич Исхаков

Тюрко-татарские государства XV-XVI вв.

Научно-методическое пособие

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 18.11.2004 г.

Печ. листов 8,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ

г. Казань, ул. Кремлевская, 10/15

тел. 92-91-04, 92-84-82